

ISSN-2470-1262
EISSN-2831-4077

Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)

Volume 8, Issue II, July 2023

*The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)
ISSN-2470-1262 is both moderated and refereed*

The aim of the journal CCS & ES is to present the results of interdisciplinary research in the field of social and humanitarian sciences (Linguistics, Literature, Intercultural Didactics and Smart-Technologies, Intercultural Communication, Migrantology).

The journal supports interdisciplinary studies in the humanities and social sciences.

Editor-in-Chief: Prof. Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA

Managing Editor: Prof. Svetlana M. Minasyan, ASPU, Yerevan, Armenia

International Scientific Board:

Prof. Mitsuchi Kitajo, Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan

Prof. Tamara Kuprina, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Prof. Svetlana Minasyan, Armenian State Pedagogical University after Kh.Abovyan, Yerevan, Armenia

Prof. Turkan Olcay, Istanbul University, Istanbul, Turkey

Prof. Anna Petrikova, Prešov University, Prešov, Slovakia

Prof. Monica Perotto, Bologna University, Bologna, Italy

Prof. Wang Liye., Beijing Foreign Studies University, Beijing, China

Malebo Matshane, South African Embassy: Moscow, First Secretary: Immigration and Civic Affairs, South Africa

Editorial Board:

Rafaela Božić, Associate Professor, Ph.D., University of Zadar, Zadar, Croatia

Simona Berardi, PhD, Bologna University, Forli, Italy

Elena Ciprianová, Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Simona Koryčánková, Assoc. Prof. Ph.Dr. Mgr. Ph.D., Masaryk University, Brno, Czech Republic

Ludmila Szypielewicz, Professor, Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Rafael Guzman Tirado, Doctor of Philology, Professor of Slavic Department of Granada University, Granada, Spain

Koichi Toyokawa, Doctor of Philosophy in the field of History and Area Studies, Professor at Meiji University, Tokyo, Japan

Kuralai Urazaeva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Eurasian National University after Gumilyov (ENU), Astana, Kazakhstan

Armen Tsaturyan, Doctor of Pedagogics, Professor, H. Tumanyan Vanadzor State University, "Vanadzor Special School of Deep Teaching Mathematics and Natural Sciences" SNPO, Vanadzor, Armenia

Natalia Ushakova, Doctor of Pedagogics, Professor at V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine

Neeraja Jaiswal, Doctor of Philology, Professor, Head, Dept. of Russian Studies and Dean, School of European Languages, the English and Foreign Languages University, Hyderabad, India

Marine Aroshidze, Doctor of Philology, Professor, Head of the doctoral and master's program "Linguistics" Batumi Shota Rustaveli State University, Department of European Studies, Batumi, Georgia

Ham Young Jun, Department of Russian language. Professor, Ph.D. Dankook University, Seule, South Korea

Address for correspondence and submissions:

Prof. Thomas R. Beyer

e-mail: beyer@middlebury.edu

info@ccs.edu or info@ccs.edu@gmail.com

Tel: +001-802-233-9447

Web: <http://sites.middlebury.edu/ccses/>

www.j-ccses.org

WorldCat (OCLC) - Logos of some of our partners in the WorldCat knowledge base: ProQuest, EBSCO, Elsevier, Springer, Taylor and Francis, McGraw Hill Education, Wiley, Ingram, Cambridge University Press, Gale Cengage Learning, ebrary, Oxford University Press.

The scientific journal is registered with Library of Congress, International center 227/07, Section ISSN Publisher liaison

The Library of Congress
101 Independence Avenue SE
Washington, D.C. 20540-4284

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).
[SSL 6.03](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont 05753, USA

The journal is issued three times a year. Articles are accepted from 1 February to 1 November in the preliminary application. Authors' opinions do not necessarily correspond with those of the editors.

Copyright © CCS&ES

Thematic Orientation

1. Literature and Culture: Historic and Contemporary
 2. Contemporary Philology
 3. Contemporary Issues of Linguistics and Translation
 4. Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education
 5. Cross-Cultural Communication and Management
 6. Intercultural Pedagogy: Theory and Practice.
 7. Informational and Smart Technologies for Education
 8. Socio-cultural Studies and Migration
 9. Socio-cultural processes
- Reviews and Notes

CONTENTS

CONTEMPORARY PHILOLOGY

BIGRAM VOT NU IN EVERYDAY RUSSIAN DISCOURSE: FUNCTIONAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS - БИГРАММА ВОТ НУ В ПОВСЕДНЕВНОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА - *Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia* 6-12

THE STUDY OF BORROWED VOCABULARY IN THE FORMATION OF LANGUAGE COMPETENCE AMONG UNDERGRADUATE STUDENTS - ИЗУЧЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ – *Anna F. Gershanova, Russian New University, Moscow, Russia* 13-17

SEMANTIC CONTENT OF THE WORD "КИПИШ" IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE - СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ СЛОВА «КИПИШ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ - *Irina M. Nekipelova, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Eduard Sh. Nekipelov, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia* 18-32

COMMUNICATIVE ANALYSIS OF V.V. PUTIN'S SPEECHES - КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ В.В. ПУТИНА - *Monica Perotto, University of Bologna, Forli, Italy* 33-52

INTERCULTURAL PEDAGOGY AND METHODOLOGY: THEORY AND PRACTICE.

THE SIGNIFICANCE OF MKHITAR GOSH'S CREATIVITY IN THE EDUCATION - ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА МХИТАРА ГОША В ОБРАЗОВАНИИ - *Anna A. Hakodyan, Northern University of Yerevan, Yerevan, Armenia* 53-57

METHODOLOGY FOR DEVELOPING STUDENTS' THINKING USING PARADOXES OF PHYSICS - МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПАРАДОКСОВ ФИЗИКИ - *Mariam R. Gevorgyan, French University in Armenia, Institute for Physical Research, NAS of Armenia. Yerevan, Armenia* 58-64

SINK OR SWIM? CHOOSING TO SWIM THROUGH TRANSLANGUAGING PEDAGOGIES IN A CULTURALLY DIVERSE NATURAL SCIENCES CLASSROOM - ПЛЫ ИЛИ ПРОПАЛ? ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАНЯТИЙ ЕСТЕСТВЕННО - НАУЧНОГО ЦИКЛА В СРЕДЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ - *Shalom Nokuthula Ndhlovana, School of Education, University of the Witwatersrand, South Africa, Erasmos Charamba, School of Education, University of the Witwatersrand, Johannesburg, South Africa* 65-73

TYPICAL MISTAKES OF KOREAN STUDENTS TO LEARN RUSSIAN: FOCUSING ON THE INITIAL AND SECONDARY STAGES OF TRAINING - ХАРАКТЕРНЫЕ ОШИБКИ КОРЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ) - Hak-Soo Yoo, Sunmoon University, Asan, Republic of Korea 74-82

LITERATURE AND CULTURE: HISTORIC AND CONTEMPORARY

ANDREI PLATONOV'S IDIOSTYLE IN THE CONTEXT OF HIS SCRIPTWRITING EXPERIENCE - ИДИОСТИЛЬ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО КИНОСЦЕНАРНОГО ОПЫТА - Vassili V. Bouilov, University of Eastern Finland, Joensuu, Finland 83-93

REVIEWS AND NOTES

Ruben Giney. Andin. Historical essays on Armenians in China - Рубен Гиней. Андин. Исторические очерки об армянах в Китае, Издательство Министерство культуры Армении, "Антарес", Ереван, (2016), С.-128, ISBN: 978-9939-51-897-8 94-97

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-6-12

УДК (UDK) 81'25

*Natalia V. Bogdanova-Beglarian,
Saint Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia
Богданова-Бегларян Наталья В.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

*For citation: Bogdanova-Beglarian Natalia V., (2023).
Bigram Vot Nu in Everyday Russian Discourse: Functional and Semantic Characteristics.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2 (2023), pp. 6-12 (in USA)*

Manuscript received 20/05/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

БИГРАММА *VOT NU* В ПОВСЕДНЕВНОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

BIGRAM *VOT NU* IN EVERYDAY RUSSIAN DISCOURSE: FUNCTIONAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS

Abstract:

The article is devoted to the peculiarities of the use (functional potential) in Russian everyday speech of a combination of two particles: VOT and NU. Each of them has its own, very rich, functional and semantic potential, well described in the scientific literature, but their combination in oral communication actually forms a new, fairly frequent, speech unit VOT NU, the functionality of which on the corpus material has yet to be identified and described. The study was carried out on the material of the corpus of the Russian language of everyday communication "One Speech Day" (ORD), recorded according to the method of continuous monitoring and including dialogues and polylogues of native Russian speakers.

Keywords: speech corpus, oral discourse, everyday speech, pragmatic marker, functional semantic potential

Аннотация:

Статья посвящена особенностям употребления (функциональному потенциалу) в русской повседневной речи комбинации двух частиц: ВОТ и НУ. Каждая из них обладает собственным, весьма богатым, функционально-семантическим потенциалом, хорошо описанным в научной литературе, однако их комбинация в устной коммуникации фактически образует новую, достаточно частотную, речевую единицу ВОТ НУ, функционал которой на корпусном материале еще предстоит выявить и описать. Исследование выполнено на материале корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД), записанного по методике непрерывного мониторинга и включающего диалоги и полилоги носителей русского языка.

Ключевые слова: речевой корпус, устный дискурс, повседневная речь, прагматический маркер, функционально-семантический потенциал

1. Введение

Одну из статей, написанную мною в соавторстве с китайской ученицей, опубликованную несколько лет назад в этом самом журнале и посвященную слову НЕТ «в зеркале коллоквиалистики», мы начали с двух банальных наблюдений («постулатов») (процитирую самих себя, сохранив и курсив той статьи): « Во-первых, чем меньше слово, тем больше с ним проблем. Во-вторых, чем частотнее в речи языковая единица, тем чаще она не подчиняется действующим языковым законам и правилам, тем чаще требует к себе отдельного исследовательского внимания, отдельного описания и выработки для нее отдельных рекомендаций по функционированию в устной речи – как на уровне порождения речи, так и на уровне восприятия и понимания» [2, с. 66]. Та статья была посвящена непартикулярному (т. е. употребляемому в роли не-частицы) слову НЕТ, описание специфики которого вылилось для моей ученицы в полноценную кандидатскую диссертацию [20]. Объектом внимания в настоящей статье стали еще два «маленьких» и также очень частотных слова русской повседневной речи – ВОТ и НУ. Каждому из них посвящено довольно много литературы (см., например, [5; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 17; 19; 21] и мн. др.). Частотность их в устной речи действительно и почти одинаково высока, она зафиксирована в [18, с. 107] и может быть представлена в таблице.

Таблица

Топ-5 наиболее употребительных слов русской устной речи

Ранг	Слово	Абс. кол-во	%
1	я	5950	2,56
2	вот	5411	2,33
3	ну	5407	2,33
4	не	5400	2,32
5	да	5162	2,22

В настоящей работе интерес представляют не ВОТ и НУ сами по себе, а их устойчивое сочетание ВОТ НУ, частотность которого тоже достаточно высока. Так, по данным *n*-грамм-анализа¹, проведенного на базе выборки в 388 эпизодов повседневной речевой коммуникации корпуса «Один речевой день» (ОРД) [13] (около 110 часов звучания), биграмма ВОТ НУ имеет ранг 161 и IPM (*Instances per Million Words* – частота единицы на миллион словоупотреблений) 212 [4].

2. Функциональный статус биграммы ВОТ НУ

Сразу скажем, что биграммы ВОТ НУ и НУ ВОТ, при всей близости составляющих их компонентов, существенно различаются: и частотностью в нашей речи, и теми значениями/функциями, которые могут быть им приписаны. Биграмма НУ ВОТ много частотнее, чем ВОТ НУ: она имеет ранг 9, по данным того же *n*-грамм-анализа, и IPM 1506 [4]. Их функциональные сходства и различия описаны в [1]. Здесь остановимся на функциональной характеристике только комбинации ВОТ НУ, которая может быть важна в самых разных теоретических и практических аспектах лингвистики.

Основным источником материала для анализа стал корпус ОРД, который представляет все разнообразие ежедневной устной коммуникации на русском языке – бытовые домашние разговоры, профессиональную коммуникацию на работе, неформальные разговоры с коллегами, общение с друзьями, знакомыми, родственниками, а также

¹ *N*-граммы представляют собой последовательность текстовых графических единиц одного уровня (чаще всего букв или слов), частотные списки которых традиционно используются в современных прикладных задачах обработки естественного языка. *N* может принимать любое положительное целое число и показывает количество рассматриваемых единиц в цепочке. Чаще всего применяются небольшие значения *n* – от 1 до 5 [4]. Биграмма – это последовательность двух графических слов в тексте.

разнообразную речевую коммуникацию по типу «клиент-сервис»: в магазинах, медицинских центрах, отделах обслуживания клиентов и т. п.

Записи получены от информантов разных социальных и профессиональных групп. Корпус ОРД является одним из наиболее представительных на сегодняшний день ресурсов для изучения русского устного повседневного дискурса (см. о нем подробнее: [3; 18]).

С точки зрения функциональной характеристики устного дискурса, биграмма ВОТ НУ может быть рассмотрена как структурный вариант (контекстная репрезентация) прагматического маркера (ПМ) ВОТ [16, с. 91-109], способный реализовать часть его функций. Корпусный анализ материала ОРД позволил выявить эти функции.

2.1. Функция вербального хезитатива

Наиболее распространены в нашей коммуникации употребления ВОТ НУ в функции *вербального хезитатива* (ВХ) (от лат. *haesito* – ‘засесть, застревать, задерживаться’ и англ. *Hesitation* – ‘колебание’), ср.:

- 1) *то есть нам / ну (...) грубо говоря нужно / за (...) желательно за ближайшую неделю / дней за десять / *П ну не больше двух недель / потому что я говорю / вот ну () нам просто самим будет невыгодно;*
- 2) *мне у вас знаете, что нужно? // @ угу // @ км мне нужно узнать какой вот ну как модуль да? // @ угу // @ какой размер мне надо(?)²;*
- 3) *ну вот этот вот Парнас\$ / где (:) вот ну свет(?) метро / Парнас\$ метро / там вот дома построились / там вот внутри школы;*
- 4) *а () а / вот ну () не / вот-вот оно / видишь идёт? да / железка.*

В роли хезитатива ВОТ НУ встраивается в ряд таких – наиболее типичных для русской устной речи – ВХ, как ЭТО, ЭТО САМОЕ, КАК ЕГО (ЕЁ, ИХ) и под. [16].

2.2. Функция разграничительного маркера

Встречается ВОТ НУ и в роли *разграничительного прагматического маркера* – как правило, стартового (5)-(6) или навигационного (7), ср.:

- 5) *да? *П может *Н / я никогда не интересовался его фамилией // # вот ну да / Коля% он там (...) # с... с ним как-то не очень много / люди общаются почему-то³;*
- 6) *вот ну ладненько // ещё / ну ещё Призма\$ есть ещё в Призме\$ там *Н потихоньку тоже узнаю что чего;*
- 7) *ну () на четыре тысячи да рассчитывать? а подорожаний у вас никаких не намечается? # нет / подорожаний не будет // *П вот ну плюс я скидочку вам дам.*

В роли разграничительного маркера биграмма ВОТ НУ встраивается в ряд таких типичных стартовых ПМ, как ЗНАЧИТ, ВОООЩЕ, ЗНАЕШЬ и под, и таких типичных маркеров-навигаторов, как НУ ВОТ, В ОБЩЕМ, КОРОЧЕ и под. [16].

2.3. ВОТ НУ – полифункциональный маркер

Встретились в корпусном материале и контексты с ВОТ НУ в роли разграничительного (всех трех типов) и хезитативного маркера одновременно (подобная *полифункциональность* свойственна большинству русских ПМ [16]), ср.:

- 8) *вообще очень полезно / вот в этом возрасте всё запоминать // *П я ? вот ну библия / как все библию там я в том возрасте не читала / но вот мифы;*
- 9) *и по... / и по... / и после этого / вот ну что / вы надо мной издеваетесь / да / это давно у меня это;*

² Знаки *П и (...) в расшифровках ОРД означают паузы хезитации разной длительности, () – заминка говорящего, @ – наложение речи (одновременное говорение) собеседников. О других особенностях орфографического представления материалов ОРД см. [18, с. 242-243].

³ Знак # в расшифровках ОРД означает меню говорящих, так что ВОТ НУ выступает здесь именно в начале реплики второго говорящего.

- 10) *понимаешь / вот ну (у-у) (о-о) в общем (м-м) всякого бреда / как всегда;*
11) *думаешь вот так? *П а как? # то вот здесь узелок и вот ну ... # вот так / смотри.*

Хезитативный характер рассматриваемой единицы поддерживается в приведенных контекстах и другими хезитационными явлениями: в примере (8) это физическая пауза хезитации (*П), предшествующая ВОТ НУ, в примере (9) – обрывы и повторы (*и по... / и по... / и после этого*), после которых говорящий просто бросает неудачно начатую реплику (фальстарт) и начинает новую, пользуясь как раз единицей ВОТ НУ как навигатором. В контексте (10) после ВОТ НУ следует длинная хезитационная цепочка: *(у-у) (о-о) в общем (м-м)*, которая словно «втягивает» в себя и ВОТ НУ, делая его одним из своих звеньев. Наконец, в контексте (11) представлен редкий случай употребления ВОТ НУ в конце фразы, которая к тому же не договорена (оборвана) – такое употребление можно квалифицировать как маркер финала и хезитации одновременно.

В следующем контексте (12) можно видеть еще один структурный вариант прагматического маркера ВОТ, «разросшегося» за счет второго НУ:

- 12) *хотя она на циферблате четырнадцать градусов тепла / но оно где там внизу там у нас /наверное, из-за ветра (э) Ириш% ... # да не знаю может *Н // # там мне что *Н да? @ одиннадцать? # ну вот ну всё значит опять понижение пошло видимо ...*

Трудно сказать, по какому именно пути прошло становление этого нового структурного варианта: НУ ВОТ + НУ, НУ + ВОТ НУ или даже НУ + ВОТ + НУ, хотя вряд ли это так уж важно для функциональной характеристики конкретного фрагмента. Устная речь в принципе зыбка, диффузна и неопределенна, что и надо воспринимать просто как данность⁴. Характер стартового употребления данного маркера здесь вполне очевиден.

2.4. ВОТ НУ – биграмма, но не прагматический маркер

Нельзя, впрочем, не отметить и тех контекстов (их в материале совсем немного, около 12 % проанализированных контекстов), где ВОТ и НУ находятся рядом, составляют несомненную биграмму, но не являются одной функциональной единицей, ср.:

- 13) *я аж сижу / думаю *В (...) блин / вот (...) *Х вот прям вот ну не хочется с ней тут сидеть разбираться / думаю / ну вот / ну надо;*
14) *ну блин ну всё равно у меня все спрашивают / вот ну а что с Страховым% / да блин ну! ну при всём моём /да я согласна если там отмотать время назад / какой там он был лошок там ...;*
15) *а я уверена вот ну не бывает так / вот ни-ни разу я не слышала такую историю чтоб было так всё прямо ай.*

В примере (13) случайность соседства ВОТ и НУ более или менее очевидна: на самом деле здесь, скорее всего, рядом оказались две совсем разные единицы – действительный прагматический маркер ВОТ ПРЯМ ВОТ (см. о нем подробнее: [16, с. 109-112]) и усилительная частица НУ в конструкции *ну не хочется*.

Менее очевидны в этом смысле примеры (14) - (15), в которых, тем не менее, также есть основания говорить о случайном соседстве прагматического маркера-навигатора ВОТ [16, с. 91-109] и усилительной частицы НУ в конструкциях *ну а что с...* и *ну не бывает так*. В примере (14) обращает на себя внимание еще и общая повышенная доля употреблений НУ (5 НУ на один небольшой текстовый фрагмент). Не

⁴ Например, о «бесформенном состоянии» устной речи по сравнению с кодифицированным языком писал Л.В. Щерба, подчеркивая, что в ней «трудно уловить что-либо определенное» [22, с. 17-18]; а Б.М. Гаспаров писал об устной речи, как о «том трудно заметном и все время ускользающем, динамическом аспекте нашего взаимодействия с языком, который сопровождает наше существование в языке в каждый его момент, на всем протяжении нашего жизненного опыта» [6, с. 18].

исключено, что это можно расценивать как речевую особенность конкретного говорящего.

Подобные контексты делают несколько условной полученную статистику биграмм [4], но вряд ли это выходит за рамки допустимой погрешности и серьезно нарушает сделанные наблюдения.

3. Заключение

В качестве итоговых выводов можно заключить следующее.

Во-первых, в лингвистике важна роль так называемых «точечных» исследований: из наблюдений над отдельными словами, словоформами, конструкциями, речевыми формулами, семантическими или функциональными нюансами рождается общая картина устройства и функционирования современной русской повседневной речи, что важно во многих теоретических и прикладных аспектах: от общей теории разговорной речи (*коллоквиалистики*), грамматики употреблений (*a usage-based theory*) [23] и грамматики конструкций – до построения и совершенствования систем автоматической обработки речи, искусственного интеллекта, лингвокриминалистики, лингводидактики, речевой лексикографии, практики перевода и практики преподавания русского языка как иностранного. Именно такое «точечное» исследование и представлено в настоящей статье.

Во-вторых, сверхчастотные в нашей устной коммуникации единицы ВОТ и НУ легко комбинируются друг с другом, образуя новые устойчивые функциональные единицы, однако порядок их следования в рамках этих комбинаций оказывается весьма существенным. Так, единица НУ ВОТ в нашей речи – это структурная реализация прагматического маркера ВОТ, прежде всего в функции навигатора и с крайне высокой частотой встречаемости, а ВОТ НУ – это менее частотная реализация того же ПМ, выступающая прежде всего в функции вербального хезитатива. Многие функции этих единиц в речи совпадают, однако важно отметить, что НУ ВОТ, в отличие от ВОТ НУ, ни разу не встретился в функции хезитатива, а только как маркер-навигатор.

Все это, вне всякого сомнения, способно затруднить восприятие и понимание звучащего текста как в общении человека с человеком, так и в системах «человек – машина», что еще повышает практическую значимость сделанных наблюдений.

References:

1. Bogdanova-Beglarian, N.V. (2021). From a Change in the Places of Terms ... Sometimes Something Changes (on the Role of Word Order / Components of Non-Single-Word Units in Oral Discourse). *Languages and Cultures: Functional-Communicative and Linguistic-Pragmatic Aspects. Sat. articles based on materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of S.G. Sterligova*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky, 35-40.
2. Bogdanova-Beglarian, N.V., Cui, Lili (2019). Word NET (No) in Mirror of Colloquialism: about Functioning in Spoken Language of One of Most Frequent Words of Everyday Russian Discourse. *Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)*. 4-2, 66-71.
3. Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya., Sherstinova, T.Yu. (2019). Corpus of the Russian Language of Everyday Communication "One Speech Day": Current State and Prospects. *Proceedings of the Institute of the Russian Language. V.V. Vinogradov. Iss. 21. National corpus of the Russian language: research and development*. Moscow, 101-110.
4. Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Khokhlova, M.V., Sherstinova, T.Yu. (2023). On the Most Frequent Sequences of Words in Russian Oral Everyday Speech (Bigrams and Trigrams): Classification Experience. *Russian Linguistics*. In Print.
5. Vyazovik, T.P. (1981). *Constructions with Pronouns, Including the Particle "vot"*

- (“here”), in *Modern Russian*. Abstract of PhD Thesis. Leningrad, 37 p.
6. Gasparov, B.M. (1996). *Language, Memory, Image. Linguistics of Linguistic Existence*. Moscow: New Literary Review. Iss. IX. 352 p.
 7. Grishina, E.A. (2007). About Markers of Colloquial Speech (Preliminary Study of the Cinema Subcorpus in the National Corpus of the Russian Language, www.ruscorpora.ru). *Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Based on the materials of the Annual International Conference "Dialogue"*. Iss. 22. Moscow, 147-156.
 8. Grishina, E.A. (2008). Particle *vot* (here): Options Used in Casual Speech. *Russian Studies Toolkit: Corpus Approaches* (Slavica Helsingensia 34), 63-91.
 9. Zhumagulova, B.S. (2010). The Discursive Word "VOT" (“HERE”) in the Controversy [Electronic resource]. http://www.rusnauka.com/25_NPM_2009/Philologia/51106.doc.htm.
 10. Kibrik, A.A., Podlesskaya, V.I. (2009). Discursive Markers in the Structure of an Oral Story: the Experience of Corpus Research [Electronic resource]. *Dialog 2009*. www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/60.htm.
 11. Kobozeva, I.M. (2007). Polysemy of Discursive Words and the Possibilities of its Resolution in the Context of a Sentence (on the Example of the Word *vot* (here)). *Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Based on the materials of the annual International Conference "Dialogue"*. Iss. 22. Moscow, 250-255.
 12. Kobozeva, I.M. (2010). Is the Index Word "VOT" (“HERE”) an Adverb or a Particle? *Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian studies: a collective monograph*. Tyumen', Mandr i Ka, 189-193.
 13. *Corpus of the Russian Language of Everyday Communication "One Speech Day"* [Electronic resource]. <https://ord.spbu.ru>.
 14. Krause, M. (2007). Particle VOT (HERE) as a Verifier (Based on Dialect Texts). *Semantics. Functioning. Text*. Kirov, 235-244.
 15. Levontina, I.B. (2011). Retelling in Russian [Electronic resource]. <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/44.htm>. May 4.
 16. *Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Monograph Dictionary* (2021). St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 520 p.
 17. Prokurovskaya, N.A. (1974). Some Features of the Use of the Particle VOT (HERE) in Oral Colloquial Speech. *Questions of Stylistics. Interuniversity scientific coll.* Iss. 8. Saratov, 116-120.
 18. *Russian Language of Everyday Communication: Features of Functioning in Different Social Groups. Collective Monograph* (2016). St. Petersburg: LAIKA. 244 p.
 19. Starodumova, E.A. (2002). *Particles of the Russian Language (Multi-Aspect Description)*. Vladivostok, Far East. un-t. 292 p.
 20. Cui, Lili (2020). *Speech Acts Implemented Using the Non-Particular Word NET (NO) in Russian Everyday Speech*. PhD Thesis. St. Petersburg. 179 p.
 21. Shmelev, A.D. (2005). "Indicators of Hesitation" in Russian Speech. *Language. Personality. Text. Sat. articles for the 70th anniversary of T.M. Nikolaeva*. Moscow, 518-530.
 22. Shcherba, L.V. (1957). On the Service and Independent Significance of Grammar as an Educational Subject. *Selected Works on the Russian Language*. Moscow, 11-20.
 23. Tomasello, M. (2003). *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Harvard University Press. 388 p.

Information about the Author:

Bogdanova-Beglarian Natalia (Saint-Petersburg, Russia) – Prof. PhD. Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University, Faculty of Philology, Saint-Petersburg, Russia. Specialist in the field of corpus linguistics and colloquialistics (the study of colloquial speech) Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation over 520 published works

E-mail: nybogdanova_2005@mail.ru; n.bogdanova@spbu.ru

SPIN- code: 67740937

ORCID: 0000-0002-7652-0358

Researcher ID: M-9042-2013

Scopus ID: 56292096800

Acknowledgment:

The work was supported financially by St. Petersburg State University, project No. 94033528 (“Modeling the communicative behavior of residents of a Russian metropolis in the socio-speech and pragmatic aspects using artificial intelligence methods”) (communicative behavior of one of the speech units), as well as a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00189 (“Structure and functioning of stable multi-word units of Russian everyday speech”) (features of the functioning of a stable multi-word unit in oral discourse).

Благодарность:

Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект № 94033528 («Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта») (коммуникативное поведение одной из речевых единиц), а также гранта РФФ, проект № 22-18-00189 («Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи») (особенности функционирования в устном дискурсе устойчивой неоднословной единицы).

Author’s contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-13-17

УДК (UDK) 81

*Anna F. Gershanova,
Russian New University,
Moscow, Russia
Гершанова Анна Ф.,
Российский новый университет,
Москва, Россия*

*For citation: Gershanova Anna F., (2023).
The Study of Borrowed Vocabulary in the Formation of Language
Competence Among Undergraduate Students.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2 (2023), pp.13-17 (in USA)*

Manuscript received: 11/06/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ИЗУЧЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ- БАКАЛАВРОВ

THE STUDY OF BORROWED VOCABULARY IN THE FORMATION OF LANGUAGE COMPETENCE AMONG UNDERGRADUATE STUDENTS

Abstract:

The study of borrowed vocabulary and the peculiarities of its use in speech is necessary for the formation of language competence. The problem of the expediency of using foreign words in Russian speech is one of the most urgent today. The proposed method of studying borrowed words is aimed at forming the necessary knowledge in modern communication and the ability to carry out a conscious selection of linguistic means in various speech situations, due to the high level of speech culture.

Keywords: borrowing, foreign-language words, linguistic competence, speech situation, speech

Аннотация:

Изучение заимствованной лексики и особенностей ее использования в речи необходимо для формирования языковой компетенции. Проблема целесообразности употребления иностранных слов в русской речи является одной из самых актуальных. Предлагаемый метод изучения заимствованных слов направлен на формирование необходимых знаний в современном общении, развитие умений осуществлять осознанный подбор языковых средств в различных речевых ситуациях и воспитание высокого уровня речевой культуры.

Ключевые слова: заимствование, иноязычные слова, лингвистическая компетенция, речевая ситуация, речь

Одной из универсальных компетенций, которыми должен обладать выпускник, освоивший программу бакалавриата, является «способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)» [14].

В структуру компетенции входят языковые знания, среди которых особое место занимают лексико-семантические. Они предполагают свободное владение семантикой языковых единиц, знание их стилистической дифференциации, умение использовать лексемы в той или иной коммуникативной ситуации в соответствии с коммуникативным поводом.

В процессе формирования языковых знаний важное место занимает изучение лексических единиц с точки зрения их происхождения. Это одна из актуальных проблем в современной лексикологии, обращение к которой, безусловно, вызывает особый интерес студентов при изучении курсов «Русский язык и культура речи», «Современный русский язык». Анализ исконно русских и иноязычных слов позволяет проследить историю языковых контактов и процессов взаимодействия русского языка с другими, выявить причины заимствований, проследить процесс адаптации заимствований, увидеть причины активного употребления заимствований в тот или иной период развития русского языка.

Методологическую базу исследований заимствований в языке в отечественном языкознании составляют труды Виноградова В.В., Бархударова Л.С., Ахмановой О.С., Бельчикова Ю.А., Верещагина Е.М., Костомарова В.Г., Крысина Л.П., Мариновой Е.В., Голуб И.Б., Сорокина Ю.С., Виноградовой Е.В., Феоκлистовой В.М. и др.

Отметим, что данная тема актуальна не только для лингвистов, но и философов, культурологов, социологов, политиков. С принятием Федерального закона от 28.02.2023 № 52-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" [15], иноязычные слова в русской речи вновь вызвали широкий общественный резонанс.

Заимствование как естественный процесс развития языка [8], [10], [11, с.88-138] причины заимствований и последствия [9, с. 25], классификация заимствований [6, с.103], этапы освоения иноязычных слов [11, с. 41-49], восприятие заимствований в речи в разные периоды развития русского языка и культуры – это лишь часть вопросов, которые требуют освещения на учебных занятиях.

Знания об использовании заимствованных слов, умение целесообразно их употреблять в той или иной речевой ситуации, владение лексическими нормами современного русского литературного языка составляют структуру языковой компетенции, формирование которой представляет собой сложный комплекс методических приемов.

Цель данного исследования – показать комплекс методических приемов, которые способны сформировать не только языковую компетенцию у студентов-бакалавров, но и воспитать языковой вкус, речевые предпочтения образованного участника коммуникации в осознанном выборе языковых средств в процессе вербализации собственного замысла.

Методика формирования языковой компетенции, обуславливающей речевую культуру у студентов, способных в речевой практике осознанно выбирать и использовать различные языковые средства для выражения собственных мыслей, включает несколько этапов: 1) формирование знаний о заимствованиях и исконных словах, 2) умение осознанно и целесообразно употреблять заимствования, 3) владение навыком употребления заимствований в зависимости от речевой ситуации.

На начальном этапе важно определить, что исконным называется то слово, которое образовано на базе данного языка, а заимствованным - пришедшее в русский язык из других языков [10, С. 104–116.]. Не менее важно обратить внимание на факторы, влияющие на процесс заимствований. Систематизируя результаты

лингвистическими исследований причин заимствований, обозначим те, которые были отмечены практически всеми учеными:

- политические, дипломатические, культурные контакты с другими странами, и, как следствие, появление новых предметов, процессов, явлений и пр.;
- новаторство определенной нации в какой-либо сфере деятельности;
- авторитетность языка-источника, из которого пришли значимые для развития языковые элементы (например, термины);
- следствие закона экономии речевых усилий;
- мода.

Интересно, что последние три фактора являются наиболее значимыми для современных носителей русского языка.

Чтобы убедиться в этом, обратимся к текстам, содержащим заимствованную лексику. Для анализа был сформирован комплекс текстов, содержащих заимствованную лексику с разной степенью ее освоенности в русском языке. Тексты были предложены студентам-первокурсникам (200 человек) для выявления заимствованных слов.

А. Жилой комплекс представляет собой квартал бизнес-класса, который находится на месте бывшей промзоны. Внутренняя инфраструктура квартала включает в себя детские сады, школы, поликлинику, фитнес-центр с бассейном, футбольное поле, кафе, рестораны, кофейни, салоны красоты, офисы и сервисные службы. В жилом комплексе обустроены просторные лобби с зонами коворкинга, кофейнями и библиотеками. Также для удобства жильцов предусмотрены индивидуальные кладовые для хранения сезонных вещей, консьерж-сервис [5].

Б. Многофункциональный комплекс представляет собой «город в городе», расположенный на огороженной и охраняемой территории. Это пять корпусов на едином стилобате с коммерческими площадями и паркингом. На территории ЖК проложены велодорожки. Инфраструктура квартала предусматривает открытие магазинов, кафе, ресторанов, спортивных клубов, центров бытовых услуг, коворкинга [5].

В. Мы им даем площадку и свободу ставить то, что они хотят. Отбор гостей действительно абсолютно рандомный. Мы не выбираем людей по именам или по тому, кто они. [2].

Как показали результаты опроса, наиболее частотными заимствованными словами стали лобби, коворкинг, паркинг, консьерж-сервис, стилобат, рандомный.

Данные слова не утратили фонетическую и грамматическую связь с языком источником, поэтому были 100% отнесены к заимствованным. При этом одни из них (коворкинг - 'особое место для работы', паркинг - 'помещение для стоянки автомобилей', рандомный - 'случайный') были определены сразу, а вот толкование значения слов лобби, как 'помещения фойе для различных целей', и стилобат, как 'общественное пространство, объединяющее здания в единый комплекс', вызвало затруднение.

Анализ значений данных слов в рекламных текстах А и Б, сопоставление их с визуальными и словарными значениями, привело студентов к выводу, что заимствованные слова, несмотря на их многозначность в языке-источнике, используются только в одном значении о русской речи.

Так, слово паркинг имеет в словарях следующие значения:

1. Паркинг - -а; м. (англ. parking, от park — стоянка автотранспорта), помещение или площадка для стоянки автомобилей, оборудованные ограждениями, столбиками, разметкой и знаками [4]; место стоянки автотранспорта [7]; стоянка, сущ., кол-во синонимов: 5 [1].

2. Паркинг (parking) - перевод собственником своих акций на имя другого лица или подставных лиц с целью сокрытия реального владельца. Такая операция часто является противозаконной. См. также: складирование (warehousing) [3].

Русскоязычных контекстов с употреблением слова паркинг во втором значении не отмечается. Однако и в быту, как показал опрос студентов, слову паркинг предпочитается парковка или стоянка. Причем, если заимствованное слово употребляется преимущественно в рекламных текстах, то у парковки и стоянки сфера употребления намного шире.

Коворкинг – англ. co-working – сущ. 1) совместная работа, сотрудничество, 2) коворкинг (схема организации труда, при которой несколько самозанятых работников трудятся в одном помещении) [12].

В представленных выше рекламных текстах А и Б слово употребляется во втором значении.

В тексте В студенты быстро находят прилагательное случайный (случайный) [13], очень частотное в их речи. Объективные причины ограниченного использования этой лексемы становятся очевидными только после лексического анализа слова и работы со словарями (слово имеет помету жаргонизм). Достаточно широкое употребление слова в СМИ формирует ложное знание о сфере его применения как жаргонизма. Таким образом, студенты получают представление о ситуативной обусловленности заимствований.

Вывод о целесообразности использования заимствованных слов можно сделать в процессе выполнения задания по подбору русских синонимов к иноязычным словам: амбиция, бакенбарды, инфантилизм, инцидент, панацея, эпатаж, адекватный, лояльный, меркантильный, спонтанный, фатальный, имитировать, функционировать, бэкграунд, аниматор, блокбастер, клининг, мейкап, онлайн, фейк, фрик и пр.

Частотность и экономичность (заменить их можно только словосочетанием или описательным оборотом) данных слов в современной речи подтверждают тот факт, что заимствованные слова используются вследствие экономии речевых ресурсов, что является веским аргументом в выборе языковых средств.

Задание на определение исконно русских и заимствованных слов, представленных парами: языкознание – лингвистика, чушь - ерунда, лекарь – доктор, космонавт – астронавт, лекало – шаблон мотивирует интерес студентов к этимологическим исследованиям лексики и формирует лексические предпочтения в выборе того или иного слова.

Итак, представленная здесь методика позволяет сформировать языковые знания, систематизировать их и показать условия употребления заимствованных слов в различных речевых ситуациях, сформировать умение осуществлять осознанный отбор языковых средств, обусловленный высоким уровнем речевой культуры.

References:

1. Aleksandrova Z. E. Clovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskij spravochnik. — M.: Russkij yazyk. 2011.
2. Alyona Kozhevnikova (Varshava). Vebkam-biznes // lenta.ru, 2017.09.
3. Biznes. Tolkovyj slovar'. Anglo-russkij: Originally published by Oxford university press: Svyshe 4000 ponyatij / Obshh. red.: d. eh. n. Osadchaya I. M. - Moskva : INFRA-M : Ves' mir, 1998. - 759 s.
4. Bol'shoj Rossijskij ehntsiklopedicheskij slovar'. - Repr. izd. - Moskva: Bol'shaya Rossijskaya ehntsikl, 2009. - 1887 s.
5. Vverkhu kvartiry, vnizu ofisy: obzor moskovskikh novostroek s kovorkingami// Nedvizhimost'. ZHil'e , 28 iyul 2020/ URL: <https://realty.rbc.ru/news/5f2028529a7947cd445d0f92>

6. Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka: Ajris-Press; 2010.
7. Komlev N. G. Slovar' inostrannykh slov: [bolee 4500 slov i vyrazhenij] / N. G. Komlev. - Moskva: EHksmo, 2006 (Tver': Tverskoj poligrafkombinat). – 669 c.
8. Kostomarov V.G. YAzykovoij vkus ehpokhi. Iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj massmedia. — 3-e izd. — SPb., 1999.
9. Krysin L. P. K opredeleniyu terminov «zaimstvovanie» i «zaimstvovannoe slovo» // Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka / red. E. A. Zemskaya, D. N. SHmelev. – 1965. – M.-L.; Nauka. – S. 104–116.
10. Krysin L. P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike. — M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. — 888 s.
11. Marinova E.V. Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka [EHlektronnyj resurs]: ucheb. posobie / E.V. Marinova. — 2-e izd., ster. — M. : FLINTA, 2013. — 296 s.
12. Sirotina T. A. Sovremennyy anglo-russkij russko-anglijskij slovar' [Tekst]: 50000 slov + grammatika / T. A. Sirotina. - Rostov-na-Donu: Izd-vo Bara, 2019. - 991 s.
13. EHlektronnyj slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS® (svod obshheupotrebiteľ'noj, spetsial'noj i zaimstvennoj leksiki s sinonimicheskimi ryadami)/ Trishin V.N., s. 158 - 165. Izdano: (2010).URL: <http://rus-yaz.niv.ru/>
14. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 24 aprelya 2018 g. N 323 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya - bakalavriat po napravleniyu podgotovki 45.03.03 Fundamental'naya i prikladnaya lingvistika" (s izmeneniyami i dopolneniyami)/ Redaktsiya s izmeneniyami N 1456 ot 26.11.2021/ Konsul'tantPlyus. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-24042018-n-323/?ysclid=ljaez6vwsu165741775> (data obrashheniya: 10.05.2023)
15. Federal'nyj zakon ot 28.02.2023 № 52-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O gosudarstvennom yazyke Rossijskoj Federatsii" [Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440549/?ysclid=ljazsxyluq702450020 (dostup otkrytyj)

Information about the Author:

Anna Gershanova (Moscow, Russia) - Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Publishing Department, Russian New University (Moscow, Radio Street, 22, annagershanova@yandex.ru, 52 published articles, areas: literary text, discourse, evaluation category, language concepts.

ORCID: 0000-0001-7936-0874

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-18-32
УДК (UDC):37.015.3:159.944:316.4(045)

*Irina M. Nekipelova,
Kalashnikov Izhevsk State Technical University,
Izhevsk, Russia
Eduard Sh.Nekipelov,
Kalashnikov Izhevsk State Technical University,
Izhevsk, Russia*

*Некипелова Ирина М.,
Ижевский государственный технический
университет им М.Т. Калашникова,
Ижевск, Россия
Некипелов Эдуард Ш.,
Ижевский государственный технический
университет им М.Т. Калашникова,
Ижевск, Россия*

*For citation: Nekipelova Irina M., Nekipelov Eduard Sh., (2023).
Semantic Content of the World "кипиш" in the Modern Russian Language.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2, (2023), pp. 18-32 (in USA)*

*Manuscript received: 10/05/2023
Accepted for publication: 08/07/2023
The authors have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ СЛОВА «КИПИШ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

SEMANTIC CONTENT OF THE WORD "КИПИШ" IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract:

The article is devoted to the research of the semantic content of the word "кипиш", which is actively used by native speakers of the Russian language not only in everyday verbal, but also in written speech. During the research of dictionary definitions, including seventeen written kinds of this word, it was revealed that the history of its semantic transformations is very ambiguous. For one hundred and thirty years of its development, the word "кипиш" has acquired sixteen meanings, and not all of them have a logical connection with each other. At the same time, dictionary compilers offer several variants of its origin that do not correlate with each other. The research showed that in modern Russian the word "кипиш" serves both the criminal sphere – thieves' jargon and prison slang, and non-criminal - youth slang and colloquial speech. The picture of its meanings is a rather heterogeneous formation. Gradually, its semantics shifts from the designation of active actions of people to the expression of emotions and states of a person. At the end of the study, it was concluded that, regarding the origin of the word "кипиш", one should not talk about one word, but about three different words that coincided in the thinking of native speakers based on the similarity of their sound and their relative semantic similarity.

Keywords: semantic content of the word, semantic transformations, semantic content of the word, thieves' jargon, prison slang, youth slang

Аннотация:

Статья посвящена исследованию семантического наполнения слова «кипиш», активно используемого носителями русского языка не только в обиходной устной, но и в письменной коммуникации. В ходе исследования словарных дефиниций, включающих семнадцать вариантов написания этого слова, было выявлено, что история его семантических трансформаций очень неоднозначна. За сто тридцать лет своего развития слово «кипиш» обросло шестнадцатью значениями, и не все из них имеют логическую связь друг с другом. При этом составители словарей предлагают несколько никак не коррелирующих друг с другом вариантов его происхождения. Исследование показало, что в современном русском языке слово «кипиш» обслуживает как криминальную сферу – воровской жаргон и тюремное арго, так и некриминальную – молодёжный сленг, просторечие и разговорную речь. Картина его значений представляет собой достаточно гетерогенное образование. Постепенно его семантика смещается от обозначения активных действий людей к выражению эмоций и состояний человека. В завершение исследования был сделан вывод, что в отношении происхождения слова «кипиш» следует говорить не об одном слове, а о трёх разных словах, совпавших в мышлении носителей языка на основе схожести их звучания и их относительной семантической близости.

Ключевые слова: семантическое наполнение слова, семантические трансформации, смысловый объём слова, воровской жаргон, тюремное арго, молодёжный сленг

Введение

Языковая система, будучи открытой нелинейной системой [1, с. 351], претерпевает постоянные изменения, и любое состояние языка в настоящем является результатом изменения его прошлых состояний.

Так или иначе изменениям подвергаются все элементы и связи языка, однако не все языковые изменения происходят с одинаковой скоростью. Наиболее мобильной частью языка является его устная форма функционирования, прежде всего разговорная речь и просторечие, жаргоны, сленг и арго, при этом считается, что «арго меняется гораздо быстрее обычного разговорного языка» [25], и поэтому, чтобы понимать их, надо успевать за всеми изменениями.

Постановка проблемы, методы и материалы исследования

Арго и жаргоны выполняют особую функцию в социуме: «Существование особого условного жаргона профессиональных преступников, – «блатной музыки», – давно известно. Его цель, имеющая в виду скрывать замышляемые преступления и избегать законных последствий за совершённые, могла бы дать сильное оружие для выполнения преступных посягательств, если бы этот своеобразный язык не был расшифрован. Поэтому вполне понятно, что выяснение истинного смысла «блатных» слов представляет собою одну из важнейших мер предупреждения и раскрытия преступлений» [27, с. 4]. Однако вместе с тем этот пласт лексики «относится к наиболее подвижным (а тем самым, неустоявшимся и неканонизированным) лексическим пластам русского языка» [24], и потому следует говорить о невозможности использования формальных критериев в исследовании семантики жаргонных и арготических слов. Во многом это связано с особенностями мышления людей, владеющих жаргонами и арго.

Исследователи утверждают, что сами заключённые свободно могут переключаться с обычных слов на арготические и обратно: «Experienced inmates use argot fluently and can switch between regular names and their argot counterparts» [39], однако то же самое нельзя сказать об обывателях, не имеющих представления о том, что используемое ими в разговорной речи слово функционирует как элемент арго.

Мало того, чаще всего носители языка, не зная значения слова, пытаются додумать то, что слово значит, опираясь не на словари, а исключительно на свой языковой опыт. Всё это ускоряет процессы семантических трансформаций слов и делает их неоднозначными.

Значения некоторых слов воровского и тюремного жаргона с трудом могут поддаваться описанию и толкованию. При переходе в разговорную речь жаргонные и арготические слова теряют свою принадлежность криминальной сфере и становятся достоянием обывателей, не знающих иной реальности, кроме той, в которой жили всегда. Именно поэтому значения не всех блатных слов могут быть в полной степени им понятны. Одним из таких неоднозначных слов, вызывающих вопросы не только обывателей – носителей русского языка, но и исследователей является слово *кипиши*. Пришедшее из воровского жаргона и тюремного арго в разговорную речь, оно в настоящее время заняло прочные языковые позиции. Однако споры, связанные с его написанием, происхождением и значением, не утихают до сих пор.

Статья является продолжением исследования, посвящённого изучению процессов и механизмов семантической деривации и семантического словообразования, вызванных семантическими трансформациями смыслового наполнения слов в истории русского языка [20, 21].

Целью исследования является определение и описание смыслового наполнения слова *кипиши* на основе представления его в словарях. Предметом исследования является выявление и систематизация значений, в которых употребляется слово *кипиши*, объектом – причины семантических трансформаций, имевших место в смысловой структуре этого слова и ставший следствием семантических деривационных процессов.

Материалом исследования послужили данные современных толковых и специальных словарей, фиксирующих слово *кипиши* и дающих его толкование, а также литературные контексты, в которых оно встречается. В исследовании использованы компонентный и контекстуальный методы исследования.

Семантическое наполнение слова *кипиши* в современном русском языке

Слово *кипиши* является одним из самых неоднозначных слов в современном русском языке на основании нескольких факторов.

Во-первых, так или иначе удивляет, что исследователи насчитывают семнадцать вариантов его написания: в первую очередь это *кипиши*, *кипеш*, *кипиж*, *кипеж*, *кипёж*, во вторую – *хипис*, *хибис*, *хипиш*, *хибиш*, *хипиж*, *хибиж*, *хипес*, *хибес*, *хипеш*, *хибеш*, *хипеж*, *хибеж*. Однако этому при большом желании можно найти объяснение. Так, В. П. Смирнов, составитель «Полутолкового словаря одесского языка» в отношении одесского криминального жаргона говорит, что «произношение некоторых выражений изменялось в силу того, что человек не всегда правильно выговаривал слова чужого ему языка, но их смысл от этого не менялся» [31]. Это связано прежде всего с тем, что жаргонные и арготические слова имеют преимущественно не письменное, а устное хождение, и их трансформация, вызванная подгонкой под требования и нормы русского языка (редукция гласных: *хипес* → *хипис*, оглушение конечного согласного: *кипеж* → *кипеш*), в этом случае объяснима и во многих ситуациях оправданна. Есть и ещё такой момент: изменения в произношении во многом были связаны именно с устным форматом передачи информации, и поэтому слово понималось в зависимости от того, кто и как его услышал. Подобная ситуация, например, произошла со словом малина, функционирующем в криминальном языке в значении – ‘место, где собираются или укрываются люди, конфликтующие с законом’. *Малина* – искажённое слово *мэлюна*, то есть ‘место ночлега’, являющееся одним из множества еврейских слов, пришедших из мира Молдаванки в международную блатную и советскую повседневную лексику. Однако существование семнадцати вариантов написания наталкивают на мысль о том, что только какое-то одно из них было исходным, в то время как остальные стали вторичными в произношении и написании. Но, кроме того, возникают некоторые сомнения в том, что все эти написания представляют собой одно

слово, а не несколько, схожих по звучанию. Именно поэтому дискуссии о правильности написания слова *кипиши* в настоящее время не утихают.

Во-вторых, характеристика его эмоциональности и оценочности варьируется от крайне отрицательной до крайне положительной,

В-третьих, объяснения его происхождения, предложенные учёными, никак не коррелируются друг с другом,

В-четвёртых, оно обслуживает многие и разные социолекты – от воровского жаргона и тюремного арго до разговорной, просторечной и даже, по мнению некоторых исследователей, литературной речи.

В-пятых, некоторые его значения можно рассматривать как противоречащие друг другу – например, ‘мятеж’, ‘протест’ и ‘вечеринка’, что, впрочем, не противоречит принципам функционирования языковой системы.

Всё это делает слово *кипиши* чрезвычайно ёмким в обозначении многого, что, с одной стороны, делает его употребление удобным для носителей языка, желающих выразить общее отношение к происходящим событиям, а с другой – слишком размытым и неконкретным, не всегда поддающимся точному описанию.

1. Слово *кипиши* как словарная дефиниция

Практически во всех современных толковых словарях русского языка слово *кипиши* (в любых его вариантах написания) отсутствует, однако его употребление в настоящее время в ежедневной речи носителей русского языка является слишком частотным, чтобы не учитывать его при описании системы русского языка.

В целом слово *кипиши* (в любых из его написаний) как словарная дефиниция представлено в толковых и специальных словарях неоднородно. Рассмотрим, в каких словарях оно зафиксировано и каким образом различные словари толкуют его.

1.1. Данные толковых словарей

Данные словарей представлены в хронологическом порядке их издания.

«Толковый словарь живого великорусского языка» (1863–1866) В. И. Даля не содержит искомого слова ни в одном из написаний [5].

В «Толковом словаре русского языка» (1935–1940) под редакцией Д. Н. Ушакова слово *хипес* не представлено, однако в нём есть производное от него *хипесничество* – ‘занятие хипесника и хипесницы’, при этом *хипесница* – ‘проститутка, занимающаяся кражей денег и ценных вещей у пришедших к ней посетителей’ (из воровского арго) и *хипесник* – ‘вор, обкрадывающий посетителей проститутки при её участии’ (из воровского арго) [32].

«Словарь русского языка» (1949), составленный С. И. Ожеговым, искомой словарной дефиниции не даёт [29].

«Большой толковый словарь русского языка» (1998), опубликованный под редакцией С. А. Кузнецова, содержит следующую информацию: *хипеж* (с пометой *сниженное*) (толкование этого слова в словаре отсутствует, примеров употребления нет) и *хипеж* – ‘скандал, драка’ (с пометами *сниженное* и *жаргонное*) (примеров употребления нет) [1].

В «Новом словаре русского языка» (2000) Т. Ф. Ефремовой слово *кипиши* (в любых из его написаний) не представлено [6].

Если говорить о толковых словарях в целом, то нельзя обойти вниманием «Большой полутолковый словарь одесского языка» (2002), безусловно, не входящий в список литературных и академических словарей, но проливающий во многом свет на семантическую природу исследуемого нами слова. В нём указано следующее: *хипес* – ‘ограбление с помощью красивой женщины легчайшего поведения’. В словаре также сказано: «Некоторые лингвисты и писатели двадцатого века ошибочно полагали, что *хипес* является синонимом таких понятий, как шум, крик, вой. На самом деле определением всевозможных процессов, сопровождающихся шумовыми эффектами, в том числе и самого *хипеса*, служит слово *хипиши*» [31], однако само слово *хипиши* в словарь не включено и значение его по этой причине не дано.

В словаре «**Язык Одессы. Слова и фразы**» (2005) дана следующая информация: *хипес* (еврейское «искать») – в начале века в воровской среде так называли ‘ограбление клиента во время его визита к проститутке – драка, скандал, шум’ (то же, что *хипишь*),

хипеж – 1) ‘неприятный разговор’, 2) ‘обыск’,

хипешить – ‘ругаться, паниковать’ [37].

Отсутствие в преимущественном большинстве толковых словарей исследуемого нами слова говорит о том, что оно не является частью литературного русского языка, об этом же говорит и помета *сниженное*. Это также может быть свидетельством того, что 1) слово ещё не закрепилось в языке, то есть является лишь результатом коммуникативной практики – феноменом речи, а не языка, 2) оно переживает переход из ограниченной сферы употребления в неограниченную, 3) существуют трудности в его толковании, 4) его значение не устоялось или претерпевает существенные изменения, 5) у носителей языка возникают трудности в его восприятии и соотнесении с элементами действительности, 6) слово не является общеупотребительным, поскольку его ассимиляция литературным языком не завершилась, 7) оно относится к реалиям, знать и воспринимать которые носители языка не обязаны. Указанные причины могут не быть актуальными для слова *хипиши* или быть актуальными для него в большей или меньшей степени.

1.2. Данные специальных словарей

Данные представлены в хронологическом порядке издания словарей и собранного в них материала.

В словаре «**Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)**» (1908), составителем которого является В. Ф. Трахтенберг, дано следующее: *хипесь* – см. *хипесница*. «*Хипесница* (или *хипэсница*) – проститутка, знакомящаяся въ театрахъ, собраніяхъ, общественныхъ мѣстахъ и т. п. съ солидными, пожилыми мужчинами или богатыми «пижонами», приводящая ихъ к сѣбе и здѣсь ночью, во время сна «гостя», крадущая часть денегъ, находящихся въ его бумажникѣ, передающая ихъ своему сообщнику «коту», который съ ними и скрывается изъ квартиры. Если же хипесь (такъ называется этотъ родъ кражи) происходитъ днемъ, то «хипесница» в «извѣстный моментъ» издастъ глубокій, полный страстной истомы вздохъ; в комнату на основаніи этого условленнаго знака входит (петли двери смазаны масломъ!) безшумно (босикомъ!) «котъ», вынимаетъ, не боясь быть потревоженнымъ, изъ оставленной на стулѣ (отдѣленномъ отъ кровати высокими плотными ширмами!) одежды часть оставленныхъ в карманахъ ея денегъ и, также безшумно, какъ и явился, исчезаетъ съ ними изъ комнаты. Чѣловекъ состоятельный, семейный и занимающій извѣстное общественное положеніе, обнаруживъ (въ большинствѣ случаевъ уже возвратясь домой!), совершенную у него кражу, обыкновенно, въ силу весьма понятныхъ причинъ, даже не дѣлаетъ о ней заявленія полиціи» [34, с. 64]. Примеры употребления не представлены.

В. М. Попов в «**Словаре воровского и арестантского языка**» (1912) даёт следующее: *хипес* – ‘особый род воровства при участии красивой проститутки’ (где *блатная кошка* – ‘проститутка, являющаяся главным действующим лицом в "хипесе"', *ветошная кошка* – ‘участница "хипеса"', ей якобы сдаётся внаём комната "малины", она прописывается как жилища, появляясь в случае прихода обратно жертвы "хипеса"', *кот* – ‘любовник проститутки, живущий на её средства; сообщник "кошки хипесницы"', *котовить* – ‘следить за любовницей, завлекающей жертву на "хипес"', *малина* – ‘старуха-соучастница "хипесницы"'; квартира, где совершается "хипес"', *миша* – ‘жертва "хипесницы"', *хипесница* – ‘проститутка, обирающая гостя’ [23].

В «**Словаре жаргона преступников (блатная музыка)**» (1927), составленном М. Потаповым, указано следующее: *хипес* – ‘особый вид воровства с помощью женщины’ (ср.: *хипа* – ‘женский половой орган’, *хипесник* – ‘обкрадывающий посетителей при участии женщины’, *хипесница* – ‘женщина проститутка, обирающая посетителей’) [27, с. 178].

К. Косцинский в «Словаре русской ненормативной лексики» (1984) даёт следующее: *хипеш*, *хипиши*, *хипеж*, *кипеш*, *хибиши* – 1) ‘шум, волнение, беспорядок, скандал’; 2) ‘конфликт с администрацией тюрьмы, лагеря’ [16, с. 68]. Примеры употребления не представлены. В словаре выдвинуто предположение, что исследуемое слово связано с функционирующими в идиш выражениями *koiwesch sein*, *kobesch sein*, означающими ‘побеждать, покорять, подчинять’, немецкими арготическими словами *Chippesch* и *Gippesch* и польским арготическим словом *hipisz* (а также *chipisz*, *chypisz*, *hypisz*), использующимися в значении ‘обыск, следствие, расследование’.

«Словарь лагерной лексики» (1928–1956 гг.) Л. Городина, изданный только в 2021 году, содержит следующую информацию:

кипиши – ‘шум, ссора’,

хипеж – ‘шум, скандал’ (от первоначального слова *хипеш*; производное от *хипа* (идиш) – ‘свадьба’) [3, с. 105],

хипеж, *хипеш*, *хипиши* – 1) ‘тревога, шум’, ‘крики, скандал’, ‘массовый коллективный отказ от работы’ 2) ‘обыск’ (в немецком арго *хиппеш* – ‘следствие, розыск’), 3) ‘неприятный разговор’;

хипеш – 1) ‘шум, волнение’, 2) ‘плащ’ (возможно, потому, что он при движении производит шум, «хипеш»),

хипес – 1) ‘род кражи, в которой принимают участие проститутка и её сообщник – «кот»’ (обычно красивая, хорошо одетая проститутка знакомится с солидными мужчинами, приводит их к себе, во время сна гостя обворовывают); от еврейского *chupa* – балдахин, имеющий отношение к свадебному обряду; *хипес* – мн. число от *хупа*, переносится в воровской язык с ироническим переосмыслением (ср. *хипа* – ‘женский половой орган; *хипесник* – ‘домовой вор; вор, работающий вместе с проституткой’, *хипесница* – ‘проститутка – главное действующее лицо в «хипесе», а также *хипижница* – ‘женщина, спаивающая с целью ограбления’. Эти слова коррелируются с глаголами *хипесить* – ‘воровать при помощи проститутки’ и *хипишнуться* – ‘спохватиться’), 2) ‘домовая кража’ [3, с. 262].

«Толковый словарь уголовных жаргонов» (1991), изданный под общей редакцией Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова, даёт следующее:

хипеш, *кипиши* – ‘галдёж, шум, драка’ (от *хипеть* – ‘шуметь, бурлить’) [Дубягин, с. 84],

хибиши, *хипиши* – ‘скандал, шум’,

хипеж – ‘неприятный разговор’,

хипеж – ‘разбой, в котором приманкой служит женщина’,

хипес – ‘вид кражи’ (ср.: *хипесник* – ‘вор, обкрадывающий посетителей своей любовницы’, *хипа* – ‘женские половые органы’) [33, с. 190].

В «Словаре уголовного жаргона» (1991) М. Грачёва, А. Гурова и В. Рябинина сказано: *хипеж* – ‘скандал’ и *кипиши* – то же, что *хипеж*, а также *кипишиться* – 1) ‘скандалить’, 2) ‘торопиться’ [4].

«Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов» (1992) В. Быкова представляет следующую информацию: *хипеж* – ‘шум’ (то же, что *кипиши*, *хипеш*), *хипежить* – ‘шуметь’ (то же, что *хипешить*, *хипишиться*) [2, с. 157].

В «Словаре-справочнике по материалам прессы и литературы 80-х годов» (1997), изданном под редакцией Е. А. Левашова, имеются следующие сведения: *хипёж* – ‘бурное выяснение отношений, ссора’ (слово имеет разговорную окраску), употребляется в составе фразеологизма *поднимать хипёж* [10, с. 335–336]. Литературные источники, содержащие примеры употребления слова, датированы 1983 и 1987 годами.

В «Словаре воровского жаргона» (1997–2021) дана следующая информация:

хипеш, *хипеть* – ‘шум, ссора’,

хипиши – ‘скандал’,

хипеж – 1) ‘неприятный разговор’, 2) ‘обыск’,
хипес – ‘ситуация, когда женщина увлекает мужчину, появляется «муж» и требует деньги’ (ср.: *хипесник* – ‘вор, совершающий кражи у мужчин, которых приглашает домой его сообщница’, *хипесница* – ‘проститутка, обкрадывающая своих клиентов’) [26].

В «Словаре русского арго» (2000), составленном В. С. Елистратовым, имеется следующая информация: *хипеж*, *хипес*, *хипеш*, *хипиш*, *хипис*, *хипиш*, *хипеж*, *хипеж*, *хипес*, *хипеш*, *хипиш*, *хипис*, *хипиш* – ‘шум, скандал, крик’: *хипеж поднять* (или *навести*) – ‘поднять шум, устроить кому-либо крупную головомойку’ [36]. Примеры употребления не даны.

«Словарь криминального и полукриминального мира: мат, сленг, жаргон» (2004) Я. Мельника даёт следующую информацию: *хипиш* – 1) ‘галдеж, шум, драка’, 2) ‘ссора, драка, неполадка, шум’, 3) ‘беспорядок, кавардак’ (в комнате) [14]. Употребление слов *хипеж* и *хипеш* в этом словаре не зафиксировано. Литературные примеры употребления не даны.

«Словарь криминального сленга» (2006-2013) содержит следующую информацию: *хипеш*, *хипеть* – ‘шум, ссора’ [12].

В «Универсальном дополнительном практическом толковом словаре» (2012) И. Мостицкого указано следующее: *хипеж*, *хипеж* – ‘волнения, смута, мятеж, затеваемые заключёнными против администрации либо администрацией против заключённых’ (слово сопровождается пометой *тюремное*), написание *хипиш* не зафиксировано, примеры употребления в литературе отсутствуют [9].

В «Словаре современной лексики, жаргона и сленга» (2014) представлено следующее:

хипиш – ‘суета, беспорядок, волнение, паника’ (слово отнесено к *молодёжному сленгу*), считается неправильным написанием слова *хипеж*;

хипеш – ‘суета, шум’ (слово отнесено к *дворовому жаргону*);

хипеж – 1) ‘беспорядок, бардак, ссора, драка, неполадка, шум’ (слово отнесено к *молодёжному сленгу*), 2) ‘паника, волнение, беспокойство’ (слово отнесено к *уголовному жаргону*) [30].

«Словарь русского блатного жаргона» (2023) в редакции В. Салтыкова даёт следующее:

хипиш, *хипиш*, *хипиш* – ‘скандал, шум’;

хипеш, *хипиш* – ‘галдёж, шум, драка’ [28].

В «Кратком словаре блатного жаргона» (дата публикации не определена) есть указание: *хипиш* – ‘громкий скандал’ [17].

В словаре «Сленг хиппи» (1992) оно не представлено [24].

Из приведённых примеров видно, что специальные словари дают сильный разбой в толковании, написании и стилистической отнесённости слова *хипиш*. Это может быть вызвано 1) существенными семантическими трансформациями смыслового наполнения слова, 2) изменением – расширением, сужением, пересечением или смещением сферы его использования, 3) сближением разных слов в речи с последующим их неразличением. Более подробно об этом можно говорить не на основании данных словарей, а на основании анализа происхождения исследуемого слова и результата семантических трансформаций его смыслового наполнения.

1.3. Данные иных источников, не являющихся словарями

В **Википедии**, рассматривать которую как полноценный вариант словаря, конечно же, нельзя, но данные которой всё-таки не следует игнорировать, рассматриваемое нами слово представлено в трёх вариантах написания.

Хипиш – 1) ‘крик, скандал, разборка’ (слово сопровождается пометами *криминальное* и *жаргонное*); 2) ‘шум, суета, суматоха, переполох’ (слово сопровождается пометой *разговорное*) ([15], последняя дата обновления 14.09.2019).

Слово *хипиш* входит в состав устойчивых сочетаний и фразеологизмов: *за любой*

кипиш кроме *голодовки*, *поднять кипиш*, *разводить кипиш*, *не в кипиш*. Только к одному фразеологизму дано значение: *не в кипиш* – ‘тихо, незаметно’. Фразеологизм сопровождается в словаре пометами *криминальное*, *жаргонное*. Указано также следующее: «Фразеологизм фиксируется не позднее 1988 г. Ср. *не в хипеж* – ‘без спора’ (1971)» [18].

Литературные примеры взяты из источников, датированных 1999–2012 годами.

Кипеш – 1) ‘крик, скандал, разборка, беспорядки’ (слово сопровождается пометами *криминальное* и *жаргонное*); 2) ‘шум, суета, суматоха, переполох’ (слово сопровождается пометой *разговорное*). Употребляется в составе устойчивых выражений *поднимать кипеш*, *разводить кипеш*, *устраивать кипеш* ([13], последняя дата обновления 14.09.2019). Литературные источники датированы 1997–2008 годами.

Кипеж – ‘бурное выяснение отношений, ссора’ (слово сопровождается пометой *просторечное*) ([11], последняя дата обновления 03.05.2021). Примеры употребления отсутствуют.

В «Уголовном жаргоне» (2020) дана следующая информация:

кипеж, *кпеш*, *кпиш* – то же, что *хипеш*, чаще означает ‘панику, волнение, беспокойство’,

хипеж, *хипес*, *хпеш*, *хпиш* – ‘громкий и продолжительный скандал, с матерщиной, криком, грозящий перейти в мордобой’ ([35] последнее обновление 19 января 2020)

Без ссылок на словари исследователи дают также следующие значения слова *кпиш* (2014–2023): 1) ‘гам, гвалт, переполох, суета, шум, шумиха, громкое сходбище’ (слово относится к *просторечным*); 2) ‘шумное, буйное времяпрепровождение; как правило, весёлое, приподнятое’ (сленговые синонимы – *тусня*, *тусовка*) (слово относится к *просторечным*); 3) ‘скандал, склока, ссора, громкая протестная акция’ (слово относится к *просторечным*); 4) ‘распря, склока, ссора’ (синоним – *разборка* (если словесная перепалка переросла в драку и/или вооружённый конфликт)) (значение характеризуется как исходное *криминальное*) [25]. Литературные примеры не даны.

Источники несловарного плана сводят написание исследуемого слова только к трём вариантам – *кпиш*, *кпеш* и *кипеж* и в большей степени представляют его как единицу молодёжного жаргона, нежели воровского или тюремного аргю. Эти источники в большей степени отражают не столько происхождение слова, сколько то, как оно используется носителями языка в настоящее время – в том числе в силу возможной утраты исходной мотивации.

1.4. Данные словарей других языков

Слово *кпиш* в разных вариантах написания есть также и в других славянских языках.

Так, «Словар українського сленгу» даёт следующую информацию:

кпеш, *кпіш* – 1) ‘бійка, сварка, галас’ (‘драка, ссора, голос’) (слово сопровождается пометой *криминальное*); 2) ‘колотнеча, клопіт, метушня через дрібницю’ (‘потасовка, забота, суета по пустякам’) (слово сопровождается пометой *молодёжное*). В нём сказано также: «Від давньоєвр. *khipis* – ‘пошук’. Пор. ‘шмон’. З рос. мови: від дієслів *кипеть*, *кипятиться* у переносному значенні ‘горячкувати’, ‘бути схвильованим, нестриманим’» («От древнеевр. *khipis* – ‘поиск’. Ср. ‘шмон’. Из русского языка: от глаголов *кипеть*, *кипятится* в переносном значении ‘лихорадить’, ‘быть взволнованным, несдержанным’»);

кпешувати, *кпешувати* – 1) ‘галасувати’ (‘голосовать’), 2) ‘нервувати, метушитися’ (‘нервничать, суетиться’) (*криминальное*, *молодёжное*) [7].

«Български синонимен речник» содержит следующую информацию: *кипеж* – 1) ‘трескавост, треска, движение, деятелност, раздвижване, интензивност’ (‘лихорадка, движение, активность, волнение, интенсивность’), 2) ‘брожение, вълнение, недоволство’ (‘брожение, волнение, недовольство’), 3) ‘кипене, шупване, пенене, отделяне на газ’ (‘кипение, вскипание, вспенивание, выделение газа’), 4) ‘оживление,

възбуда' ('оживление, возбуждение') [8].

В словаре польского молодёжного сленга «*Slang młodzieżowy*» есть следующая информация:

kipisz – 'przeszukanie, ogólniej szukanie brudów' ('обыск, поиск грязи'),

kipiszownia – 'pomieszczenie w więzieniu do robienia kontroli osobistych' ('комната в тюрьме для раздевания') [38].

В словаре белорусского сленга «НШО» этого слова нет [22].

Безусловно, данные других языков можно рассматривать исключительно только как языковую поддержку, а не как основу, на которую можно опираться при проведении анализа напрямую, однако на основании имеющейся информации можно говорить о том, что польский язык поддерживает значение 'обыск', болгарский язык – значения 'волнение, недовольство, конфликт, суета, суматоха, переполох' и 'паника, волнение, беспокойство', украинский – значения 'драка, ссора, голос', 'суета, беспорядок, волнение, паника' и 'обыск'. Значение 'кража проституткой денег и ценного имущества клиента' ни одним из этих языков не поддерживается.

1.5. Семантический объём слова *кипиш* по словарям

Данные толковых и специальных словарей позволяют утверждать, что слово *кипиш* (во всех его написаниях) так или иначе имеет в современном русском языке следующие значения, представленные нами по линии производности и по времени фиксации в словарях:

- 1) 'грабительство с помощью проститутки, заманивающей жертву' (1908),
'особый род воровства при участии красивой проститутки' (1912),
'особый вид воровства с помощью женщины' (1927),
'род кражи, в которой принимают участие проститутка и её сообщник' (1928–1956),
'домовая кража' (1928–1956),
'кража проституткой денег и ценных вещей у пришедших к ней посетителей' (1935–1940),
'разбой, в котором приманкой служит женщина' (1991),
'вид кражи' (1991),
'ситуация, когда женщина завлекает мужчину, появляется «муж» и требует деньги' (1997–2021),
'ограбление с помощью красивой женщины легчайшего поведения' (2002),
'ограбление клиента во время его визита к проститутке – драка, скандал, шум' (2005);
- 2) 'конфликт с администрацией тюрьмы, лагеря' (1984),
'волнения, смута, мятеж, затеваемые заключёнными против администрации либо администрацией против заключённых' (2012);
- 3) 'массовый коллективный отказ от работы' (1928–1956),
'скандал, склока, ссора, громкая протестная акция' (2014–2023);
- 4) 'обыск' (1928–1956),
'обыск' (1997–2021),
'обыск' (2005);
- 5) 'плащ' (1928–1956);
- 6) 'неприятный разговор' (1928–1956),
'неприятный разговор' (1991),
'неприятный разговор' (1997–2021),
'неприятный разговор' (2005);
- 7) 'шум, ссора' (1928–1956),
'шум, скандал' (1928–1956),
'тревога, шум' (1928–1956),
'крики, скандал' (1928–1956),
'шум, волнение' (1928–1956),

- ‘галдёж, шум, драка’ (1991),
‘скандал, шум’ (1991),
‘скандал’ (1991),
‘шум’ (1992),
‘бурное выяснение отношений, ссора’ (1997),
‘шум, ссора’ (1997–2021),
‘скандал’ (1997–2021),
‘скандал, драка’ (1998),
‘шум, скандал, крик’ (2000),
‘галдеж, шум, драка’ (2004),
‘ссора, драка, неполадка, шум’ (2004),
‘шум, ссора’ (2006–2013),
‘суета, беспорядок, волнение, паника’ (2014),
‘суета, шум’ (2014),
‘беспорядок, бардак, ссора, драка, неполадка, шум’ (2014),
‘крик, скандал, разборка’ (2019),
‘шум, суета, суматоха, переполох’ (2019),
‘крик, скандал, разборка, беспорядки’ (2019),
‘громкий и продолжительный скандал, с матерщиной, криком, грозящий перейти в мордобой’ (2020),
‘бурное выяснение отношений, ссора’ (2021),
‘гам, гвалт, переполох, суета, шум, шумиха, громкое сходбище’ (2014–2023),
‘распря, склока, ссора’ (2014–2023),
‘скандал, шум’ (2023),
‘галдёж, шум, драка’ (2023);
- 8) ‘паника, волнение, беспокойство’ (2000),
‘паника, волнение, беспокойство’ (2014);
- 9) ‘беспорядок, кавардак’ (2004);
- 10) ‘шумное, буйное времяпрепровождение; как правило, весёлое, приподнятое’ (2014–2023).

В целом все блоки значений кроме одного представлены более или менее гетерогенно.

Первый блок значений можно свести к одному значению – ‘грабительство, воровство, ограбление, разбой; кража проституткой и её сообщником денег или ценного имущества клиента’ (предположительно связано с ивритом). Второй и третий блоки можно объединить и выделить значения – ‘конфликт с администрацией тюрьмы, лагеря’, ‘массовый коллективный отказ от работы’, ‘громкая протестная акция’, ‘волнения, смута, мятеж’. Значение ‘обыск’, включённое в четвёртый блок, стоит особняком (предположительно связано с немецким и польским языками). Так же особняком стоит и значение ‘плащ’, включённое в пятый блок. В шестой блок включено значение ‘неприятный разговор’. Значения седьмого и восьмого блоков можно объединить и перераспределить включённые в них значения в силу их гетерогенности следующим образом – ‘шум, крики, галдёж, гам, гвалт, шумиха’, ‘ссора, скандал, разборка, бурное выяснение отношений, распря, склока’, ‘драка’, ‘суета, суматоха, переполох’, ‘тревога, волнение, паника, беспокойство’. Девятый блок включает значение ‘беспорядок, бардак, кавардак, хаос’. Десятый блок состоит из значений ‘громкое сходбище’ и ‘вечеринка’.

Все эти значения можно объединить в смысловые группы, в которых слово *кишш* (в любом из написаний) может называть и выражать:

1) вербальное действие – ‘конфликт с администрацией тюрьмы, лагеря’, ‘неприятный разговор’, ‘шум, крик, галдёж, гам, гвалт, шумиха’, ‘ссора, скандал, разборка, бурное выяснение отношений, распря, склока’,

2) невербальное действие – ‘грабительство, воровство, ограбление, разбой; кража

проституткой и её сообщником денег или ценного имущества клиента’, ‘массовый коллективный отказ от работы’, ‘обыск’, ‘драка’,

3) одновременно вербальное и невербальное действие – ‘волнения, смута, мятеж’, ‘громкая протестная акция’, ‘громкое сходбище’ и ‘вечеринка’,

4) внутреннее состояние человека – ‘тревога, волнение, паника, беспокойство’,

5) внешнее активное состояние мира – ‘суета, суматоха, переполох’,

6) внешнее пассивное состояние мира – ‘беспорядок, бардак, хаос, кавардак’.

7) предмет – ‘плащ’.

Заключение

В результате проведённого анализа семантического наполнения словарных дефиниций, данных толковыми и специальными словарями, можно сделать следующие выводы:

1. Широкий круг значений, в которых употребляется или способно употребляться слово *кипши* (в любых из его написаний), показывает, каким огромным семантическим потенциалом обладает исследуемое слово. При точной и конкретной детализации его значений, актуализирующихся в тех или иных контекстах, оно способно обозначать и выражать сразу многое – какую-то общую ситуацию. За счёт этого слово *кипши* отличается от многих других слов тем, что в некоторых контекстах его значение оказывается настолько размытым, что сложно понять, какое из значений актуально: например, *ну и кипши вы тут устроили*. Это связано, безусловно, с социальным языковым заказом – обозначать многое сразу (конфликт + ссора + драка) или последовательно (конфликт → ссора → драка). Однако некоторые значения выбиваются из общего ряда значений.

2. В течение всего двадцатого века слово *кипши* (во всех его написаниях) обростаёт всё новыми и новыми значениями, практически все из которых сохраняются вплоть до начала двадцать первого века. При этом практически все значения дифференцируются стилистически и распределяются по разным сферам: криминальная лексика – воровской жаргон и тюремное или лагерное арго, некриминальная лексика – молодёжный сленг, просторечие, разговорная речь. Параллельно с появлением новых и развитием старых значений происходит их отрыв от значений исходных. Так, за пределами современного языка остались значения ‘грабительство, воровство, ограбление, разбой; кража проституткой и её сообщником денег или ценного имущества клиента’ и ‘обыск’.

3. Смысловое наполнение слова *кипши* претерпело и продолжает претерпевать существенные семантические трансформации, влияющие на актуализацию одних значений и деактуализацию других. Постепенно его семантика смещается от обозначения активных действий людей к выражению эмоций и состояний человека и пространства вокруг него. Его стилистическая направленность становится более сглаженной и мягкой, что позволяет ему войти в разговорную речь обывателей и даже приблизиться к литературной.

4. В отношении сопроводительных помет можно сказать, что в основе своей словаря сходятся в следующем: 1) слова *хипис, хибис, кипши, хибши, хипиж, хибиж, хипес, хибес, хипеш, хибеш, хипеж, хибеш, хипеш* отнесены к воровскому жаргону, 2) слово *кипёж* сопровождается пометой *разговорное*, его употребление распространяется на ежедневную речь обывателей, 3) слова *хипеш, хипиж* и *хипеж* отмечены как принадлежащие тюремному и лагерному арго, 4) слово *кипши* относится к молодёжному сленгу, а также к речи обывателей и сопровождается пометами *разговорное* и *просторечное*. Вопреки всем расхожим мнениям слово *кипши* (в любых его вариантах написания) не является частью литературного русского языка.

5. В последнее десятилетие ведутся активные споры из-за того, как правильно следует писать слово *кипши*. И в этом отношении количество написаний, достигающих семнадцати, оказывается под большим вопросом: *кипши, хипеш, хипиж, хипеж, кипёж, хипши, хипеш, хипиж, хипеж, хибши, хибеш, хибиж, хибеш, хипис, хипес, хибис, хибес*.

Опираясь на литературные источники, в которых *хипис* – ‘кража’ (А. И. Куприн «Киевские типы» (1895–1897), а *хипес* – ‘грабительство с помощью проститутки, заманивающей жертву’ (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев» (1927), «Золотой телёнок» (1931)) и пр., мы можем свести воедино написания *хипис*, *хипес*, *хибеж* и *хипеж* – это то, что можно достоверно подтвердить письменными источниками. Из этого, по всей видимости, следует, что все варианты написания, начинающиеся с *х* – *хипиш*, *хипеш*, *хипиж*, *хипеж*, *хибиш*, *хибеш*, *хибиж*, *хибеж*, *хипис*, *хипес*, *хибис*, *хибес* (из двенадцать) – можно рассматривать как одно слово, имевшее значение ‘грабительство с помощью проститутки, заманивающей жертву’. Отдельно стоят слова *кипиш*, *кипеш*, *кипиж*, *кипеж*, *кипёж*, не фигурирующие в источниках, описывающих действия проституток. Слово *кипиж* не встречается ни в каких контекстах, что может быть основанием для того, чтобы при анализе не рассматривать подобное написание вообще. Слова *кипёж*, *кипеж*, *кипеш* и *кипиш* можно рассматривать как одно (если учитывать влияние польского языка – два) исходное слово, распавшееся впоследствии на несколько разных фонетических и письменных вариантов, которые стали отчасти функционировать самостоятельно. Об этом можно говорить хотя бы на основании того, что практически у каждого из этих написаний существует отличающее их от других значение: *кипёж* – ‘конфликт с администрацией тюрьмы или лагеря’, *кипеш* и *кипеж* – ‘скандал, конфликт, ссора, склока, распря’ и ‘драка, разборка’, *кипиш* – ‘волнение, паника, смятение, беспокойство’, ‘беспорядок, бардак, хаос, кавардак’ и ‘вечеринка’.

6. Остаётся также открытым вопрос о происхождении исследуемого слова. Логичная на первый взгляд, но внутреннее гетерогенная картина значений распадается на отдельные, вполне гомогенные блоки, имеющие внутреннее развитие и стройную внутреннюю структуру. Составителями и авторами словарей предлагается как минимум три вполне реальных варианта появления и образования этого слова, никак между собой не коррелирующих, и разнородные замечания по этому поводу не позволяют выстроить линейный путь развития этого слова. В силу этого возникает ощущение семантической неоднородности значений, включённых в одну ситуацию. Однако, так или иначе, можно говорить о влиянии иврита (значение ‘грабительство с помощью проститутки, заманивающей жертву’), влиянии немецкого и польского языков (значение ‘обыск’) и собственно русском происхождении (все остальные значения). Если принимать эти данные за основу, то приходится утверждать, что мы говорим не об одном слове, а о трёх разных словах, совпавших в мышлении носителей языка на основе схожести их звучания и их относительной семантической близости и слившихся в одно.

В заключение следует сказать, что на основании только словарных данных невозможно описать сложный путь семантических трансформаций, произошедших в смысловой структуре слова *кипиш*. Для подтверждения данных, полученных в результате семантического анализа словарных дефиниций, необходимо обратиться к контекстам, в которых оно встречается и провести контекстуальный анализ его употребления в различных контекстуальных условиях, а также обратиться к вопросам происхождения этого слова, в том числе с учётом его поддержки другими языками.

References:

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S. A. Kuznecov [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ch. ed. S. A. Kuznetsov]. Sankt-Peterburg: Norint [St. Petersburg: Norint], 1998, 1534 p.
2. Bykov V. Russkaya fenya. Slovar' sovremennogo interzhargona asocial'nyh elementov [Russian Phenya. Dictionary of the modern interjargon of asocial elements]. München: Verlag Otto Sagner, 1992, 182 p.
3. Gorodin L. Slovar' russkih argotizmov. Leksikon katorgi i lagerej imperatorskoj i sovetskoj Rossii [Dictionary of Russian Argotisms. Lexicon of hard labor and camps of imperial and Soviet Russia]. Moskva: Izdatel'stvo Muzeya istorii GULAGa i Fonda

- Pamyati [Moscow: Publishing House of the Gulag History Museum and the Memory Fund], 2021, 336 p.
4. Grachyov M., Gurov A., Ryabinin V. Slovar' ugovnogo zhargona [Dictionary of criminal jargon]. Kiev: Sigma-Tor [Kyiv: Sigma-Tor], 1991, 22 p. URL: http://plutser.ru/slovari_argo_20v/slovar_argo_grachev_gurov_rjabinin/ (accessed 24.06.2023).
 5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 chastyah [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 parts]. Moskva: Obshchestvo lyubitelej rossijskoj slovesnosti, uchrezhdennoe pri Imperatorskom moskovskom universitete [Moscow: Society of Lovers of Russian Literature, established at the Imperial Moscow University], 1863–1866.
 6. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. V 2 tomah [New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-forming. In 2 volumes]. Moskva: Russkij yazyk [Moscow: Russian language], 2000.
 7. Кіпіш // Словар українського сленгу. URL: <http://slovopedia.org.ua/кіпіш> (accessed 15.01.2022).
 8. Kipezh // Български синонимен речник (2013). URL: https://synonim_bg.en-academic.com/7152/кипеж (accessed 17.03.2023).
 9. Kipezh // Mostickij I. L. Universal'nyj dopolnitel'nyj prakticheskij tolkovyj slovar' [Universal additional practical explanatory dictionary]. Moskva: Triumf [Moscow: Triumph], 2012. URL: <https://rus-mostitsky-universal-dict.slovaronline.com/кипеж> (accessed 18.06.2023).
 10. Kipyozh // Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-h godov / Pod red. E. A. Levashova [New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 80s / Ed. E. A. Levashova]. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin [St. Petersburg: Dmitry Bulanin], 1997. 906 с.
 11. Kipezh // Wikipedia. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/кипеж> (accessed 17.06.2023).
 12. Kipesh // Slovar' kriminal'nogo slenga [Criminal Slang Dictionary]. URL: <http://slovar.plib.ru/dictionary/d11/2417.html> (accessed 24.06.2023).
 13. Kipesh // Wikipedia. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/кипеш> (accessed 17.06.2023).
 14. Kipish // Mel'nik Ya. Slovar' kriminal'nogo i polukriminal'nogo mira: mat, sleng, zhargon [Dictionary of the criminal and semi-criminal world: mat, slang, jargon] (2004). URL: <https://fena.academic.ru/2744/кипиш> (accessed 17.06.2023).
 15. Kipish // Wikipedia. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/кипиш> (accessed 17.06.2023).
 16. Koscinskij K. Slovar' russkoj nenormativnoj leksiki [Dictionary of Russian profanity] // Strana i mir [Country and world]. Munich, 1984. Vol. 12, p. 61–68.
 17. Kratkij slovar' blatnogo zhargona [Short Dictionary of Thieves Jargon]. URL: https://atom-rpg.fandom.com/ru/wiki/Краткий_словарь_блатного_жаргона (accessed 24.06.2023).
 18. Ne v kipish // Wikipedia. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/не_в_кипиш (accessed 17.06.2023).
 19. Nekipelova I. M. Globalizaciya yazyka: neizbezhnost' ili neobhodimost'? [Globalization of language: inevitability or necessity?] // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal) [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)]. 2015, no. 3, p. 351–363.
 20. Nekipelova I. M. K voprosu o razgranichenii ponyatij semanticheskaya derivaciya i semanticheskoe slovoobrazovanie v diahronicheskom aspekte [On the question of delimiting the concepts of semantic derivation and semantic word formation in the diachronic aspect] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2011, no. 2 (14), p. 33-46.
 21. Nekipelova I. M. Organizaciya, samoorganizaciya i dezorganizaciya yazykovoj sistemy: mekhanizmy optimizacii yazyka i rechi (sinergeticheskij aspekt) [Organization, self-

- organization and disorganization of the language system: mechanisms for optimizing language and speech (synergistic aspect)]. Izhevsk, 2014.
22. НИШО. URL: <https://nisho.me/> (accessed 19.06.2023).
 23. Popov V. M. Slovar' vorovskogo i arestantskogo yazyka [Dictionary of the thieves' and prisoners' language]. Kiev: Pechatnya S. P. Yakovleva [Kyiv: Printing House of S.P. Yakovlev], 1912, 128 p. URL: <https://popgun.ru/viewtopic.php?t=378188&start=30> (accessed 24.06.2023).
 24. Rozhanskij F. I. Sleng hippy: materialy k slovarju [Sleng hippie: materials for the dictionary]. Sankt-Peterburg; Parizh: Izdatel'stvo Evropejskogo doma [Saint Petersburg; Paris: European House Publishing House], 1992, 63 p.
 25. Sadov A. A. Pravopisanie slova «kipish»: dopustimye formy, grammatika, znachenie i upotreblenie [Spelling of the word "кипиш": permissible forms, grammar, meaning and use]. URL: <https://pishempravilno.ru/kipish/> (accessed 18.06.2023)
 26. Slovar' vorovskogo zhargona [Dictionary of thieves' jargon]. URL: <http://www.biometrica.tomsk.ru/ftp/dict/slang/jargon.htm> (accessed 24.06.2023).
 27. Slovar' zhargona prestupnikov (blatnaya muzyka) / Sostavil po novejsim dannym S. M. Potapov [Dictionary of the jargon of criminals (thieves' music) / Compiled according to the latest data by S. M. Potapov]. Moskva: Narodnyj komissariat vnutrennih del [Moscow: People's Commissariat of Internal Affairs], 1927, 196 p.
 28. Slovar' russkogo blatnogo zhargona / V redakcii V. Saltykova [Dictionary of Russian thieves jargon / Edited by V. Saltykov] (2023). URL: <https://dzen.ru/a/Y8fG9-AlxTUbiFX9> (accessed 24.06.2023).
 29. Slovar' russkogo yazyka / Sost. S. I. Ozhegov [Dictionary of the Russian language / Comp. S. I. Ozhegov]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej [Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries], 1949, 968 p.
 30. Slovar' sovremennoj leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang] (2014). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-202-1.htm#zag-2205> (accessed 17.06.2023).
 31. Smirnov V. P. Bol'shoj polutolkovyj slovar' odesskogo yazyka [The Great Half-Protein Dictionary of the Odessa Language]. Odessa: Druk [Odessa: Druk], 2022, 485 p. URL: <https://www.libfox.ru/252771-valeriy-smirnov-polutolkovyy-slovar-odesskogo-yazyka.html> (accessed 25.06.2023).
 32. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / Pod red. D. N. Ushakova [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes / Ed. D.N. Ushakov]. Moskva: Sovetskaya enciklopediya [Moscow: Soviet Encyclopedia], 1935–1940.
 33. Tolkovyj slovar' ugolovnyh zhargonov / Pod obshchej redakciej YU. P. Dubyagina i A. G. Bronnikova [Explanatory Dictionary of Criminal Jargons / Edited by Yu. P. Dubyagin and A. G. Bronnikov]. Moskva: «Inter-OMNIS», «ROMOS» [Moscow: Inter-OMNIS, ROMOS], 1991, 209 p.
 34. Trahtenberg V. F. Blatnaya muzyka («Zhargon» tyur'my) / Pod redakciej i s predisloviem professora I. A. Boduen de Kurtene [Blatnaya music ("Jargon" of the prison) / Edited and with a preface by Professor I. A. Baudouin de Courtenay]. St. Petersburg, 1908, 116 p.
 35. Ugolovnyj zhargon [Criminal jargon]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Уголовный_жаргон (accessed 24.06.2023).
 36. Hipezh // Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo: materialy 1980–1990 gg. [Elistratov V.S. Dictionary of Russian argo: materials 1980-1990]. Moskva: Russkie slovori [Moscow: Russian dictionaries], 2000. URL: http://gramota.ru/slovori/argo/53_15286 (accessed 17.06.2023)
 37. Yazyk Odessy. Slova i frazy. Slovar' [The language of Odessa. Words and phrases. Dictionary]. Odessa: Optimum, 2005, 167 p. URL: <https://1664.slovaronline.com/articles/%D0%A5/page-1> (accessed 25.06.2023).

38. Slang młodzieżowy. URL: <https://www.miejski.pl/> (accessed 25.01.2022).
39. Crewe B. and Einat T. Argot (Prison). Dictionary of Prisons and Punishment. Willan: Ed. by Yvonne Jewkes and Jamie Bennett, 2008.

Information about the Authors:

Nekipelova Irina (Izhevsk, Russia) – PhD, Head of the Department «Russian as a Foreign Language», Director of Testing center, Kalashnikov Izhevsk State Technical University. Winner of the "Scientist of the Year 2020" in the category "Humanities: languages and literature" (International Achievements Research Center) (Chicago, USA). Research fields: history of Russian language, language philosophy, teaching Russian as a foreign language; author of over 140 publications, 5 monographs and textbook «Russian as a foreign language: Step by step». E-mail: irina.m.nekipelova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8448-3000

SCOPUS ID: 57191414786

Web of Science Researcher ID: AAS-9439-2021

SPIN- Code: 8968-4493

Author ID: 394021

Nekipelov Eduard (Izhevsk, Russia) – student of the Faculty of Energy, Institute of Translators in the field of professional communication, Kalashnikov Izhevsk State Technical University. Research fields: Russian language; teaching Russian as a foreign language; pedagogy, comparative linguistics.

E-mail: eduard_nekipelov@mail.ru

Author's contribution: The work is solely that of the authors.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-33-52

УДК(UDC)81-25

*Monica Perotto,
University of Bologna,
Forly, Italy
Моника Перотто,
Болонский Университет,
Форли, Италия*

*For citation: Monica Perotto, (2023).
Communicative Analysis of V.V. Putin's Speeches.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2 (2023), pp. 33-52 (in USA)*

Manuscript received 11/06/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ В.В. ПУТИНА

COMMUNICATIVE ANALYSIS OF V.V. PUTIN'S SPEECHES

Abstract:

This paper intends to propose a communicative analysis of political texts, particularly of some public speeches of President of Russian Federation V.V. Putin. Starting from the growing current interest in the language of political communication in Russia, which is characterized by multiplicity of terminological definitions, an attempt will be made to trace a method of analysis of Putin's primary texts, which are predominantly configured as hybrid texts, both descriptive and rhetorical, argumentative and persuasive. These texts, overcoming the rigid stylistic norms typical of public discourse, represent a vivid model of political persuasion and such a rich stylistic range that they could also be of great interest in teaching Russian at an advanced level. The analysis will be organized on the macro- and microstructure levels. Thanks to the creation of two small monolingual corpora ("Prewar Speeches" and "War Speeches"), processed on the Sketch Engine platform, a dynamic analysis of some keywords frequency and usage will also be implemented.

Keywords: text analysis, political discourse, rhetoric, stylistics, speeches of V.V. Putin

Аннотация:

В данной статье хочется предложить коммуникативный анализ политических текстов, в частности, некоторых публичных выступлений Президента Российской Федерации В.В. Путина. Исходя из растущего в настоящее время интереса к языку политической коммуникации в России, который характеризуется множественностью терминологических определений, будет предпринята попытка проследить метод анализа первичных текстов Путина, которые преимущественно представляют собой гибридные тексты, одновременно описательные и риторические, аргументирующие и убеждающие. Эти тексты, преодолевая жесткие стилистические нормы, характерные для публичного дискурса, представляют собой яркую модель политического убеждения и настолько богатый стилистический диапазон, что могут представлять большой интерес и для преподавания русского языка на продвинутом уровне. Анализ будет

организован на макро- и микроструктурном уровнях. Благодаря созданию двух небольших моноязычных корпусов ("Предвоенные речи" и "Военные речи"), обработанных на платформе Sketch Engine, будет также реализован динамический анализ частоты и употребления некоторых ключевых слов.

Ключевые слова: анализ текста, политический дискурс, риторика, стилистика, речи В.В. Путина

1. Краткое введение об анализе политического дискурса в современной России

В России выступления Президента В.В. Путина уже несколько лет являются предметом научных исследований лингвистов, политологов и специалистов в области политической коммуникации. Данные тексты можно анализировать как типичные примеры политического дискурса, которому Елена И. Шейгал дает очень широкое определение:

«Политический дискурс представляет собой знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [1, 9].

Два измерения политического дискурса - реальное и виртуальное - реализуются в текстах и видео, которые все чаще можно просматривать в режиме реального времени и анализировать с помощью различных инструментов.

По словам Марины В. Гавриловой, одного из ведущих специалистов в этой области, интерес к языку политики в российском научном мире растет, но в последнее десятилетие он во многих случаях обращается к речам иностранных лидеров. В период с 2012 по 2016 год из 44 исследований, появившихся в российском журнале *Политическая Лингвистика*, Гаврилова обнаружила, что только 12 были посвящены российским лидерам [2, 64]. На самом деле, уже в прошлом веке многие российские лингвисты уделяли внимание филологическому анализу речи глав государств, не только российских [3, 4].

В связи с распространением направлений исследований в этой области, в науке трудно найти общую терминологию. Помимо уже упомянутого термина "политический дискурс", говорят также об "общественно-политической" или "агитационно-политической" речи, или, проще говоря, о "политическом языке" [4, 127] и еще, в более широком смысле, о "политической лингвистике" [5], [6].

Статус политического языка также неоднозначен: с лексической точки зрения его можно считать микроязыком, специальным языком, но ему иногда не хватает точности и однозначности, характерных для специальных языков. "Часто, - как утверждает итальянский лингвист Микеле Кортелаццо, - политическая, техническая и, прежде всего, нетехническая лексика, пытается принять сильную антиспециалистскую коннотацию и заметно эмоциональный и экспрессивный характер"⁵.

Несмотря на трудности в его определении, язык политики следует понимать как специфическую форму коммуникации, которая действует в зависимости от социального контекста, в котором она функционирует, часто в пропагандистских целях, и поэтому коммуникативно-прагматическое измерение, безусловно, должно

⁵ Spesso il lessico politico, tecnico e, soprattutto, non tecnico, cerca di assumere una forte connotazione antispecialistica e un'aura marcatamente emotiva ed espressiva» (перевод автора). [7: 18]

быть поставлено в центр его анализа. В зависимости от контекста, в котором произносятся политические речи, и аудитории, для которой они предназначены, коммуникативные функции будут различными, и, следовательно, будут возникать различные текстовые формы и жанры.

По мнению Кортелаццо, в языке политики тексты (или речи) можно разделить на две категории: "первичные" и "вторичные", где первые - это те, которые производятся непосредственно политиками в их деятельности (выступления, парламентские или институциональные речи, интервью), а вторые - результат политического, журналистского анализа (аналитические статьи, доклады или эссе). По содержанию ученый называет их полемическими или дидактическими (дидактико-аргументативными) текстами, в зависимости от того, преобладает ли в них убеждающая или дидактико-аргументативная, познавательная функция [там же, 20-23]. Как мы увидим, тексты выступлений В.В. Путина имеют довольно гибридный характер, поскольку включают в себя оба типа - убеждающий и дидактический, но, безусловно, относятся к категории первичных текстов.

Независимо от определений, при анализе политической речи, произносимой сегодня в России, в том числе публичных выступлений Президента Российской Федерации (далее - РФ), необходимо учитывать изменения, произошедшие за последние тридцать лет в жанрово-стилевой типологии устного публичного дискурса, который, согласно исследованиям Елены И. Голановой и других специалистов, освободился от ограничений жестких стилистических норм, зафиксированных политических и идеологических шаблонов⁶.

Эти изменения многообразны: динамика жанров часто ниспровергается, и все более частотны оживленные интервью, публичные дебаты, в которых «шаблоны заменяются импровизацией» [8, 429]. В этих речах граница между устным, разговорным языком и письменным, научным языком становится все более размытой, с явной тенденцией к преобладанию первого над вторым. Политический дискурс превращается из монологического в диалогический, а интервью часто принимает форму "монологизированного диалога" [там же, 430]. Для того чтобы оживить тон речи и обратиться к народу, политик не только прибегает к идеологическим лозунгам, но и к частому употреблению коллоквиализмов, к переходам от формального к неформальному регистру, от стандартного языка к сленгу, иногда даже прибегая к сквернословью.

В Италии эти стратегии были полностью приняты в начале 1990-х годов лидерами популистских партий, например, Северной Лиги, и проанализированы в некоторых интересных работах Паолы Дезидери. Ученый хорошо выделила стратегию "отзеркаливания", представленную в форме «сразу понятных экспрессивных выражений и неформальных регистров речи, способных активировать в реципиентах мощные зеркальные системы, очень эффективные для роста консенсуса»⁷ [11, 285].

Современная политическая коммуникация, как русская, так и итальянская, демонстрирует характер относительного равенства социальных ролей между собеседниками, в том смысле, что говорящий предпочитает выбирать неформальный регистр, чтобы сократить дистанцию со слушателем. Переход от парадигмы "превосходства" к парадигме "отражения", принятой лидерами для достижения консенсуса, также недавно обсуждался Джузеппе Антонелли [12, 93] и Микеле Кортелаццо [7, 78], чтобы показать, как язык итальянской политики в последние десятилетия отказался от тонов сложной и величественной риторики, которая создавала впечатление превосходства лидера, в пользу более простых языковых реализаций, близких к чувствам публики или электората.

⁶ См. в частности [8], [9]. В 1999 Виталий Г. Костомаров писал: «сейчас наше общество вне всякого сомнения, встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм» [10, 7].

⁷ «Forme espressive immediatamente comprensibili e registri informali in grado di attivare nei destinatari potenti sistemi di rispecchiamento molto efficaci per la crescita del consenso» (перевод автора).

Даже в России публичный политический дискурс все больше питается сленгом, красочными выражениями, потому что таким образом он удерживает внимание публики. Безусловно, на такой язык влияют процессы языковой глобализации, которые проявляются в наличии заимствований и терминологии из международной прессы или языка социальных сетей. В свою очередь, политический язык оказывает сильное влияние на стандартный язык, как отметил Максим А. Кронгауз:

«Влияние литературы на большие массы резко упало. Новые слова и выражения, которые появляются время от времени и входят в русский язык, связаны не с литературными процессами, а с рекламой, ярким высказыванием блогера, также политики стали источниками таких фразочек» [13].

Ниже мы приведем некоторые путинские выражения, ставшие настоящими афоризмами общего языка. Но теперь более подробно рассмотрим, чем характеризуется путинская риторика.

2. В.В. Путин и риторика

Со времен великого греко-римского ораторского искусства риторика развивалась в основном по трем направлениям:

- *риторика Платона*: убеждающий дискурс, основанный на диалектике [14];
- *аристотелевская риторика*: искусство убеждения, основанное на трех категориях *этоса* (ἦθος, мораль дискурса), *логоса* (λόγος, рациональность) и *пафоса* (πάθος, страстность, эмоции) [15: 69-70];
- *риторика Квинтилиана*: классическая, редуцирующая концепция риторики как "науки красноречия" [14, 39].

Язык, который президент РФ использует в своих официальных выступлениях, как мы увидим, не является примером эрудиции или ораторского мастерства ради самого себя, а преследует четкие цели политического убеждения, ближе к аристотелевской риторике. Его красноречие следует трем аристотелевским категориям - *этос*, *логос* и *пафос* - по-разному, в зависимости от контекста и цели конкретной речи. Это приводит к выступлениям, которые, несомненно, богаты творческими и сложными стратегиями, захватывающими аудиторию.

М. Гаврилова подчеркивает широкий спектр устных жанров, характерных для речей Путина [16, 111]. В 1990-е годы на речи президента России, в первую очередь на те, которые ввел Ельцин [2, 63], оказывали сильное влияние жанры, характерные для зарубежной риторики: послание Федеральному собранию⁸, инаугурационная речь, пресс-конференция, которые добавились к уже существовавшим обращению к народу, заявлению и совещанию.

Владимир В. Путин добавил к ним новый жанр: дебат с гражданами РФ, так называемую *Прямую линию с Президентом*, единственный вид дебатов, в которых он ежегодно, начиная с 24 декабря 2001 года, выступал перед публикой в прямом эфире, отвечая на вопросы слушателей, передаваемые в сети или со стационарных и мобильных телефонов⁹. Последняя встреча *Прямой линии* состоялась 30 июня 2021 г.¹⁰, но за прошедшие годы популярность этого формата снизилась, как показывают

⁸ О характеристиках *послания* как жанра см. Перовская Т.И.:

<https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27972/1/rya-IV-2014-09.pdf> (дата обращения 20.06.2023).

⁹ Вопросы, которые, по словам оппозиционного политика Ивана Жданова (директора Фонда борьбы с коррупцией с 2018 года), заранее подготовлены и тщательно отобраны:

<https://www.youtube.com/watch?v=oQMC7qbOELs> (дата обращения 20.06.2023).

¹⁰ Видеозаписи различных выпусков *Прямой линии* размещены на сайте Первого канала:

<https://www.1tv.ru/shows/vystupeniya-prezidenta-rossii/pryamaya-liniya-2021/pryamaya-liniya-s-vladimirom-putinym-2021> (дата обращения 20.06.2023).

опросы¹¹. Президент обычно не участвует в ток-шоу и в предвыборных дебатах. Еще один эфир прямой линии состоялся 17 июня 2023 года, но в другом формате, так как был включён в «ПМЭФ-2023» (Петербургский международный экономический форум).

Известно, что за публичными выступлениями В.В. Путина стоит целая очередь спичрайтеров, кропотливо работающих над текстом. По словам Глеба Павловского, директора Фонда Эффективной Политики, советника Кремля в начале карьеры Путина, а затем перешедшего в оппозицию, президент активно сотрудничает со своими сценаристами и пунктуально редактирует текст своих выступлений, в отличие от Д. Медведева, его предшественник, который охотно принимал то, что было подготовлено для него¹². В любом случае, как утверждает Гаврилова, «автором политического текста является тот, кто несет ответственность за его содержание» [2, 56].

В нашей работе мы будем анализировать официальные выступления Путина, а не его дебаты, скорее с точки зрения коммуникативной стратегии, чем семантико-когнитивной.

3. Материалы и модели для анализа

В литературе о политическом дискурсе к анализу текста Путина подходят в соответствии с различными моделями: просодической [17], коммуникативной [18], семиотической и лингвокультурологической [1], историко-когнитивной [19] и риторической [20], [21]. Гаврилова [3] использует критический и лингвокогнитивный подход, характерный для Критического Дискурс-Анализа (КДА), также хорошо известного в России¹³. Языковая личность президента является предметом семантико-когнитивного подхода анализа, называемого "лингвоперсонология" [2, 57], которым занимаются психологи, графологи и исследователи невербальных языков.

В данной работе мы примем модель коммуникативного анализа, представленную Ниной С. Валгиной в работе "Теория текста" [23], которая, на наш взгляд, является наиболее полной моделью, поскольку включает в себя множество текстовых параметров на макро- и микроструктурном уровне и поэтому хорошо подходит для анализа различных текстовых типологий, как литературных, так и нелитературных. Эта модель также может найти прекрасное применение в методике преподавания РКИ на продвинутом уровне¹⁴.

В модели анализа текста, представленной Н. Валгиной «раскрываются структура и семантика текста, механизмы его образования и восприятия, определяются понятия смысла и значения, вида информации и типа речи, образа автора и образа стиля».

В частности, в фокус внимания попадают некоторые центральные аспекты коммуникации на двух уровнях:

(а) *Макроструктура текста* (стратегия организации текста):

- Тема, отправитель и получатель сообщения;

¹¹ “Россияне устали от прямой линии” *Коммерсантъ* 16.04.2015: <https://www.kommersant.ru/doc/2710522> (дата обращения 20.06.2023).

¹² <https://www.bbc.com/russian/resources/idt-8b36561c-1f51-4aa2-a2c5-5fab4d1b797e> (дата обращения 20.06.2023).

¹³ КДА - это междисциплинарный подход, основанный в Великобритании Ланкастерской школой, в частности, Норманом Фэрклафом и Рут Водак, а затем развитый голландской школой Теуна А. ван Дейка, для изучения того, как язык в его социальных перформативных аспектах может быть инструментом манипуляции, злоупотребления властью или неравенства. Влияние этих исследований на российскую лингвистику обсуждается в [4], [5] и [22]. В своей работе 2015 года Гаврилова дает исчерпывающую трактовку в различные направления анализа языковой политики в России и на Западе [5].

¹⁴ Модель Н. Валгина была применена нами для анализа различных типов текстов, например, юридического в Perotto [24].

- Тип информации или *коммуникативной установки* (КУ): информативно-фактологическая, аргументативная, экспрессивно-эстетическая, оперативно-инструктивная, учебно-методологическая;
- *Функционально-смысловой тип речи* (ФСТР): описание, повествование, аргументация, инструкция;
- *Стиль речи*: разговорный, официально-деловой, публицистический, научный, художественный.

(б) *Микроструктура* (языковые элементы, способствующие связности и смысловой завершенности текста): ключевые слова, словосочетания, фразеологизмы, метафоры, заимствования, отглагольные существительные и другие значимые языковые структуры.

В речах Путина сочетание макро- и микроструктурных элементов представляет собой интересный пример риторической стратегии. Для того чтобы лучше изучить данные тексты, мы создали два небольших монолингвальных корпуса на русском языке (см. таблицу 1), которые включают тексты периода до начала так называемой "специальной военной операции", то есть до февраля 2022 года, и в течение следующего года.

Первый корпус (Предвоенные речи) содержит некоторые официальные выступления В.В. Путина на международном уровне¹⁵:

- речь на Мюнхенской конференции по вопросам международной безопасности (10.02.2007, Мюнхенская речь, МР);
- речь на заседании Международного Дискуссионного клуба "Валдай" (19.09.2013);
- обращение президента ФР о присоединении Крыма и Севастополя к ФР, состоявшееся в Кремле 18 марта 2014 года (Крымская речь, КР).

Второй корпус (Военные речи) содержит следующие выступления:

- обращение от 21 февраля 2022 года о ситуации на Украине и угрозе НАТО (признание Россией сепаратистских республик Донецка и Луганска);
- обращение от 24 февраля 2022 года (объявление о начале специальной военной операции);
- выступление на Красной площади по случаю Дня Победы (9 мая 2022).
- новогоднее обращение к гражданам России (31.12.2022)
- выступление в Волгограде (2.02.2023)
- речь В.В. Путина в Лужниках (22.02.2023).

Выступления, о которых идет речь, можно найти на официальном сайте Кремля в электронном текстовом и соответствующем видеформате. Два корпуса были созданы и обработаны нами на платформе для лингвистического анализа *Sketch Engine*¹⁶.

Таб. 1. Размер Корпусов

<i>Предвоенные речи</i>		<i>Военные речи</i>	
Tokens	19693	Tokens	29311
Words	16060	Words	24030
Sentences	1141	Sentences	1528

¹⁵ Все видеозаписи с полной расшифровкой обычно доступны на президентском сайте: <http://www.kremlin.ru/multimedia/video/section/speeches> (дата обращения 20.06.2023).

¹⁶ https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=user%2Fmonica.perotto%2Fdiscorsi_bellici_putin (дата обращения 20.06.2023).

3.1. Выбор апеллятивов и местоимений

Коммуникативный анализ начнем с апеллятивов (формы обращения), которые являются основополагающими для осуществления фактической функции. Выступления президента имеют элементы диалогичности, поскольку в них часто повторяются апеллятивы (и не только во вступительной части речи), обращенные к аудитории, присутствующей в зале или подключенной к прямой трансляции. В действительности эти речи являются монологическими, поскольку аудитория состоит скорее из адресатов-наблюдателей, которые фактически не имеют права на реплику [18, 156]¹⁷. Наименее диалогичной среди проанализированных речей, несомненно, является речь, произнесенная 9 мая 2022 в День Победы. Единственной очевидной формой диалога в этой речи является повторение обращения "*Уважаемые товарищи*", обращенного к военнослужащим, как напоминание о необходимости поддерживать чувство национальной идентичности, о миссии, которую необходимо выполнить.

Обращения, выбранные Путиным при открытии выступлений, очень важны, поскольку они определяют степень контакта, который президент хочет установить со своей аудиторией, а также определяют роли в акте коммуникации. Наличие ритуальных формул, обычно жестких и конвенциональных на официальных собраниях, делает речь в высшей степени формальной, хотя степень формальности в каждом конкретном случае зависит от темы и от личного стиля оратора, контекста, в котором произносятся речи. Следует отметить, что в довоенных речах преобладает формальный, торжественный тон (*Уважаемая, Уважаемые*), обращенный как к политическим деятелям, так и к публике, коллегам и гражданам:

- МР: *Уважаемая госпожа Федеральный канцлер, господин Тельчик, дамы и господа!*
- КР: *Уважаемые члены Совета Федерации, уважаемые депутаты Государственной Думы! Уважаемые жители Крыма и города Севастополя! Уважаемые дамы и господа! Уважаемые коллеги! Уважаемые друзья!*

Мюнхенская речь произносится на международной дипломатической конференции, имеющей важное политическое и стратегическое значение, в то время как речь об аннексии Крыма торжественно произносится в залах Кремля перед политическими деятелями и членами Думы. *Уважаемые*, несомненно, является наиболее уместной и нейтральной формой вежливости в официальной обстановке.

В текстах военного времени формальный, официальный тон, продиктованный серьезным историческим моментом, дополняется более дружелюбными *Дорогие друзья, дорогие ветераны*, обращенными к гражданам и ветеранам с намерением установить большую близость. В этих речах появляется также обращение *Товарищи*, используемое в основном с военными подчиненными или постоянными членами Совета Безопасности:

- Обращение от 21.02.2022: *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!*
- Обращение от 24.02.2022: *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! Уважаемые соотечественники! Уважаемые товарищи! Должен обратиться и к военнослужащим вооруженных сил Украины.*
- Выступление от 27.02.22. *Уважаемые товарищи!*
- Выступление от 3.03.2022 *Уважаемые товарищи!*
- Выступление от 9.05.2022 *Уважаемые граждане России! Дорогие ветераны! Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!*

¹⁷ Исключение составляют ответы участников Мюнхенской конференции и граждан ФР, выступавших в *Прямой линии*. Эти тексты, однако, не были включены в корпус и, следовательно, в настоящий анализ. И в речи МДК Валдай анализ касается только выступлений президента Путина.

Использование апеллятива *товарищи*¹⁸, принятого в отношении членов партии или вооруженных сил, чтобы подчеркнуть равенство между отправителем и получателем сообщения, в качестве термина без указания на пол [25, 108], подчеркивает торжественность момента и возвращает нас к официальной терминологии советского периода. Частота употребления этого термина, как видно из таблицы 3, преобладает в текстах военного времени.

Использование личных местоимений также очень интересно. В путинском тексте преобладает так называемый "мы-дискурс" [26, 79], предполагающий инклюзивное употребление местоимения первого лица множественного числа (*мы и вы, мы* - Россия) и локатива *у нас* (в России):

- МР: *Кстати говоря, Россию, нас, постоянно учат демократии. Но те, кто нас учит, сами почему-то учиться не очень хотят* (нас - Россия)
- КР: *У нас еще очень много проблем. И у нас очень много нерешенных проблем. В том числе проблем, связанных с бедностью* (у нас - в России)

Иногда президент также использует "правительственное мы" - мы как власть, авторитет:

- МР: *Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями* (Мы - российское правительство) *Мы с этим и не спорим. [...] Пожалуйста, мы против этого не возражаем.*

В своих замечаниях Путин опускает подлежащее, что типично для российского административно-делового стиля: *Прошу вас и дальше...; Подчеркну...; То есть, повторю...; Добавлю, что ...; Напомню, что...; Поясню...; Скажу прямо...; Убежден: мы подошли к тому рубежному моменту; Уверен, что все граждане страны...; Хотел бы также искренне поблагодарить...*

По мнению М. Кронгауза такой подход свидетельствует не только об использовании официального стиля, но и о монументальном тоне, продиктованном отчуждением субъекта: «избегание местоимения создает эффект обезличенности и монументальности высказывания. Президент в такой речевой подаче становится объективной и деперсонифицированной силой.» [13]

Местоимение первого лица единственного числа используется Путиным только в торжественных предложениях с агентивным, перформативным значением, например, при прямом обращении к украинскому народу: *«Я обращаюсь и к народу Украины [...] Я хочу с вами поделиться деталями переговоров [...] я не люблю обращаться к цитатам.»*

Особое значение имеет формула, произнесенная для объявления начала конфликта в Украине: *Мною принято решение о проведении специальной военной операции.* Предложение является безличным, с логическим субъектом в творительном падеже, и, хотя это деагентированная конструкция, она имеет ярко выраженный инструктивный характер. Она звучит как архаичная формула, торжественная в высшей степени, поэтому президент часто включает ее в президентские указы. Такое употребление местоимения встречается в военных текстах лишь три раза (*мною принято решение, мною подписан указ, мною даны поручения*).

В следующей таблице показана частота употребления личных и притяжательных местоимений в двух корпусах:

¹⁸ В современном русском языке данное обращение редко употребляется из-за сильной идеологической ассоциации, а иногда и в ироническом тоне.

Таб.2 Частота употребления местоимений в двух корпусах

Личные и притяжательные местоимения	Предвоенные речи	Военные речи
Я	я 92	я 45
Мы, Наш/а/е/и	мы 243, наш/а/е/и 109	мы 315, наш/а/е/и 251
Вы, Ваш/а/е/и	вы 51, ваш/а/е/и 7	вы 44, ваш/а/е/и 9
Они	они 120 (их - 32 с притяжательным значением)	они 244 (их - 61 с притяжательным значением)

Применяя функцию поиска по конкордансу (*Concordance*), мы получаем данные о частотности местоимений не только в именительном падеже, но и в различных склоняемых формах. Как видно, в военных текстах резко уменьшается встречаемость местоимения первого лица единственного числа (*я*) и растет частотность местоимения первого и третьего лица множественного числа (*мы*, *они*), хотя иногда в форме притяжательного *их*, а в предвоенных текстах частотность местоимений *я/они* довольно сбалансирована. Таким образом, кажется, что в военных речах внимание больше сосредоточено на внешнем собеседнике, враге¹⁹, однако в целом наиболее часто употребляемыми остаются местоимения первого лица множественного числа, как в предвоенных, так и в военных текстах. В целом, в военных текстах отмечается меньшая частота употребления местоимений.

Юлия Галямина, изучавшая на диахроническом уровне употребление личных местоимений [18], и в частности триады *я*, *мы*, *они* в речах Путина с 2000 года (год вступления в должность) по 2014 год (год аннексии Крыма), также отметила в своем корпусе явное преобладание местоимения *мы* над местоимением *я*, что свидетельствует о восприятии российским лидером преобладания собственной социальной роли (и роли своей страны) над индивидуальной личностью. Меньшая частотность местоимений *вы* и *они* также отмечается в корпусе Галяминой, однако численный вес местоимения третьего лица множественного числа считается более низким, поскольку употребление этого местоимения неоднозначно, так как оно часто встречается в анафорической репризе и не всегда в дихотомии *мы/они*.

По мнению ученого, семантический объем местоимения *мы* как чувство социального включения также меняется. Действительно, в речах первых лет своего президентства Путин часто прибегал к местоимению *мы* для обозначения более широкого включения (*мы* не только как Россия, но и как все человечество, *все мы*), впоследствии, с 2014 года, ощущение изоляции России обострилось, ограничив инклюзивный горизонт местоимения [18, 157].

В нашем анализе мы отмечаем, что употребление местоимения *мы* особенно часто встречается в речи Путина 9 мая 2022 года, в которой необходимость создания единого духа в русском народе повторяет риторические стратегии войны, уже замеченные Поляковой в речах Сталина во время Второй мировой войны, когда остро ощущалась необходимость «сплотить советских людей в борьбе против немецких захватчиков, способствовать формированию у коммунистов чувства ненависти, прозрения к врагу» [27, 89].

Семантический анализ прономинальных согласований также мог бы показать интересные результаты в наших корпусах.

¹⁹ Дихотомия "*мы/они*" более не сбалансирована в довоенных текстах (213/76), чем в военных (134/105).

3.2. Макроструктурный анализ: КУ и стиль дискурса

Переходя к анализу коммуникативных установок на макроструктурном уровне, можно отметить, что в текстах сосуществуют фактуальная, аргументативная и экспрессивная КУ, а также, особенно в военных текстах, оперативно-инструктивная КУ.

Путин строит свою аргументацию, чередуя повествование и описание фактов, которые он сочетает с комментариями к ним. Согласно исследованию Иоакимиди, в его речах предложения не слишком длинные, они никогда не превышают 20 слов [21] - и, если послушать аудиозаписи выступлений, слова и выражения он произносит четко, с эффектными паузами. Однако, выразительность этих речей проявляется в основном в переходах от одного стиля к другому: официально-деловой стиль, характерный для международного дипломатического форума (МР), соседствует с более разговорными, иногда сленговыми фразеологическими выражениями (КР). Юлия Гливинская-Котыня называет красноречие Путина настоящей "мозаикой стилей" [28, 40].

Первый из проанализированных предвоенных текстов (МР) демонстрирует более однородный и дискурсивный характер. Учитывая официальный характер события, Путин держит повествование в информативном и мягко экспрессивном тоне, в котором стилистические ляпы довольно редки. Давайте рассмотрим несколько примеров:

МР: В этой связи хотел бы вспомнить, что в 80-е годы СССР и Соединенные Штаты подписали Договор о ликвидации целого класса ракет средней и малой дальности, но универсального характера этому документу придано не было. Сегодня такие ракеты уже имеет целый ряд стран: Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Индия, Иран, Пакистан, Израиль [...] И только Соединенные Штаты Америки, и Россия *несут обязательства* не создавать подобных систем вооружений.

КР: 16 марта в Крыму состоялся референдум, он прошёл в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами. В голосовании приняло участие более 82 процентов избирателей. Более 96 процентов высказалось за воссоединение с Россией. *Цифры предельно убедительные.*

В обоих фрагментах КУ является информативно-фактологическая, а описание и повествование сосуществуют. Во фрагменте из МР выражение *несут обязательства* является ярким примером устойчивого глагольно-именного словосочетания, характерного для официально-делового стиля. Данные, которые Путин четко сообщает во фрагменте из КР, характеризуются им как "предельно убедительные", хотя результаты референдума о присоединении Крыма к России не были признаны ОБСЕ и многими странами мира²⁰.

С другой стороны, в текстах военного времени, например, в тексте от 21.02.2022, подробное техническое описание сочетается с метафорами и крылатыми фразами, которые способствуют созданию экспрессивной КУ: «Подлетное время до Москвы крылатых ракет Томагавк составит менее 35 минут, баллистических ракет из района Харькова — 7–8 минут, а гиперзвуковых ударных средств — 4–5 минут. Это называется прямо *нож к горлу.*»

Метафора ножа у горла представляет собой очень эффективный пик разговорной выразительности. Другим фразеологизмом, который в данном случае служит для замедления напряжения, внося элемент иронии, является следующий: "На Украине развернуты учебно-тренировочные миссии стран НАТО. Это, по сути, уже и есть иностранные военные базы. Просто назвали базу "миссией" - и *дело в шляпе*".

Метафорические и образные выражения, как мы увидим ниже, особенно часто встречаются в военных текстах нашего корпуса.

²⁰ Si veda in proposito l'articolo di C. Marxsen: https://www.mpil.de/files/pdf4/Marxsen_2014_-_The_crimea_crisis_-_an_international_law_perspective.pdf (дата обращения 20.06.2023).

3.3. Путинизмы, коллоквиализмы и риторика мачо, вербальная агрессия

В публичных выступлениях президента, начиная с самого начала его деятельности, часто встречаются отступления от стиля, функциональные языковой выразительности. Как уже упоминалось, эта стратегия "отзеркаливания" является частью риторики убеждения слушателя/зрителя. Кронгауз говорит, что, когда Путин использует грубые выражения, «этот яркий прием снижения создает образ, так сказать, политического мачо, и это привлекательно для многих людей» [13]. Видимо Президент не боится реакции общественности, причем не только российской.

7 мая 2008 года российское информационное агентство РИА Новости опубликовало 20 самых колоритных выражений путинского языка, прямо назвав их "путинизмами"²¹. Некоторые из этих фраз приобрели большую популярность в России, войдя в общий язык как афоризмы, иногда сложные для понимания нерусской аудиторией.

Один из них был произнесен Путиным, тогдашним премьер-министром российского правительства, на сборе с руководством российских вооруженных сил в ноябре 2007 года:

- Проработайте вопрос об изменении стандартов строительства жилых домов, чтобы люди наши перестали жить в этих *вонючих хрущевках*.

Назвать квартиры, в которых живет большая часть населения Москвы, вонючими - неуважительно, но, безусловно, эффектно, если это определение сочетается с выражениями, характерными для бюрократической рутины, такими, как во вступительном предложении (*Проработайте вопрос...*). Среди наиболее известных и эффектных фраз, произносимых на пресс-конференциях или официальных встречах, можно назвать следующие:

- *Мы их замочим даже в сортире;*
- *Сюда смотреть. Сюда нужно смотреть! И слушать, что я говорю! А если неинтересно, значит пожалуйста...*

В первом случае Путин, говоря о неустанной борьбе с терроризмом, использует выражение, характерное для военного и уголовного жаргона²², во втором - привлекает внимание официальных лиц, присутствующих на заседании президиума Совета государственной безопасности. Использование инфинитива с императивным, демотическим значением (*Сюда смотреть*) или с модальным (*нужно смотреть*) подчеркивает оперативно-инструктивный КУ, роль политического лидера, резко взятую на себя Путиным, не боясь быть опровергнутым.

В нашем довоенном корпусе, особенно в речи об аннексии Крыма, экспрессивность также передается с помощью повторяющихся коллоквиализмов:

КР: Нас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом. Так было и с расширением НАТО на восток, с размещением военной инфраструктуры у наших границ. Нам всё время одно и то же твердили: «Ну, *вас это не касается*». *Легко сказать, не касается*. [...] Сегодня, спустя уже много лет, я слышал, как крымчане, совсем недавно, говорят, что тогда, в 1991 году, *их передали из рук в руки просто как мешок картошки*. Трудно с этим не согласиться. [...] Понимаю, почему люди на Украине хотели перемен. За годы самостийности, независимости, власть, что называется, *их достала, опостылела* просто. Менялись президенты, премьеры, депутаты Рады, но не менялось их отношение к своей стране и к своему народу. Они *доили Украину*, дрались между собой за полномочия, активы и финансовые потоки.

²¹ Представленные примеры взяты с сайта: <https://ria.ru/20080507/106744531.html>

²² Более глубокий этимологический анализ см. в Гливинска-Котыня 2011:41.

Коллоквиализмы *передали из рук в руки просто как мешок картошки и дошли Украину*, состоят из метафор и олицетворений. Если в Мюнхенской конференции Россия описывается как надежный, серьезный партнер:

- МР: Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о распространении ядерного оружия...

в речи об аннексии Крыма российское государство превращается в женщину, которая пострадала, проглотив тяжкое оскорбление:

- КР: Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду.

Разговорные формы иногда теряют свою политкорректность и превращаются в выражения прямой или косвенной вербальной агрессии. Последнее очевидно в тактике насмешки, сарказма, встречающейся в военных текстах: Европа и США - "так называемый цивилизованный мир", украинцы - "благодарные потомки" СССР:

- (Речь 21.02.2022): А сейчас "благодарные потомки" поносили на Украине памятники Ленину. Это у них декоммунизацией называется.

Оксана Иссерс говорит о *навешивании ярлыков* как о стратегии дискредитации: «ярлык не объясняет объективных свойств личности, микросоциума, а обозначает их по принципу "чужого", идеологически инородного» [29, 174].

Чаще агрессия является прямой и проявляется в тактике оскорбления [там же, 167]:

- (Речь 24.02.2022): В этом ряду и обещания нашей стране не расширять ни на один дюйм НАТО на восток. Повторю – *обманули*, а выражаясь народным языком, просто *кинули*. Да, часто можно слышать, что политика – грязное дело. Возможно, но не настолько же, не до такой же степени. Ведь такое *шулерское поведение* противоречит не только принципам международных отношений, но прежде всего общепризнанным нормам морали и нравственности.

Для описания поведения стран-членов Атлантического альянса Путин использует оскорбительное выражение *шулерское поведение* и открыто заявляет, что отношения с ними строятся только на основе лицемерия и лжи: *Где же здесь справедливость и правда? Одна лишь сплошная ложь и лицемерие.*

Тон остается очень жестким, даже когда Путин обращается к военнослужащим украинских вооруженных сил:

- Не позволяйте *неонацистам* и *бандеровцам* использовать ваших детей, ваших жен и стариков в качестве живого щита. Берите власть в свои руки. Похоже, нам с вами будет легче договориться, чем с этой *шайкой наркоманов и неонацистов*, которая засела в Киеве и взяла в заложники весь украинский народ.

Заявляя, что власть в Украине находится в руках банды наркоманов и неонацистов, последователей Бандеры, Путин высказывается в оскорбительной, но ясной и решительной форме:

- Вы давали присягу на верность украинскому народу, а не *антинародной хунте*, которая грабит Украину и издевается над этим самым народом.

В последнем примере Путин использует испанизм *хунта* в соответствии со значением, данным *Словарем Иностранных слов*: «Группа заговорщиков, незаконно захвативших власть и правящих диктаторскими методами» [30, 565].

Как будет показано ниже, ключевые слова *нацист*, *нацизм*, *неонацист* демонстрируют совершенно разную встречаемость в довоенных и военных текстах нашего корпуса.

3.4. Другие стратегии риторики Путина

Дипломатический Путин (см. особенно МР среди довоенных текстов) характеризуется холодностью речи и аргументации. Для него характерны ясность, точность и логическая аргументация, представленная через систему прямых вопросов и реплик. Вопросы, часто риторические, являются частью аргументативной схемы, которую оратор использует для оказания влияния на слушателя [31]. Вводное слово *ведь*, повторяемая несколько раз, служит для поддержания внимания:

МР: Но есть ли у нас средства, чтобы противостоять этим угрозам? Конечно, есть. Достаточно вспомнить недавнюю историю. *Ведь* произошел же мирный переход к демократии в нашей стране! *Ведь* состоялась же мирная трансформация советского режима – мирная трансформация! И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия! Почему же сейчас при каждом удобном случае нужно бомбить и стрелять?

В этом фрагменте Путин прибегает к коротким вопросам, ответы на которые сопровождаются эллиптическими, часто восклицательными репликами (*Конечно, есть; И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия!*). Парцелляция²³ – также эффективно используемая стратегия. Вопросы иногда повторяются с эффектом цепочки или используют анафору²⁴: «*Что случилось? Почему всё это происходит? Ответ очевиден: потому что приданое, полученное не только от советской эпохи, но еще и от Российской империи, промотали и растащили по карманам.*»

Согласно Сауниной [31] использование вопроса в качестве дискурсивной стратегии в языке Путина встречается чаще, чем, например, в языке Медведева в той же роли президента РФ.

В военных текстах среди риторических фигур повтора наиболее часто встречается полиптотон²⁵: «*Мы на это не соглашались и не соглашаемся/Россия всегда выступала и выступает за то, чтобы самые сложные проблемы решать политико-дипломатическими методами, за столом переговоров*», но отмечаются также анадиплосис²⁶: «*С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия!*»,

²³ *Парцелляция* —

конструкция экспрессивного синтаксиса, представляющая собой намеренное расчленение связанного на несколько интонационно и на письме пунктуационно самостоятельных отрезков (в терминологии швейцарского лингвиста Шарля Балли —

дислокация), например: «Джинсы, твидовый пиджак и хорошая рубашка.

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/669295> (дата обращения 21.06.2023).

²⁴ *Анафора* или *единоначатие* (др.греч. ἀναφορά — приписывание, средство к исправлению) —

стилистическая фигура, состоящая в повторении сродных звуков, слова или группы слов в начале каждого параллельного ряда, то есть в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/79366> (дата обращения 21.06.2023).

²⁵ *Полиптотон* (греч., от polys - многий, и pipto - случаться).

Повторение одного и того же слова в разных грамматических формах, как риторическая фигура.

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28467/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%9F%D0%A2%D0%9E%D0%A2%D0%9E%D0%9D (дата обращения 21.06.2023).

²⁶ *Анадиплосис* (греч., от ana - снова, и diplo - удваиваю).

эпаналепсис²⁷ и триколон²⁸: «И всё же жаль, очень жаль, что из базовых, формально юридических основ, на которых была построена вся наша государственность, не были своевременно вычищены *одиозные, утопичные, наваянные революцией, но абсолютно разрушительные* для любой нормальной страны фантазии.»

Для более эффектной риторики Путин также прибегает к известным лозунгам советской памяти: «Где же здесь *справедливость и правда?* Одна лишь сплошная ложь и лицемерие. (...) внутри США создана в последние годы настоящая *империя лжи*. Трудно с этим не согласиться - так оно и есть». Как мы увидим, "правда и справедливость" - повторяющаяся двучленная формула в путинском повествовании.

В текстах, произнесенных после начала спецоперации, Путин начинает с однообразного повествования, без каких-либо стилистических ляпов, но в котором постепенно растут переходы от бюрократического к разговорному регистру: «У многих людей просто нет денег, чтобы оплачивать коммунальные услуги, им приходится буквально выживать.» Тон разговора становится все более живым, горячим, настойчивым. Повествование превращается в сухую, чистую хронику событий:

- (Речь от 21.02.2022): Невозможно без содрогания вспоминать о страшной трагедии в Одессе, где участники мирной акции протеста были зверски убиты, заживо сожжены в Доме профсоюзов.

Как повторяет Путин в другом отрывке той же речи, «факт остается фактом». Исторический нарратив лежит в основе аргументации во многих выступлениях президента и суммирует элементы *этоса* и *пафоса* с почти дидактическим оттенком: «Пойти придется, что называется, издаleка». Следующий фрагмент КР является очень ярким примером этого:

КР: Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России.

В Крыму буквально всё пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь *древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг* – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. *В Крыму – могилы русских солдат, мужеством* которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. *Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести.* [...] После революции большевики по разным соображениям, пусть Бог им будет судья, включили в состав Украинской союзной республики значительные территории исторического юга России. Это было сделано без учёта национального состава жителей, и сегодня это современный юго-восток Украины.

Помимо полипттотона, о котором уже говорилось, в этих рассуждениях также часто встречается хиазм²⁹: «*что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России*».

Риторическая фигура, в которой следующее предложение начинается теми же словами, которыми оканчивается предыдущее.

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/3982/%D0%90%D0%9D%D0%90%D0%94%D0%98%D0%9F%D0%9B%D0%9E%D0%97%D0%98%D0%A1 (дата обращения 21.06.2023).

²⁷ *Эпаналепсис*: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/maruso/7029/epanalessi> (дата обращения 21.06.2023).

²⁸ *Триколон*: в риторике сложное предложение из трех членов.

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36748/%D0%A2%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%9D (дата обращения 21.06.2023).

²⁹ *Хиазм* (от др.греч. χιασμός) —

риторическая фигура, заключающаяся в крестообразном изменении последовательности элементов в дву

Формальная эрудиция текста сочетается с историко-религиозной риторикой, этикой страдания ради достижения русской славы (*В Крыму - могилы русских солдат*). Херсон, мифическое место крещения Руси, сближается с другими символическими местами в Крыму, театрами многочисленных сражений. Трагические и в то же время священные места, для празднования которых Путин использует пафосные слова: *слава, доблесть*, а затем ссылается на Божий суд, чтобы объяснить присоединение Крыма к Украине большевиками.

В своей речи на Красной площади 9 мая 2022 года по случаю парада в честь победы над нацизмом Путин повторяет ту же религиозную риторику защиты Отечества, реализуя ее с помощью синтаксической стратегии амплификации³⁰:

Защита Родины, когда решалась её судьба, всегда была священной. С такими чувствами подлинного патриотизма поднимались за Отечество ополченцы Минина и Пожарского, шли в атаку на Бородинском поле, бились с врагом под Москвой и Ленинградом, Киевом и Минском, Сталинградом и Курском, Севастополем и Харьковом. Так и сейчас, в эти дни вы сражаетесь за наших людей на Донбассе.

На самом деле, выражения *поднимались за Отечество; или в атаку и бились с врагом* - это словосочетания с синонимической функцией, подчеркивающие историческую преемственность, которая актуализируется в заключительном предложении (*Так и сейчас, в эти дни вы сражаетесь за наших людей на Донбассе*).

Как уже отмечалось, президентское послание характеризуется множеством метафор³¹. Поскольку здесь невозможно исчерпать анализ типичных для политического дискурса метафор, которые Котейко и Рязанова-Кларк делят на *концептуальные и дискурсивные (conceptual and discourse metaphors)*³² [32: 114], мы ограничимся рассмотрением метафоры как элемента микроструктуры текста Путина.

Среди первых (концептуальных метафор), передающих негативные концепты, часто встречается метафора болезни, связанная с политическим вырождением национализма: "*Бацилла националистических амбиций [...] Им оказывалось нетрудно раз за разом навязывать свою волю слабой власти, которая сама была поражена вирусом национализма и коррупции.*"

Среди вторых (дискурсивных) мы находим библейскую метафору *райские кущи*: «это и есть тот самый прозападный цивилизационный выбор, которым уже многие годы дурачат и оболванивают миллионы людей, обещая им *райские кущи?*»³³. Эдем, райское место библейской памяти, вызывается, чтобы символизировать мираж полноценной европейской Украины, с которой миллионы людей в этой стране были обмануты и одурачены в течение многих лет.

х параллельных рядах слов (например, фраза К.С. Станиславского: «Умейте любить искусство в себе, а не себя в искусстве»). <https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/436596> (дата обращения 21.06.2023).

³⁰ *Амплификация* (лат. *amplificatio* — расширение) —

стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся речевых конструкций или отдельных слов. Амплификация как стилистический приём выражается, например, в накоплении синонимов, антитез или может принять вид повышения, то есть расположения выражений, относящихся к одному предмету, по принципу нарастания их значимости, эмоциональной действенности и т. п.

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/615132> (дата обращения 21.06.2023).

³¹ *Метафора* (от др.-греч. *μεταφορά* — «перенос», «переносное значение») — троп,

слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака.

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/1758> (дата обращения 21.06.2023).

³² По определению лингвиста, “while conceptual metaphors are considered universal, independent of time, discourse metaphors change with the ongoing discourses and are used for specific purposes”.

³³ В речи 21.02. 2022, корпус Военных выступлений.

Также сравнения³⁴ часто эффективны для дискредитации противника: «пресловутая руководящая роль партии, как утренний туман, бесследно исчезает прямо у них на глазах», и они тем более эффективны в сочетании с хиазмом: «*коррупция как цвела пыльным цветом, так и цветет - пуще прежнего.*»

В завершение анализа микроструктуры текстов будет интересно сравнить встречаемость некоторых ключевых слов в довоенных и военных текстах корпуса.

3.5. Анализ ключевых слов

Создание корпусов позволило выделить некоторые из наиболее значимых ключевых слов и различия в их встречаемости в двух корпусах. Интересные примеры некоторых из них приведены в табл. 3:

Таблица 3. Частотность в корпусах некоторых keywords

Keywords	Предвоенные речи	Военные речи
<i>военная операция</i>	-	10, из которых 6 – <i>специальная военная операция</i>
<i>война</i>	20 (из которых 4 – мировая, 3 - холодная война)	44, из которых 10 Великая Отечественная, 8 Вторая Мировая, 4 Гражданская, 2 холодная, 1 Первая Мировая, 1 глобальная
<i>враг</i>	3: Я исхожу из того, что Россия и США никогда уже не будут противниками и <i>врагами</i> .	8: Те, кто претендуют на мировое господство, публично, безнаказанно и, подчеркну, без всяких на то оснований объявляют нас, Россию, своим <i>врагом</i> .
<i>герой</i>	2: Более двух тысяч стали Героями Советского Союза.	6: российские солдаты и офицеры действуют мужественно, как настоящие <i>герои</i>
<i>нацист, нацизм, неонацист</i>	2 <i>нацист</i> ; 1 <i>нацизм</i> 4 <i>неонацист</i> : Главными исполнителями переворота стали националисты, <i>неонацисты</i> , русофобы и антисемиты.	4 <i>нацист</i> ; 8 <i>нацизм</i> 16 <i>неонацист</i> : Ведущие страны НАТО для достижения своих собственных целей во всем поддерживают на Украине крайних националистов и <i>неонацистов</i>
<i>правда и справедливость</i>	1 : Эта убежденность, основанная на <i>правде</i> и <i>справедливости</i> , была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение.	4: А мы с вами знаем, что настоящая сила - в <i>справедливости</i> и <i>правде</i> , которая на нашей стороне.
<i>правда</i>	5	9
<i>родина</i>	6	28: Защита <i>Родины</i> , когда решалась её судьба, всегда была священной.
<i>отечество</i>	-	12
<i>Товарищи</i>	-	13

Ключевые слова, приведенные в табл. 3, были отобраны по частотности и семантико-концептуальной значимости в речах Путина. Присутствие этих терминов функционирует как элемент текстовой связности. Как видно из таблицы, ни одного из них не имеет одинаковой частотности в двух корпусах, и именно эта динамика показалась нам интересной. Некоторые ключевые слова были сгруппированы по лексико-семантическому полю (*нацист, нацизм, неонацист*), другие в паре (*правда и справедливость, родина, отечество*), потому что они присутствуют в тексте как настоящие словосочетания или синонимические ряды. Полученная частота измеряется

³⁴Сравнение —

троп, в котором происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/686600> (дата обращения 21.06.2023).

путем применения функции *Concordance* на SE, что также позволяет нам выявить некоторые наиболее значимые примеры.

Словосочетание *военная операция* полностью отсутствует в предвоенных текстах, в то время как в военных оно совершает настоящий прорыв в формулировке *специальная военная операция*, используемой Путиным для определения вторжения в Украину. Что касается войны, то в военных текстах термин *война* всегда используется для обозначения прошлых, а не нынешних войн, а в предвоенных текстах он чаще всего обозначает мировую или холодную войну.

Что касается слов семантического поля, центрального для последнего путинского нарратива, а именно *нацист, нацизм, неонацист*, их присутствие незначительное в предвоенных текстах (7), но следует отметить их значительный рост в военных текстах (28).

Завершая обзор ключевых лемм в путинском дискурсе, стоит упомянуть ещё две пары: *правда* и *справедливость*, которая часто используется как неразрывная пара и *родина, отечество*. Присутствие этих пар растет во втором корпусе, где, в частности, лемма *родина* (28) преобладает над более высоким *отечеством* (12) и часто встречается в "Речи Победы". Присутствие апеллянтов *товарищ*, отсутствующего в предвоенных текстах, также становится значительным в военных речах (13 вхождений).

Выводы

На основании анализа, проведенного над текстами выступлений, мы отметили, что речь Путина - это вулкан языковой и стилистической выразительности, а также типичный пример риторико-персуазивной стратегии. Н. Г. Бабич утверждает, что в основе стиля Путина лежит сочетание эмоциональных, экспрессивных и рациональных элементов [20:11], а по мнению Альшевой [17:171], его доминирующей чертой является логичность аргументации. На наш взгляд, с 2012 года по настоящее время наращивание политической напряженности между Россией и странами Запада привела к тому, что экспрессивный элемент все больше преобладает над аргументированным.

Анализ речей Путина является, безусловно, очень сложным, так как содержит массу исторических, описательных и повествовательных, технических, официальных, но также разговорных и идиоматических элементов. Попытавшись провести эволюционный анализ языковых и, в более широком смысле, коммуникативных стратегий, присутствующих в президентских речах, содержащихся в двух корпусах, созданных специально для анализа, можно сделать вывод, что повествование все более явно развивается в сторону пропаганды сообщения, в котором звучат советские стилиемы и эффектные выражения, иногда достаточно агрессивные.

В проанализированных довоенных текстах, начиная с МР 2007 г., акцент в дискурсе делается на информативном, описательном подходе. Подход оратора на макроструктурном уровне более официальный, тон дипломатический, характеризуется низким уровнем экспрессивности и довольно однородным стилем (официально-деловой, публицистический), в то время как на микроструктурном уровне язык более технический. В речи об аннексии Крыма (2014) текст более диалогичен, эмоционален, с многочисленными стилистическими ляпами и частой парцелляцией. В нем вводятся историко-религиозная риторика, инструментальная и убедительная подача информации.

Рассмотренные военные речи, начиная с февраля 2022 года, характеризуются в первой части историческим аргументированным вступлением, во второй части постепенно усиливаются техницизмы, юридический язык и экспрессивность текста. В этих речах, помимо технического отчета о ходе военных действий, можно заметить более оперативную, инструктивную КУ, проявляющуюся в употреблении пассивных причастий прошедшего времени в актуальной функции: «принятые решения будут

выполнены, поставленные цели - достигнуты, безопасность нашей Родины - надежно гарантирована.» Нет недостатка, конечно, и в выражениях, полных пафоса: «Верю в вашу поддержку, в ту непобедимую силу, которую дает нам наша любовь к Отечеству».

Несмотря на очевидный пафос, содержащийся в речах, тон красноречия Путина всегда остается спокойным и хорошо контролируемым, скорость нормальная, слова хорошо артикулированы, голос низкий, но напористый, авторитетный. Сущность послания предельно ясна, принятое решение твердо, неотвратимо: «Повторю, просто не могли поступить иначе». Все лингвистические стратегии Президента, похоже, направлены на одну цель: как можно более убедительно рассказать о драматических событиях, которые изменят страну и историю ее отношений с миром. Поэтому слова Путина, как и его решения, останутся в истории как пример искусной риторики.

References:

1. Shejgal E.I. (2000) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.
2. Gavrilova M.V. (2017) Lingvisticheskij analiz vystuplenij glavy gosudarstva: tematika, napravlenija i metody issledovanija [Linguistic analysis of the speech of the head of state: topics, directions and methods of research]. *Politicheskaja nauka* [Political science], 2, 54-72.
3. Gavrilova M.V. (2005) Lingvokognitivnyj analiz russkogo politicheskogo diskursa. Avtoreferat dissertacii [Linguocognitive Analysis of Russian Political Discourse. Dissertation Abstract] Sankt-Peterburg.
4. Gavrilova M.V. (2004) Političeskij diskurs kak ob'ekt lingvističeskogo analiza [Political discourse as an object of linguistic analysis]. *Polis, Politicheskie issledovanija* [Polis. Political researches] 3, 127-139. <https://www.politstudies.ru/article/3401> (дата обращения 20.06.2023).
5. Gavrilova M.V. (2015) Politicheskaja lingvistika v Rossii: kak jazykovedy chitajut politicheskie teksty [Political linguistics in Russia: how linguists read political texts]. Gaman-Golutvinaja O.V (eds.) *Strukturnye transformacii i razvitie otechestvennyh shkol politologii* [Structural transformations and development of technical schools of political science]. Moskva, 433 – 444.
6. Chudinov A.P. (2020) Politicheskaja lingvistika [Political linguistics] Moskva: Flinta nauka.
7. Cortelazzo M. (2017) Il linguaggio della politica [The language of politics] Roma: GEDI
8. Golanova E.I. (1996) Ustnyj publichnyj dialog: zhanr interv'ju, *Russkij jazyk konca 20-ogo stoletija* [Oral Public Dialogue: The Genre of Interview. Russian Language of the Late Twentieth Century (1985-1995)] Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 427-452.
9. Golanova E.I. (2008) Aktivnye processy v sfere publichnogo obshčenija. *Sovremennyj russkij jazyk. Aktivnye processy na rubezhe XX-XXI vekov* [Active processes in public communication. Modern Russian Language. Active processes at the turn of the XX-XXI century]. Moskva: Jazyki Slavjanskich kul'tur, 415-494.
10. Kostomarov V.G. (1999) Jazykovej vkus epochi [The linguistic taste of the age], Sankt-Peterburg: Zlatoust.
11. Desideri P. (1993) L'italiano della Lega/1 [The Italian language of the Northern League], *Italiano-oltre* [Italian-beyond] 5, 281-285
12. Antonelli G. (2007) L'italiano nella società della comunicazione 2.0 [Italian language in the communication society] Bologna: Il Mulino.
13. Krongauz M.A. (2017) Memy interesnee real'noj politiki – skuchnoj, strashnoj i bezchelovečnoj [Memes are more interesting than real politics - boring, scary and inhumane] <https://realnoevremya.ru/articles/70050-krongauz-o-sovremennom-yazyke-v-politike-i-obschestve> (дата обращения 20.06.2023).

14. Mortara Garavelli B. (2008) Manuale di retorica [Handbook of rhetoric] Milano: Bompiani.
15. Reboul O. (1996) Introduzione alla retorica [Introduction to rhetoric] Bologna: Il Mulino.
16. Gavrilova M.V. (2010) Aktivnye processy v russkom politicheskom diskurse nachala XXI veka [Active Processes in Russian Political Discourse of the Beginning of the XXI Century] M.L. Remneva, A.A. Polikarpov (eds.), *Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. IV Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka. Trudy i materialy*. [The Russian language: historical destinies and modernity. IV international congress of Russian language scholars. Proceedings and materials] Moskva: izd. Moskovskogo Universiteta, 110-111.
17. Alysheva Ju. S. (2012) Rechevoj portret V.V. Putina [Putin's speech portrait], *Vestnik Volgogradskogo Universiteta Ser. 2, Jazykoznanie [Bulletin of Volgograd University Linguistics series]*. 2 (16) 171-174.
18. Galjamina Ju. E. (2016) My - oni: kak v diskurse Vladimira Putina raznyh let konstruiruetsja identichnost' [Us - them: how identity is constructed in Vladimir Putin's discourse of different years]. *Political Science*, 3, 152-167.
19. Malinova O. Ju. (2018) Obosnovanie politiki 2000-ch godov v diskurse V.V. Putina i formirovanie mifa lichich devjanostych [The renewal of the policy of the 2000s in V.V. Putin's discourse and the formation of the myth of dashing nineties]. *Political science* 3, 45-69.
20. Babich N. G. (2013) Prezidentkaja ritorika Vladimira Putina (na primere Prezidentskogo interv'ju) [Vladimir Putin's presidential rhetoric (on the example of the presidential interview)]. *Vestnik MGOU Serija Lingvistika [Bulletin of MGOU Linguistics series]*. 6, 6-12.
21. Ioakeimidi D. (2015) Ritoricheskie osobennosti publichnoj politicheskoj rechi Prezidenta Rossii V.V. Putina [Rhetorical features of Russian President V. V. Putin's public political speech]. *Almanac Space and Time*, 8, issue 2 <https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskie-osobennosti-publichnoy-politicheskoj-rechi-prezidenta-rossii-v-v-putina> (дата обращения 20.06.2023).
22. Pereverzev E.V., Kozhemjakin E.A. (2008) Politicheskij diskurs: mnogoparametral'naja model' [Political discourse: a multiparametric model]. *Vestnik VGU [Bulletin of VGU]*. 2, 74-79.
23. Valgina N.S. (2003) Teorija teksta [Text Theory] Moskva: Logos. <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm> (дата обращения 20.06.2023).
24. Perotto M. (2010) Obuchenie analizu juridicheskogo teksta studentov-filologov [Teaching students of philology to analyze legal text], N.F. Micheeva et al. (eds.) *Tekstologija segodnja: itogi, problemy, metody. Materialy Vserossijskoj Nauchnoj shkoly dlja molodezhi [Textology Today: Results, Problems, Methods. Proceedings of the All-Russian Scientific School for Young People]*. Moskva: RUDN, 22-31.
25. Krongauz M.A. (2008) Russkij jazyk na grani nervnogo sryva [Russian language on the verge of nervous breakdown]. Moskva: Jazyki Slavjanskich kul'tur
26. Filinskij A.A. (2002) Kriticheskij analiz politicheskogo diskursa predvybornych kampanij 1999-2000, Avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskich nauk [Critical Analysis of Political Discourse in the 1999-2000 Election Campaigns, Ph.D. dissertation abstract]. Tver'
27. Poljakova Ju. G. (2015) Taktiko-strategicheskie charakteristiki politicheskogo diskursa I. V. Stalina [Tactical-strategic characteristics of Stalin's political discourse]. *Filologija i Kul'tura [Philology and Culture]*. 2, 40, 88-92.
28. Glivinska- Kotynia Ju. (2011) Pragmaticeskij analiz izbrannyh vyskazyvanij V. Putina [Pragmatic Analysis of V. V. Putin's Selected Statements]. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*, 7, 39-47.

29. Issers O. S. (2008) Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian language]. Moskva: LKI.
30. Slovar' Inostrannyh Slov [Dictionary of foreign words] (1989) Moskva: Russkij Jazyk.
31. Saunina E.V. (2011), Voprositel'nye predlozhenija i ich funkcij v rechi D. A. Medvedeva i V. V. Putina [Interrogative sentences and their functions in the speeches of D. A. Medvedev and V.V. Putin]. *Filologija i chelovek [Philology and the Human Being]*. 3, 146-153.
32. N. Kotejko, L. Ryazanova-Clarke, The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? *Slavonica*, 2009 (15), 2, 112-127.

Ситография:

Marxsen C., The Crimea Crisis, An International Law Perspective: https://www.mpil.de/files/pdf4/Marxsen_2014_-_The_crimea_crisis_-_an_international_law_perspective.pdf (дата обращения 20.06.2023).

Официальный сайт Кремля [Kremlin official site]:

<http://www.kremlin.ru/multimedia/video/section/speeches> (дата обращения 20.06.2023).

<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts> (дата обращения 20.06.2023).

Первый канал [First Channel]: <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/pryamaya-liniya-2021/pryamaya-liniya-s-vladimirom-putinym-2021> (дата обращения 20.06.2023).

Перовская Т.И.: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27972/1/rya-IV-2014-09.pdf>

Россияне устали от прямой линии [Russian are tired of Putin's Direct line] , *Коммерсантъ* 16.04.2015: <https://www.kommersant.ru/doc/2710522> (дата обращения 20.06.2023).

Sketch Engine:

https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=user%2Fmonica.perotto%2Fdiscorsi_bellisci_putin (дата обращения 20.06.2023).

20 Высказываний Путина, ставших афоризмами [20 Putin's statements that have become aphorisms] 7.05.2008: <https://ria.ru/20080507/106744531.html> (дата обращения 20.06.2023).

Information about the Author:

Monica Perotto (Forly, Italy) – PhD, Associate Professor of Russian Linguistics at the University of Bologna, Department of Modern Languages, Literatures and Cultures. Web site: <https://www.unibo.it/sitoweb/monica.perotto>

She previously taught linguistics and translation from Russian into Italian at Higher School for Interpreters and Translators (Bologna University). Her main research interests are in the sociolinguistic field (modern Russian and Russian as a foreign language, bilingualism in Russian-speaking immigration to Italy, and language policies in the post-Soviet area). She was part of the development team of the Russian Language Syllabus for MIUR. She is currently working on bilingualism and translation, language of Russian immigration to Italy, text analysis.

E-mail: monica.perotto@unibo.it

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-53-57

УДК(UDC) 37.02

*Anna A. Hakobyan,
Northern University of Yerevan,
Yerevan, Armenia*

*Акопян Анна А.,
Ереванский Северный Университет,
Ереван, Армения.*

*For citation: Hakobyan Anna A., (2023).
The Significance of Mkhitar Gosh's Works
in the Educational.*

*Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2 (2023), pp.53-57 (in USA)*

Manuscript received: 17/06/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

THE SIGNIFICANCE OF MKHITAR GOSH'S CREATIVITY IN EDUCATION

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА МХИТАРА ГОША В ОБРАЗОВАНИИ

Abstract:

The pedagogical ideas of the Armenian thinker, literary and public figure, lawmaker and theologian Mkhitar Gosh have been analysed in this article. Mkhitar Gosh's pedagogical, philosophical, educational and social views expressed in his famous Datastanagirk (Law Code) and collection of fables have also been presented. The philosophical wisdoms and moral teachings of the great thinker have been observed and their didactic and educational potential has been identified.

Keywords. Educational, Armenian, medieval, legal, political, fable, school, works

Аннотация:

В статье рассмотрены педагогические идеи армянского мыслителя, литературного и общественного деятеля, законоведа, богослова Мхитара Гоша. Представлены педагогические, философские, образовательные, социальные воззрения Мхитара Гоша, описанные в знаменитом «Судебнике» и в сборнике басен. Анализированы философские мудрости и моральные поучения великого мыслителя, изучен их дидактический и воспитательный потенциал.

Ключевые слова: образование, Армения, средневековое, юридические, политические, басни, школы, произведения

Introduction

Mkhitar Gosh, a grateful medieval Armenian spiritual benefactor, philosopher, legislator, fable writer, clergyman, interpreter, pedagogue, and public-politician, left a significant impact in the development of moral, jurisprudential, philosophical, and pedagogical thought in Armenia. Of paramount importance is the fact, that M. Ghosh's works provided rich research material not only

for lawyers and philologists, but also for historians, pedagogues, and philosophers, since his multi-genre creations and legacy reflect numerous and diverse socio-economic, political, legal, and cultural relations of the time.

It seems essential to emphasize that Mkhitar Gosh was also a carrier of ecumenical (cosmic) views, a supporter of religious tolerance and international solidarity.

He was frequently sacrificed, according to several traditions recorded about him throughout the Middle Ages. As an adult, he was ordained a celibate priest. He was a disciple of Hovhannes Tavushetsi and received the title of Reverend, later M. Gosh went to Cilicia. Concealing the fact that he had a doctrinal degree, he studied with the scholars of the Black Mountain and again received a doctrinal degree. After studying with outstanding scientists of the Black Mountain of Cilicia, after returning to his homeland, under the patronage of princes Amirspasalar Zakare and Ivane Zakaryan, Mkhitar Gosh built the monastery of Nor Getik, in the Tandzuta valley, not far from Getik, where he established a school. The formal opening of New Getik School was a solemn occasion recognized by contemporary observers as an unusual, unprecedented phenomenon. It has a fantastic reputation. Many people from outlying locations became his disciples.

The school graduates were people of various professions: churchmen, public and educational figures, who followed the example of their great teacher and had great influence on the development of medieval Armenian advanced thought, literature, art, philosophy, pedagogy, jurisprudence and the regulation of the internal life of the country.

Nor Getik School was famous for its educational programs. students studied legal and philosophical sciences, grammar, poetics, mythology, fables, history, music, writing, painting, Armenian and foreign languages: Greek, Latin. Many outstanding professors of the time who had higher education and were famous in their profession were teaching at school. This school became famous for the fact that for the first time in Armenian reality, the first Armenian code, the "Judgment Book" authored by Mkhitar Gosh, became the subject of teaching.

M. Gosh had meticulously prepared a substitute for him at a mature age, his well-developed, capable, and talented student Martiros, during his life. Throughout his activity the school stood still, but also experienced significant progress, developed and prospered. This was one of the exceptional cases in the educational and cultural life of the Middle Ages, when after the ruling of their famous teacher, his students not only preserved the glory of the school, but also increased and developed it. After M. Gosh's death, along with the growth of the Goshavank congregation, the school also expanded and the number of students increased.

Results and Discussion

Of special interest is the fact that new buildings were being constructed to confirm the fact that there were numerous worshipers and pupils in the monastery and school. Later, Martiros established the library, reviving the fountain of wisdom and providing spiritual nutrition to subsequent generations of the Nor Getik school. In the middle of the 12th century, the level of legal awareness of the Armenian people was so high that they understood the necessity of secular-political laws to ensure national judicial independence and protect national rights.

The legal and political thought and educational and cultural relations of medieval Armenia were fully reflected in the works of Mkhitar Gosh. In this aspect, the monumental works "The Book of Judgment" and "The Collection of Tales" represent an exceptional value in his spiritual heritage, which left a deep mark on the Armenian reality and scientific and cultural thought not only in this period, but also in the following centuries. If M. Gosh tries to regulate the public life and human relations in "Judgment" with the help of legislation, then in fables he strives to achieve the same goal with a didactic style and methods of pedagogical influence.

It is generally accepted that the creation of Gosh's "Judgment Book" was conditioned by the legal and political realities of the existing historical period. In Armenia and Cilicia itself, the Armenian people waged a national-liberation struggle to restore political independence and national statehood. For this purpose the "Judgment Book" was compiled as the code of the future independent Armenian state. Yet, the valuable work "Judgment Book of Armenians", which reflects both ecclesiastical, economic, social-political, other issues and provisions, consists of 3 sections: "Preface", "Ecclesiastical Rules", "Secular Articles". The goal of writing the "Judgment Book" was unprecedentedly great and important for the time: to stabilize the internal peace of the people, to regulate the legal relations of different classes of society, to ensure justice within the country, to concentrate all the forces of the country, using all these impulses to serve the super-powerful goal of restoring the Armenian Kingdom. Mkhitar Gosh was anticipating the dream future with his national undertaking and defined the legal foundations of the future kingdom in advance. he created the National Code, instilling moral and legal ideas among the people, based on the principles of humanism, friendship between peoples, prevention of ethnic conflicts, peace, and tolerance. The great thinker discusses the idea of human freedom. a person is inviolable, no one has the right to harass him.

Interestingly enough, in the "Judgment book" the issues of school and enlightenment, public education is also interpreted, which have received legal justification and obtained the force of law. From the pedagogical point of view, it is noteworthy that free education is legalized in the "Judgment Book of Armenia" code and becomes the force of state law. Moreover, the teacher should not charge a fee for teaching, and the orphans are even provided with appropriate help (food, clothing, etc.). Moreover, the problem of free education is before M. Gosh, starting from the 5th century, was often mentioned in Armenian meetings and assemblies and was accepted as a rule, but it was not implemented and was not fixed as a law. This law established by Mkhitar Gosh became known throughout Armenia in a short period of time, it was introduced to a number of prominent Armenian schools and became a significant event in the field of public education.

M. Ghosh's educational viewpoints stem from his humanistic concepts and principles that, independent of people's national and class affiliation, involvement in social connections, education is required for everyone; he believes that "All people are people." M. Gosh wanted to improve interpersonal relations with the laws of education. In the "Judgment Book" the issues of regulating public life, simplifying the relations between the state and the people, and creating stable and normal family conditions are formulated, which, according to the humanist thinker, are necessary and important means and ways of educating a person.

Speaking about crimes, he suggests "educating people" is a way to prevent them. Education makes a person human. it is the truest, most powerful and just remedy. The educator, moral educator and rights defender with a big heart and soul convinces people to stay away from evil, not to harm others and society.

From the point of view of pedagogical ideas, M.Gosh's "Proverbs" are of great importance. He subjected a number of folk fables to literary processing, also used Aesop, created new, independent fables, thus becoming the founder of artistic prose in Armenian reality.

The fable, as a literary genre, was accepted by the church with great difficulty due to its secular content. However, M. Gosh makes it a wonderful way to "teach, educate, raise", according to his own description, "instruction, meaning, truth" [5, p. 521], because the fable has a didactic ending. Actually, the didactic value of fables was reflected to some extent in the Book of Judgement. The law operates when discipline becomes powerless.

It is worth mentioning that M. Gosh compiled his collection for educational purposes. For him, the fable is a means of public speaking, to extol the virtues, to mock the shortcomings, stupidity and ignorance, to criticize the evil. Added to this, the collection has a thick structure, it contains 190 fables. The first group consists of mythical and moral fables -

"Fables, Myths and Morals", and the second - fictional fables - "Fables of creativity". The material of fables called "morality" are the properties of plants and animals, which the author presents as the narrative part of the fable and derives a moral conclusion from it. The fables of this group are mostly allegorical images with little action. Mythical and creative fables are rich in actions, the material of which is taken from the lives of animals and people. In mythical, partially and creative fables, M. Gosh turns to the art of allegory, expressing the vices and shortcomings of people through animals, whose attributes are rooted in the people's imagination.

People must obey their rulers, according to Gosh, and the rulers must defend them against foreign oppressors and danger. M. Ghosh explores the concept of centralized strong statehood in the fables from this perspective. He preaches obedience to princes and kings. Disobedience causes evil and violates the order and rule of government. "it will solve the order of the government" [1, 386]. However, preaching obedience to the people in the fables, at the same time, he hints at the rulers to beware of the people, who can be strengthened by wisdom and defeat the lords and the powerful people. "That they may despise strength, and not heaven, but be strengthened with wisdom, little, and overcome with strength. But this is wisdom, to be afraid of children as well as adults" [1, 387]. As a result, fables are an important source for illustrating various aspects of life and human relations of its time.

Conclusion

To succinctly summarize, we can say that M. Gosh's works and fables have a didactic and educational significance. The fable genre, as a means of influence, was chosen to extol the virtues, ridicule stupidity and ignorance, and scourge evil by using the allegorical technique. Basically, through the fable genre and the allegorical art concentrated in it, Mkhitar Gosh applied methods of education, personal consciousness and social behavior formation: example, educational situation, etc. Fables also have cognitive, informative, developmental significance, because important information summarized in them and due to the effective power of speech are easily memorized, develop the reader's imagination, attention, visual thinking, memory, understanding, feeling, speech. Mkhitar Gosh's fables, nourished by the vibrant spirit of folklore, thanks to their accessible form, understandable content, and descriptive vocabulary, provided spiritual food and educated many generations, without losing their educational value even in the modern era. They still have their place and role in modern school educational programs.

With his humanitarian ideas, broad worldview and weighty scientific and pedagogical achievements, Mkhitar Gosh had great contribution in the implementation of profound social-cultural changes in the Armenian reality.

References:

1. Arakelyan A. G., History of the development of the intellectual culture of the Armenian people, Yer. Haypethrat, 1959. -724 pages.
2. Asatryan L.T., Asatryan Z.A., Hakobyan A.A., Safaryan N.A., History of pedagogy, from ancient times to the present day (Educational manual) Yer. : Tigran the Great, 2020, 592 pages
3. Hakobyan A.A., "Reflection of educational ideas in the works of Mkhitar Ghosh",/The grateful people of Armenian pedagogy in the co-authorship of modern pedagogical approaches. Collection of reports and scientific articles of the republican conference (Yerevan, 12. 12. 2017), - Yer. : Artagers, 2018, 118 pages
4. Mkhitar Gosh, Book of Judgement, - Yer: Hayk. USSR science. Academy ed., 1975.
5. Petrosyan A., Armenia of all times, volume B, -Yer. "Dar" Foundation, 2009. - 612 pages.

Information about the Author:

Anna A. Hakopyan (Yerevan, Armenia) - PhD., Associate Professor, Northern University.
The author of a number of scientific publications, including one teaching manual, and an educational manual (co-authored). I have also participated in a number of republican and international conferences, courses, seminars and trainings. Scope of scientific interests: Educational levels of Caucasian nations in the 19th century, Prominent figures of the 19th century about school and upbringing, Issues of history of Pedagogy. Problems of socialization of the individual, management of innovative practices at school, family upbringing, education technologies. E-mail:anna.hakobyan.72@mail.ru
Acknowledgements: I thank colleagues for valuable advice in the process of this research and editing the article and I thank the reviewers for their valuable suggestions.

Contribution of the author. *The author contributed equality to the present research.*

DOI:10.24412/2470-1262-2023-2-58-64

UDC:53.02

*Mariam R. Gevorgyan,
French University in Armenia, Yerevan, Armenia,
Institute for Physical Research, NAS of Armenia,
Yerevan, Armenia*

*For citation: Gevorgyan Mariam Rafik, (2023).
Methodology for Developing Students' Thinking
Using Paradoxes of Physics.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2, (2023), pp.58-64 (in USA)*

Manuscript received: 11/05/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The authors have read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

METHODOLOGY FOR DEVELOPING STUDENTS' THINKING USING PARADOXES OF PHYSICS

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПАРАДОКСОВ ФИЗИКИ

Abstract:

The article is dedicated to the possible solutions of paradoxes, their discussion and their use within the framework of university education. Each paradox of physics contains two contradictory arguments, and by showing that one of the arguments contains an error, it eliminates the supposed contradiction, and this is what is called the resolution of the paradox.

In the paper, it is presented that discussions of possible solutions to paradoxes are one of the important areas of contemporary scientific research and higher education. Actually, paradoxes are resolved by refining the definition of the relevant concept.

Since ancient times, paradoxes have occupied the minds of the best thinkers of mankind, and their solution is associated with serious epistemological difficulties. Analyzing paradoxes is an excellent way to train and develop students' ability to think independently.

The work is considering the methodology of using paradoxes of physics in the university course. The activation of students' interest in the subject of physics through the paradoxes of physics, the paradoxes as the focus of students' attention on the studied topic, the development of independent thinking during the discussion of paradoxes are discussed.

Keywords: paradoxes of physics, methodology, independent thinking, creative thinking, wave-particle duality, Schrödinger's cat

Аннотация:

Статья посвящена возможным решениям парадоксов, их обсуждению и использованию в рамках университетского образования. Каждый парадокс физики содержит два противоречащих друг другу аргумента, и, показывая, что один из аргументов содержит ошибку, устраняется предполагаемое противоречие, что и называется разрешением парадокса.

В статье представлено, что обсуждение возможных решений парадоксов является одним из важных направлений современных научных исследований и высшего образования. Собственно, парадоксы разрешаются разъясняя определения соответствующего понятия.

С древних времен парадоксы занимали умы лучших мыслителей человечества, и их решение связано с серьезными гносеологическими трудностями. Анализ парадоксов - отличный способ тренировать и развивать способность студентов мыслить независимо.

В работе рассматривается методология использования физических парадоксов в университетском курсе. Обсуждается активизация интереса учащихся к предмету физики через парадоксы физики, парадоксы как фокус внимания учащихся на изучаемой теме, развитие самостоятельного мышления при обсуждении парадоксов.

Ключевые слова: парадоксы физики, методология, самостоятельное мышление, инновационное мышление, корпускулярно-волновой дуализм, кот Шрёдингера

1. Introduction

As it is said in one of the most repeated quotes of famous physicist Richard Feynman: "What I am going to tell you about is what we teach our physics students in the third or fourth year of graduate school. It is my task to convince you not to turn away because you don't understand it. You see, my physics students don't understand it. That is because I don't understand it. Nobody does."

The article states the thesis about the usual interpretation of independent thinking as originality. The discussion in the article leads to the conclusion that the category of innovative thinking will be really effective if the main characteristic of the creativity were not originality but rather the ability to independent problem solving. The paper presents the optimal steps for an independent solution of research problems. The work introduces the idea of "paradoxes of physics" for developing students` thinking.

The characteristic feature of innovation is that the innovative product enjoys extraordinary demand. From that characteristic follows the second important aspect of innovative ideas, that of being extremely profitable. It is time to realize that the young generation needs to be educated on innovation and think independently. Indeed, the best investment is the education of the younger generation [1, 2].

It is rightly emphasized that the basis of innovative thinking is independent thinking. The ability to think independently is formed thanks to the rich experience of solving school problems. Indeed, if a student is able to solve problems for which there is no algorithmic way of solving them, then his thinking is independent and, to that same extent, innovative [3-5].

Non-standard solutions to problems, new ideas, creative thinking, and innovative approaches are important in successful education.

The development of students' thinking is primarily due to the introduction of significant innovative ideas, including the effective use of fundamental knowledge of physics and artificial intelligence [1, 6-7]. It follows from this that the primary task is to form competitive, motivated students, to develop and implement innovative solutions.

Solving that problem requires building the innovative thinking skills of students. In order to achieve that goal, it is necessary to develop innovative thinking approaches and methods [8-9].

2. Methodology for developing students independent thinking

Generations of students are the most important foundation for innovation. As their thinking improves, the effectiveness and productivity of innovations in education will steadily increase.

Nowadays, innovative thinking is considered the crown bearer of human thinking. This truth is reflected in a well-known proverb: a new idea is actually an old well forgotten one. It remains to add that the old solution leads to the new solution through the bridge of similarity [4].

Over the last decades, the emerging trends of globalization and international cooperation based on a common educational environment have caused significant changes in the field of educational organization principles. Meanwhile, the modern education system should be focused on the creation of a cognitive algorithm, critical understanding, forming research skills, and willingness to innovate. At the same time, interactive and participatory education is brought to the fore as a basis for creating an educational environment for the new generation of students [10-12].

Having the first, fundamental role of information technologies for the innovative education of the new generation of students and improving their impact, along with the expansion of existing tools, will continue to work to increase the effectiveness of innovations in education.

Each methodological research crowns the efforts of a whole generation of scientists. The task is quite modest: to present arguments and facts in favor of the article.

Any extraordinary idea that will be accepted by the scientific community is patiently explained and intensively discussed, first of all, by the ingenious author of the idea and his talented associates. In fact, by explaining a new idea, we are building a bridge that connects a new unusual concept with old, generally accepted, habitual knowledge. To connect existing knowledge and a new idea is to find a path that leads from the available information on this issue to a new concept.

Any reasonable explanation of a great discovery shows us a possible way in which, in principle, this discovery could be achieved by some analogy [13-15].

As if these outlandish ideas weren't enough, eminent scientists rushed to try out truly "crazy" ideas to uncover the holiness of the natural world [4].

3. Paradoxes of physics for activating students' interest toward physics

Physics is the natural science of matter, involving the study of matter, its fundamental constituents, its motion and behavior through space and time, and the related entities of energy and force [16]. Physics is one of the most fundamental scientific disciplines, with its main goal being to understand how the universe behaves [17].

Until today, the logic of human thinking was mainly developed as the theory of proof and argumentation. And because the immediate subject of that theory were the forms of thought, then starting with the great Aristotle, the logical monographs were also focused on the formal side of thinking, overshadowing the goals and problems of scientific research and creative thought.

That's why the article considers paradoxes of physics.

The Paradox of the Uncertainty Principle

Albert Einstein, the great revolutionary of science, never accepted the theory of quantum mechanics that was being formed during his lifetime. He was convinced that through a mental experiment he would be able to discover such a contradiction or paradox in the foundations of quantum mechanics that would force him to abandon the theory of atomic physics. One of the "refuting" thought experiments was published by the Einstein-Podolsky-Rosen trio. The content of that mental experiment is as follows. A particle C has split into two identical particles A and B. Knowing the momentum P_C of particle C and measuring with any precision the momentum P_A of particle A, according to the law of conservation of momentum we can determine with the same precision the momentum of particle B: $P_B = P_C - P_A$. At the same time, we can also measure the coordinate of particle B with any accuracy, which contradicts one of the foundations of quantum mechanics, the Heisenberg uncertainty principle, according to which it is not possible to measure the particle's momentum and coordinate with any degree of accuracy [17].

The solution to the paradox. The authors of the presented thought experiment did not take into account that by measuring the coordinate of particle B, they affect this particle and

introduce uncertainty into its calculated coordinate. That is, they cannot measure the momentum and coordinate of particle B with any degree of accuracy (see [18, 19]).

The paradox of "wave-particle duality".

In 1900, Planck discovered that in order to explain the distribution laws of electromagnetic energy, it is necessary to accept that energy is radiated in discrete quantities, called quanta. In 1905, Einstein discovered that in order to explain the patterns of the photo effect, it is necessary to assume that light energy is also absorbed in discrete quantities, as if light were composed of particles (later called photons). Already in the 1910s, the view that light has both wave and particle properties was established and widely accepted in the community of physicists. And if the physicists of that region were asked: "and don't you worry about the fact that wave and particle properties are incompatible?", they would readily agree that this "philosophical" question will be answered in future physics.

The problem of combining wave and particle properties became even more important when Louis de Broglie's view gained recognition in 1924 that each of the atomic particles (electron, proton, neutron, atomic nucleus as a whole, etc.) has a wave property whose length is inversely proportional to the mass (more precisely, the momentum) of the particle. Nevertheless, the question formulated above was still unanswered. "And it doesn't bother you that wave and particle properties are incompatible?" Now we can formulate the paradox of the principle of wave-particle duality.

Experiments confirm that in the atomic world waves exhibit particle properties, particles exhibit wave properties, but the question of how to combine the incompatible particle and wave properties remains unanswered for common sense.

The solution to the paradox. All this became clear in 1926, when Max Born proposed the following interpretation of the wave function in the theory of quantum mechanics: in quantum mechanics, the probability of physical quantities (energy, momentum, etc.) at a given point in space and at a given moment in time is determined by means of a wave function. The wave function is not a physical wave, but a means of quantitative calculations of physical quantities. In this way, the electron, being involved in the atom, does not become a wave of electric charge. Using the wave function, we can calculate the energy, momentum, etc. of the electron state in an atom [20].

Schrödinger's wave function paradox

Schrödinger's wave function is the basic mathematical tool that physicists use to conveniently and accurately calculate all investigated quantities in the world of atoms and molecules. The Schrödinger-Geryan theory of the atom is rightly called "wave mechanics".

Historically, the paradox arose when trying to answer the following natural question: "What is the physical meaning of the wave function?" *Schrödinger's* answer was, one might say, straightforward. Since the state of electrons in an atom is accurately described by a wave function, it must be accepted that an electron in an atom is a wave of electric charge. But how does that wave of electric charge maintain itself outside the atom? Schrödinger could not give a satisfactory answer to the last question.

The solution to the paradox. It was in a debate with Schrödinger that Max Born in 1926 put forward quite convincingly the idea that the meaning of the wave function is that it estimates the probability of physical quantities within the atom, and in the atomic world in general.

"Schrödinger's Cat"

The "Schrödinger's Cat" thought experiment was proposed by Erwin Schrödinger, wanting to demonstrate the flawed nature of quantum mechanics. The scheme of that mental experiment is as follows: a cat, a bottle full of poisonous gas and a mechanism using

radioactive material are placed in a closed tank. The radioactive material is chosen in such a way that one of its nuclei can split within one hour with a probability of $1/2$. When one of the nuclei of the radioactive material splits, it will lead to the fact that the mechanism will work, the cat will be lifeless.

Since the basis of mental experience is the splitting of the nucleus, the description of which is carried out by the wave function, it seems natural that the state of the cat is also described by the wave function. And this will mean that the condition of the cat will be described with some probability. The possible description of the cat's condition can be expressed in an imprecise but descriptive expression: "The cat is both alive and inanimate." From our point of view of common sense, a cat must be either alive or inanimate. The presented disconnect between our reasoning and the figurative language used is seen by some commentators as a flaw in quantum mechanics.

A solution to the paradox. The above-mentioned metaphor attributed to quantum mechanics "a cat is both living and nonliving" is so far from a scientific interpretation that the scientific experiment described above is extremely difficult to qualify as a paradox. However, let's note that the probability assessment of the observed phenomenon, for example, the outcome of a given football game, has meaning only before the moment of its occurrence (in our example, before the end of the game). After a cat has become inanimate, it is also pointless to judge: "a cat is both alive and inanimate" [2].

Scientific research begins with a question that interests the given scientist either because the answer is not yet known, or because the accepted answer to that question does not satisfy him. In fact, the process of choosing a research problem is somewhat elementary in nature. First, the research problem is often directly presented to the young scientist by his scientific supervisor. On the other hand, a scientist in his life and activities on one occasion or another encounters various unsolved problems, gets acquainted with opinions and approaches to solving them to varying degrees.

Paradoxes are presented as factors that strongly strengthen the interest of students. This is especially true for the most impressive classical paradoxes and the indifference of scientists to the paradoxes of physics.

In the article, the discussion of the paradoxes of physics leads to the conclusion that the category of independent thinking will be really effective if students can develop the ability to independently explore and solve problems.

4. Conclusion

In the process of teaching academic disciplines, lecturers actively use methods for solving paradoxes, which allow not only to obtain theoretical and methodological knowledge about the basics of research activities, the rules for performing, designing and presenting the results of various educational, research and scientific and production works, but also help to structure information field about the achievements of various disciplines affecting the problems of the development of the logic and methodology of science, and, thereby, to see the relationship and interdependence of the problems solved in science, which is an important part of preparing students of various fields and profiles.

The article analyzes the possible solutions of some paradoxes. Particular attention in this article is given to the use of the paradox technique in university courses, by activating students' interests in physics, with the help of paradoxes of physics, and just developing students' independent thinking. In this regard, there are considered paradoxes of physics as a way of focusing students' attention on the topic under study. In the course of the discussion of ways to solve paradoxes, a methodology for the development of independent thinking of students was developed.

There is also a section devoted to predictive questions for developing students' independent thinking. This helps to improve the development of independent thinking of students in the system of university education. Therefore, the possible solutions and

discussions of paradoxes of physics, and the methodology of their use in the university course were presented.

References:

1. Djidjian R.Z. , Gevorgyan M.R. , "Solutions of paradoxes and the methodology of their use in the university course". Educational manual, Yerevan, Armenia, 2021:
2. Djidjian R.Z., Gevorgyan M.R., "The obvious and the non-obvious in the field of philosophical questions of quantum mechanics", Scientific News, Yerevan, Armenia, 2-3 (21-22), 83-9, 2014.
3. Djidjian R., "Paradoxes of human cognition". // *Wisdom*, Yerevan, Armenia, 2 (7) 2016.
4. Djidjian R., "The secret of geniality", Yerevan, Noyan Tapan, 2002.
5. Djidjian R., "Getting Ready for Great Discoveries". Yerevan, YSU publ., 2004.
6. Gevorgyan M.R., "The problem of motion in microworld (A transformational analysis)", *Wisdom*, Yerevan, Armenia, 1(2), 43-47, 2014.
<http://radiofama.am/wisdomperiodical.com/index.php/wisdom/article/view/31>
7. Gordon F.S., Synectics. "The development of creative capacity", N. Y., 1961.
8. Lipai T. P., Gevorgyan M. R., "Contemporary system of education: innovative nature of the development and problems of training doctoral students". Labour and Social Relations, Vol. 32. Issue 2. P. 160-166, 2021. DOI: 10.20410/207378152021322160166.
http://id.atiso.ru/files/tiso_2_2021.pdf
9. M. Gevorgyan and S. Minasyan, "Design - A New Solution in Education", Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES), Vol. 7, Issue II, 2022. DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-101-110. <https://cyberleninka.ru/journal/n/cross-cultural-studies-education-and-science?i=1105890>
10. Osborn, A. F., Applied Imagination. N. Y., 1957. Mach, E. "Knowledge and Error - Sketches on the Psychology of Enquiry". Dordrecht: D. Reidel, 1976.
11. Aristotle, "Physics", Cambridge University Press, 2018.
DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108181853>
12. Bacon F., "True Directions for the Interpretation of Nature", 1978.
<https://sato-1.ru/en/repairman/frensis-bekon-biografiya-filosofskoe-uchenie-frensis-bekon---biografiya/>
13. Herschel W., "A preliminary discourse on the study of natural Philosophy", Philadelphia, 1831.
<https://ia800306.us.archive.org/4/items/apreliminarydis02hersgoog/apreliminarydis02hersgoog.pdf>
14. Popper K.R., "The Logic of Scientific Discovery", London and New York, 1968.
<http://philotextes.info/spip/IMG/pdf/popper-logic-scientific-discovery.pdf>
15. Gordon F.S., "Synectics. The development of creative capacity", N. Y., 1961.
16. Maxwell J.C., "Matter and Motion". D. Van Nostrand. ISBN 978-0-486-66895-6. matter and motion, 1878.
17. Landau L.D. and E.M. Lifshitz E.M "Course of Theoretical Physics" Quantum Mechanics, III Edition, V. 1, 1976.
<https://cimec.org.ar/foswiki/pub/Main/Cimec/MecanicaRacional/84178116-Vol-1-Landau-Lifshitz-Mechanics-3Rd-Edition-197P.pdf>
18. Poya D., "Mathematical discovery. Problem solving: basic concepts, study and teaching", M.: Nauka: Fizmatlit, 1970.
19. Einstein A., Forgotten Model of the Universe.
<http://inosmi.ru/world/20140818/222434107.html#ixzz3jwIOEkM2>
20. Born M., "The Statistical Interpretation of Quantum Mechanics-Nobel Lecture", 1954. Official Website of the Nobel Prize. Archived from the original on 19 October 2012. Retrieved 9 March 2013.
https://web.archive.org/web/20121019194414/http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/physics/laureates/1954/born-lecture.pdf

Information about the Author:

Mariam R. Gevorgyan (Yerevan, Armenia) - PhD in Physics. Researcher, Institute for Physical Research, NAS of Armenia. Lecturer, Faculty of Informatics and Applied Mathematics, French University in Armenia /UFAR/, Yerevan, Armenia.
ORCID, 0000-0003-2927-0437.
Email: mariamgevorgyan89@gmail.com

Acknowledgement:

I would like to express sincere gratitude to my professors Prof. Artur Ishkhanyan and Prof. Robert Djidjian for their valuable discussions and permanent assistance during my work. I would also like to thank Prof. Svetlana Minasyan for her help and support.

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-65-73

УДК(UDC)37.013.43

*Shalom Nokuthula Ndhlovana,
School of Education, University of the Witwatersrand
Erasmus Charamba,
School of Education, University of the Witwatersrand,
Johannesburg, South Africa*

*For citation: Shalom Nokuthula Ndhlovana , Erasmus Charamba, (2023).
Sink or Swim? Choosing to Swim Through Translanguaging
Pedagogies in a Culturally Diverse Natural Sciences Classroom.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2 (2023), pp. 65-73 (in USA)*

Manuscript received 07/06/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

SINK OR SWIM? CHOOSING TO SWIM THROUGH TRANSLANGUAGING PEDAGOGIES IN A CULTURALLY DIVERSE NATURAL SCIENCES CLASSROOM

ПАИ ИЛИ ПРОПАЛ? ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАНЯТИЙ ЕСТЕСТВЕННО - НАУЧНОГО ЦИКЛА В СРЕДЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Abstract:

In spite of all language regulations and statutes South Africa has put in place to acknowledge the cultural and linguistic diversity of her citizenry, education in the country still follows the ‘one school, one language’ monolingual approach. Consequently, this has resulted in the systematic segregation, devaluation, and eventual extinction of some languages. This is exacerbated by the accentuation placed on globalization in our curricula and the expansion of English as the preferred global language of instruction and communication. This approach neglects the requirements of learners while culturally impoverishing third-world nations through the degradation of their linguistic ecology. Analysis of both national and international assessment results suggest language of instruction plays a crucial role in the academic achievement of South African science learners. The current study followed a semi- systematic review design which relies on qualitative data collection methods. We reviewed studies conducted between the years 2020- 2023 on the use of translanguaging in fourth to sixth-grade Natural Sciences classrooms in South Africa. Findings suggest great efficacy of translanguaging as a culturally and socially just pedagogy that also enhances epistemic access among learners taught through a language different from their home language. We therefore recommend the use of translanguaging pedagogy in Natural Sciences classrooms.

Keywords: Cultural diversity; monolingualism; translanguaging; linguistic repertoire, science education

Introduction and Background

Since the beginning of time, there have been populations in South Africa that speak a variety of languages. Nevertheless, multilingualism has not been widely accepted in the science classroom [1] which has fostered the use of English and encouraged assimilation and monolingualism [2]. As a result, many communities have witnessed the systematic eradication, segregation, and devaluation of their native tongues [3]. Though scripted in the [4] that all eleven official languages (IsiNdebele, isiZulu, English, Afrikaans, Sesotho, Sepedi, siSwati, Xitsonga, Setswana, Tshivenda, and isiXhosa, even South African sign language) can be employed as a medium of instruction, monolingual pedagogies still dominate South African science classrooms [5]. This indicates that the policy has not been successfully implemented in many educational settings. As a result the education system is negatively impacted as the majority of learners are disadvantaged, specifically those emerging bilinguals for whom English, which happens to be their weaker language, is the language of instruction. In this paper, we refer to students as emerging bilinguals to emphasize their linguistic strengths and emphasize how the process of becoming bilingual is dynamic [6].

Emergent bilinguals arrive in science classrooms with the abilities and resources necessary to take advantage of their cultural and linguistic affordances, which could help them learn. However, they require an environment that enables them to take advantage of these affordances [7]. Most language programs in South African educational system that help emergent bilinguals frequently have English-centric ideology and monolingual prejudices that fail to perceive these potential affordances [8]. Their linguistic resources and bilingualism are actually underestimated in mainstream classrooms, and the acquisition of the "standard" language is given priority to hasten their transition to monolingual mainstream programs [9]; [10]. Additionally, administrators and teachers contribute to disparities in the education of emergent learners by neglecting their bilingualism and presuming that their educational demands are the same as those of other students. The academic success, matric pass rates, and general outcomes of learners are negatively impacted by restricted access to content if instruction is through a language learners have limited proficiency in.

In the past 3 years (from 2020 to 2022) the twelfth-grade pass rate of students who scored 50% and above for Physical Science in South Africa stood at 26.3%; 27.3%; and 30.4% respectively [11]. Twelfth-grade comprises of students generally aged 19 and is the last grade in the South African high school education, therefore students in this grade sit for school leaving examinations at the end of the year. Achieving a basic pass in science according to the South African education assessment standards requires a student to achieve a score of at least 30% in the school-leaving examination [12]. At first glance the results of those who scored this minimum mark for the past 3 years (2020-2022) seem 'pleasing' as it stand at 65.8%; 69.0% and 74.6% respectively [11]. This means high school graduates were able to accurately answer at least 30% of the questions on the test, which begs the question of what they would do with this 30% grade. With such academic results, the majority of South African high school science graduates essentially follow a learning trajectory that ultimately leads to poor access to tertiary education and poor labor market outcomes [13].

In response to the aforementioned circumstances, multilingual pedagogies have been proposed with translanguaging fronted as a potentially effective language practice, educational tool, and lens that can assist solve these social and cultural injustices by questioning monolingual and standard language ideologies [14].

Literature Review Rethinking Culturally-responsive Pedagogy: The positioning of languages in the Intermediate Phase Science Classroom

It is apparent that English predominates in many schools' language policies in South Africa. English continues to be the language of learning and teaching in many contexts in South Africa, many school policies do not allot enough time for teaching English as a First Additional Language (EFAL), despite the fact that many of these policies claim to value

diversity. In the Intermediate Phase (Grades 4-6), the Curriculum Assessment Policy Statement (CAPS) allots just a little amount of time for EFAL. The language policy's hegemonic use of English is a blatant example of bias in action [15]. There are no defined methods to guarantee that emergent bilingual students get the assistance they need to learn efficiently. Many students are acquiring knowledge in a language other than their mother tongue. Typically, this language is English.

Current school language regulations frequently favor one language over others, and although it is not stated officially, learners whose first language differs from the language of learning and instruction are compelled to utilize English. Prior to the advent of democracy, schools in SA were divided into groups based on language and culture. For the first four years of their academic careers, students were required to receive instruction in their native tongue, however, after that, either English or Afrikaans instruction was required. This approach discriminated against students whose first language was not Afrikaans or English.

Due to the fact that people now have the freedom to choose their language of instruction within the bounds of fair practice and linguistic rights, South Africa's post-apartheid education system gave rise to a number of multilingual classrooms. But in reality, it is not always feasible due to ineffective and limited resource deployment. The learner's mother tongue or home language may therefore differ from the language of teaching and learning in a multilingual classroom in the SA context [16]. Even though English is the learners' mother tongue, they may speak more than three distinct languages at home and the difficulty of trying to accommodate a group of students who speak different languages is highlighted to the teacher. Second language learners who are learning through a language medium other than their home language are present in many multilingual classes and the majority of parents, however, prefer English (due to its superior status) as a language of instruction rather than learners' home language, so this still remains a sensitive topic.

While many primary schools in rural areas of South Africa start teaching in African languages in Grades R-3 and then switch to English after that, many schools in urban areas like Johannesburg, where African languages are not the first language of many students, start teaching in English in Grades R [5]. These monoglossic ideologies, which shape the Language in Education Policy and are pervasive in classroom practices in both monolingual and multilingual contexts (in SA and around the world), restrict learners' capacity for meaningful engagement. As a result, these learners lose their ability to express themselves, which leads to an epistemic injustice. Education must dismantle the assumption that languages are "pure and bounded entities" in order to avoid and correct these linguistic injustices by giving all languages equal respect. In order to give learners an equal opportunity to learn in a linguistically diverse classroom and a socially just educational system, this calls for a post-structuralist shift through the adoption of pedagogies or approaches to learning that accommodate and include emergent bilingual learners.

Theoretical framework: Cultural and Linguistic Funds of Knowledge

South African schools teach according to the curriculum that is shaped at the national level. The aim of the curriculum is to arrive at some level of parity, to be able to rationalize and compare data across cohorts and to create equal opportunities for all students within the education system [13]. The top-down approach embraced by the South African curriculum planners makes stakeholders question its appropriateness as it is according to [17] designed on a deficit model which insinuates that it is constantly defined by those who do not meet certain criteria. This research study therefore, employs [18]'s theory of funds of knowledge. Funds of knowledge theory argues that learners do not enter school with no prior experience, they carry funds of knowledge with them that they have gleaned through social and cultural interaction with their close relatives and community.

[19] Assert that the funds of knowledge approach build on a social development and learning theory. This implies that social interaction, the more knowledgeable other and the

zone of proximal development are the three foundational ideas [20] of the funds of knowledge hypothesis. Together these principles advocate for a social approach to learning, where there exists a kind of apprenticeship [21], and enabling students to bring their own experiences into the natural science classroom and among these is language.

The concept of funds of knowledge recognizes the enormous academic potential connected with tons of knowledge that result from students' everyday active engagement in intergenerational, multicultural, and multilingual school activities [22]. What this theory alludes to is the fact that linguistic and cultural difference should be used as resources and not obstacles. The failure to support ongoing and constructive use of students' languages as additional resources for scientific sense-making represents further evidence of a deficiency within such systems. According to the funds of knowledge theory, academic education should be connected to all students' lives [23], and the specifics of good pedagogy should be connected to the local history and social context that students are from [18].

Communication, both in general and in science class, involves the use of a range of resources, all contributing to the students' learning in specific ways. This has received particular attention in the subject of social semiotics, where researchers have made significant contributions about the opportunities provided by various resources for scientific students to learn [2]; [24]; [25]. In social semiotics, learning resources are defined as modes and the concept multimodality is used to draw attention to the use of several instructional resources in a certain academic situation [26]. According to [18], the households where students come from are 'repositories of knowledge' and these types of knowledge can be translated to a natural science classroom, providing opportunity to connect students' real-world experiences with their academic environment. In the current study, the theory of translanguaging is used to examine and explore its effectiveness in being an '*academic swimming pool float*' in the South African Natural science classroom.

Methodology

A conceptual research approach was used allowing the researchers to use already published materials. This method was chosen because there is a lot of existing work on the topic, and the researchers sought to examine and explore these concepts in a deeper and more comprehensive way so as to synthesize the ideas to develop a more refined understanding of the topic. In order to fully engage with the idea of translanguaging pedagogy, several forms of data were gathered from a wide range of studies in diverse multilingual educational environments internationally and nationally to establish legitimacy. Researchers were able to establish a thorough picture of the kinds of translanguaging practices that take place in multilingual classrooms by gathering a variety of data types from various studies.

Research Design

The current study followed a semi- systematic review design which relies on qualitative data collection methods. It is a useful study design because it enables the researchers to look at how the field of study has developed in terms of research. It is a flexible strategy since it allowed the researchers to construct inside the focus area, query about unorthodox concepts, and investigate those ideas while doing the research to collect rich data [27]. Researchers used this flexible architecture to synthesize the existing evidence so that reasonably clear conclusions about what is and is not known can be reached.

Data collection methods

Data was collected from various electronic databases including Google Scholar, and texts to gather information and explore the efficacy of translanguaging as a pedagogical tool in the teaching and learning of Natural science in South African Intermediate phase classrooms (Grade 4-6). The data was collected from the years 2020-2023 because it is relevant, have undergone academic examination and current making them relevant and

reliable to use in the study. The key research words were cultural inclusion, translanguaging, multilingualism, science education.

Data analysis

The data that was collected from the seven studies was thoroughly reviewed and coded. Thereafter, through a thematic analysis process, the data was analyzed systematically. According to [28], a thematic analysis involves identifying, analyzing and exploring recurring themes within the data. The researchers identified common strategies that were employed across translanguaging studies that lead to successful outcomes as well as unsuccessful outcomes. Data was then examined closely and emerging patterns and correlations were identified across the studies to inform application in the South African multilingual Mathematics and Science classroom [29].

The data analysis process was ongoing and interactive. Thematic analysis was the preferred analysis approach as it was effective and useful in organizing data to identify emerging themes across the studies, interpret the data, prepare a detailed presentation of the findings and lastly to achieve the study objectives. In sum, the analysis process was informed by [28]'s six-step process to gain further insight into analyzing the data and identifying themes. These six phases of the thematic analysis process include (i) Familiarization with data (ii) coding (iii) Identifying themes (iv) Reviewing themes (v) Defining and naming the themes (vi) Producing the thematic analysis report. The themes and the sub-themes that emerged will be discussed in the next section.

Research Findings

After analyzing the data, several themes emerged:

The effect of translanguaging pedagogy in the multilingual science classroom

Basing on interview responses of the 5 studies reviewed most of them indicated that learners did not do well in their prior assessments due to their inability to fully comprehend the concepts taught to them as well as the questions since the language of instruction, English was predominantly used. To most learners in the studies English was their second language with varied South African official languages being their first language. It was discovered that there is a relationship that exists between the language of instruction and learners' academic performance in science [30]; [31]; [32]. This was echoed by [33] in his recent study at a primary school in South Africa where he explored the role language plays in the academic performance of fifth-grade multilingual science students: 'participants who were allowed to use their entire linguistic repertoire performed better academically...' This highlights the influential role played by the language of instruction in the learning of science.

Rejecting bilingual learners' use of their native tongue means that they are only able to employ a small portion of their resources to comprehending concepts [6]. People are seen as social actors who use a variety of socially created languages [34] and construct connections between their native languages and the languages they learn in school [35]. Everyday conversation can be described as relatively simple and concrete which is often supported by non-verbal communication (Cummins2008) while the language of the class-room especially in science classrooms tends to require more complex grammar structures, more technical vocabulary, and more abstract use of language often with far less paralinguistic support [31]. This explains why reviewed studies advocate for the use of translanguaging as it bridges the gap between abstract and everyday knowledge, deepening learners' epistemic access.

Learners taught in a language different from their home language tend to under-achieve in science because they are likely to be trying to learn through the medium of English without being equipped with the English language skills they need to cope with the demands of the science curriculum [19]. This according to [13] can result in school failure from an early age, with failure breeding failure, rather than success breeding success which is the reason why our matric results highlighted above are poor. South Africa does not have a strong foundation in their science education and this ripples to higher education where learners grow with their

misconceptions that never get to be explained at the level they fully comprehend due to the use of a complex language.

Translanguaging as a cultural and pedagogic tool for bridging discourses in science classrooms

South Africa is largely known as a 'rainbow nation' a term intended to encapsulate the unity of multi-culturalism and the coming together of people of many different nation. This has been reflected in the many cultures as a result there has been a replication of different languages in South African classroom which has posed a threat in the pedagogical choices teachers choose. It is often argued that while it takes about two years to acquire conversational skills, it takes five to seven years or more to acquire a second language to a level sufficient to cope with the full curriculum [1]. This has recently been validated by much publicized research and though there is a general improvement on yearly basis on the areas of access, redress, equity, efficiency, quality and inclusivity. South Africa still lags behind in international assessments as indicated in the PIRLS 2021 results. The results indicate the pivotal role language plays in the comprehension and subsequent academic performance [30].

Despite the fact that the South African constitution recognizes 11 official languages, only English and Afrikaans are accepted as the official languages of instruction in South African schools [20]. For second language English speakers a monolingual pedagogy is introduced in grade 4, where the curriculum abruptly switches from using the learners' native language as the medium of instruction during the foundation phase (grades 1-3) to English/Afrikaans for the remainder of their academic careers. For the majority of students, learning has been a challenging experience because it is done in a language other than their home tongue.

Although a variety of variables may contribute to learners' difficulty to comprehend scientific concepts the use of monolingual practices that tend to uphold the notion that monolingualism is the standard in learning and teaching greatly contributes to the scientific development issue South Africa is facing. The employment of a single language in the classroom might make it challenging for students to reach a certain level of academic ability and can stifle their desire to study in a creative way, according to research on the subject [32]. Academic progress is hampered when science teaching and learning is done without comprehension or understanding because monolingual practices do not give students the chance to use words from other languages to make meaning. This disrupts their 'authentic way of communication' and they fail to ask for clarity as they sometimes cannot express themselves fully in English which calls for translanguaging pedagogies that enable both learners and teachers to use their whole linguistic repertoire in a science classroom and enables learners to learn freely.

Discussion of Findings

The term "translanguaging," was originally coined by [36] to refer to a pedagogical strategy used in Welsh classrooms, it has since come to mean the full utilization of idiomatic repertoires without regard for named linguistic boundaries [37]. Scholars such as [6] have also advocated for language to function as a single system of meaning creation for emergent bilingual speakers. For communication, meaning making, and knowledge construction, emergent bilinguals utilize all of their linguistic repertoire regardless of the identified languages [38]. Translanguaging is a type of pedagogy that embraces the complexity and richness of a student's entire linguistic repertoire [39]. It gives teachers the chance to use learners' language practices to foster deeper comprehension and engagement in the creation of new knowledge.

In order to challenge the conventional beliefs of first and second-language native speakers and move toward a more modern understanding of multilingualism, researchers and educators must critically examine their language ideologies via the lens of translanguaging

[39]. In addition to creating opportunities and utilizing learners' affordances, translanguaging as a pedagogical practice also recognizes and honor the complexity and richness of learners' complete linguistic repertoires [13] to create spaces for linguistic justice.

While translanguaging has gained wide acceptance and drawn much interest in the literature it has not been widely accepted in South African intermediate phase science classrooms. Since translanguaging has the ability to enhance academic performance, epistemic access as well as reduce socioeconomic injustices among emergent bilinguals, it is crucial to comprehend how its philosophies and practices are being applied in classrooms. This article, therefore, suggests that South African teachers need to transcend beyond the notion of languages as independent entities within an assimilationist framework to help students succeed within an unjust system.

Conclusion

The sole use and rapid change of having an additional language as a Language of Learning and

Teaching (LoLT) can be problematic as the Basic Interpersonal Communication Skills (BICS) and Cognitive Academic Language Proficiency (CALP) of the mother tongue have not yet been properly mastered. To redress the cultural and linguistic injustices of the past and acknowledge the linguistic diversity within the country, an adoption of a multilingual pedagogy with a goal to ensure that all learners have equal access to education in a language they were able to comprehend and relate to is a must.

The use of monolingual pedagogies in South Africa have made inclusive education a myth, as they have failed to accommodate majority of EFAL learners. These monolingual pedagogies, that prioritize English as the primary language of instruction marginalize non-English-language speaking learners, particularly those from non-English speaking backgrounds, and violates the language policy that was put forth to address the issues of linguistic diversity, cultural inclusion and most importantly the issues of language that rose during the apartheid period, leaving the education system with the same issues of a triglossic three-tiered system having Afrikaans at the centre, English at the top, and all the other African languages at the bottom.

References:

1. Bhasin, A., Castro, M., & Román, D. (2023). Translanguaging through the lens of social justice: unpacking educators' understanding and practices. *International Multilingual Research Journal*, 1-14.
2. Gee, J. (2015). *Social linguistics and literacies: Ideology in discourses*. Routledge.
3. Flores, S. Y., & Murillo, E. G. (2001). Power, language, and ideology: Historical and contemporary notes on the dismantling of bilingual education. *The Urban Review*, 33, 183-206.
4. RSA (Republic of South Africa) (1997). *Language-in-education policy* Cape Town: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/languageeducationpolicy19971.pdf
5. Charamba, E. (2023). Translanguaging as bona fide practice in a multilingual South African science classroom. *International Review of Education*, 1-20. DOI: 10.1007/s11159-023-09990-0
6. García, O. (2009). *Bilingual Education in the 21st Century: A Global Perspective*. Malden: Blackwell.
7. Gee, J. (2015). *Social Linguistics and Literacies: Ideology in Discourses*. 5th ed. New York, NY: Routledge.
8. Calafato, R. (2019). The non-native speaker teacher as proficient multilingual: A critical review of research from 2009–2018. *Lingua*, 227, 102700.
9. García, O., & Kleifgen, J. A. (2011). Bilingualism for equity and excellence in minority education: The United States. In K. Van den Branden, P. Van Avermaet, & M. Van Houtte (Eds.), *Equity and excellence in education* (pp. 166–189). New York: Routledge.

10. Yilmaz, T. (2021). Translanguaging as a pedagogy for equity of language minoritized students. *International Journal of Multilingualism*, 18(3), 435-454.
11. Department of Basic Education National Senior Certificate School Subject Report. (2022). National Senior Certificate School Subject Report. Pretoria: DBE.
12. Department of Education Physical Sciences CAPS Document. (2012). Physical Sciences CAPS Document. Pretoria, South Africa: DBE.
13. Msimanga, A., Denley, P., & Gumede, N. (2017). The pedagogical role of language in science teaching and learning in South Africa: A review of research 1990–2015. *African Journal of Research in Mathematics, Science and Technology Education*, 21(3), 245-255.
14. Grain, K. M., & Land, D. E. (2017). The social justice turn: Cultivating 'critical hope' in an age of despair. *Michigan Journal of Community Service Learning*, 23(1).
15. Dixon, K., & Peake, K. (2008). "Straight for English": Using School Language Policy to Resist Multilingualism. *English Teaching: Practice and Critique*, 7(1), 73-90.
16. Hooijer, E., & Fourie, J. (2009). Teacher's perspective of multilingual classrooms in a South African school. *Education as Change*, 13(1), 135-151.
17. Charamba, E. (2020). Translanguaging: developing scientific scholarship in a multilingual classroom. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 41(8), 655-672.
18. Gonzalez, N. (2005). Beyond culture: The hybridity of funds of knowledge. In N. Gonzalez, LC Moll & C. Amanti (Eds.), *Funds of knowledge: Theorizing practices in households, communities and classrooms* (pp. 29-46).
19. Stroupe, D., Moon, J., & Michaels, S. (2019). Introduction to special issue: Epistemic tools in science education. *Science Education*, 103(4), 948-951.
20. Charamba, E. (2021). Learning and language: towards a reconceptualization of their mutual interdependences in a multilingual science class. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 42(6), 503-521.
21. Ollerhead, S. (2019). Teaching across semiotic modes with multilingual learners: Translanguaging in an Australian classroom. *Language and Education*, 33(2), 106-122.
22. Dragojevic, M., & Giles, H. (2016). I don't like you because you're hard to understand: The role of processing fluency in the language attitudes process. *Human Communication Research*, 42(3), 396-420.
23. Ramirez, P., & Ross, L. (2019). Secondary dual-language learners and emerging pedagogies: The intersectionality of language, culture, and community. *Theory into Practice*, 58(2), 176-184.
24. Kress, G. (2010). *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London: Routledge.
25. Stevenson, A. R. (2013). "How Fifth Grade Latino/a Bilingual Students Use Their Linguistic Resources in the Classroom and Laboratory During Science Instruction." *Cultural Studies of Science Education* 5 (4): 973–989
26. Grosjean, F. (2010). *Bilingual: Life and Reality*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
27. Snyder, H. (2019). Literature review as a research methodology: An overview and guidelines. *Journal of business research*, 104, 333-339.
28. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative research in psychology*, 3(2), 77-101.
29. Javadi, M., & Zarea, K. (2016). Understanding thematic analysis and its pitfall. *Demo*, 1(1), 33-39.
30. Charamba, E. (2022). Bridging Discourses in Science Education Through Translanguaging Amongst Sixth-Grade Students in the Free State Province. *Journal of Educational Studies*, 21(3), 26-46.
31. Omidire, M. F., & Ayob, S. (2022). The utilisation of translanguaging for learning and teaching in multilingual primary classrooms. *Multilingua*, 41(1), 105-129.

32. Hattingh, A., McKinney, C., Msimanga, A., Probyn, M., & Tyler, R. (2022). Translanguaging in science education in South African classrooms: Challenging constraining ideologies for science teacher education. In Jakobsson, Nygård Larsson & Karlsson (Eds.), *Translanguaging in Science Education* (pp. 231-256).
33. Charamba, E. (2022). Discontinuous Continuities: Translanguaging as a Culturally Responsive Multilingual Pedagogy for Epistemic Access. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, Vol. 7, Issue 3 (2022), pp. 70-79
34. Gort, M. (2015). Transforming literacy learning and teaching through translanguaging and other typical practices associated with “doing being bilingual”. *International Multilingual Research Journal*, 9(1), 1-6.
35. Heugh, K. (2015). Epistemologies in multilingual education: Translanguaging and genre-companions in conversation with policy and practice. *Language and Education*, 29(3), 280-285.
36. Williams, C. (1994). *Arfarniad o ddulliau dysgu ac addysgu yng nghyd-destun addysg uwchradd ddwyieithog*. Bangor University (United Kingdom).
37. Otheguy, R., García, O., & Reid, W. (2015). Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*, 6(3), 281- 307.
38. Wei, L., & García, O. (2022). Not a first language but one repertoire: Translanguaging as a decolonizing project. *RELC Journal*, 53(2), 313-324.
39. Cenoz, J., & Gorter, D. (2022). Pedagogical translanguaging and its application to language classes. *RELC Journal*, 53(2), 342-354.

Information about Authors:

Shalom Nokuthula Ndhlovana: *Is a tutor in the School of Education, University of the Witwatersrand, Johannesburg, South Africa.*

Fields of Interest: Researches and writes on issues of inclusive education, multilingualism, transformation and decolonization of education.

Email: 2093652@students.wits.ac.za

Erasmus Charamba: *Is a Lecturer in the School of Education, University of the Witwatersrand, Johannesburg, South Africa.*

Fields of Interest: Literacy, science education, multilingualism, inclusive education.

Email: eramos.charamba@wits.ac.za

Contribution of Authors: *Both authors were involved equally from conceptualization of the study right up to writing of the article.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-74-82

УДК (UDC) 81.23

***Hak-Soo Yoo,
Sunmoon University,
Asan, Republic of Korea
Ю Хаксу,
Университет Сонмун,
Асан, Республика Корея***

For citation: Hak-Soo Yoo, (2023).

***Typical Mistakes of Korean Students to Learn Russian:
Focusing on the Initial and Secondary Stages of Training.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2 (2023), pp. 74-82 (in USA)***

Manuscript received 05/06/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

**ХАРАКТЕРНЫЕ ОШИБКИ КОРЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ
ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ)**

**TYPICAL MISTAKES OF KOREAN STUDENTS TO LEARN RUSSIAN:
FOCUSING ON THE INITIAL AND SECONDARY STAGES OF
TRAINING**

Abstract:

The article is aimed at describing the phonetic, intonation, spelling, lexico-semantic and grammatical errors of Korean students that occur in the process of learning Russian. For the study, the comparison of Russian as the language being studied and the native speaker's language was conducted. Russian speakers, for example, tend to ignore the correct pronunciation of certain vowels and consonants in the Russian language, which do not exist in the Korean language, and underestimate the role of stress as one of the most important factors of the Russian phonetic system. The present study compares the differences in pronunciation features between Russian and Korean, which affect the frequent errors among Korean students. In the case of teaching Russian outside the language environment, it's more difficult to correct lexico-semantic and syntactic errors of students than phonetic and morphological errors because of the filter of the native language. If a student is exposed to the Russian language dominant environment, pronunciation and intonation mistakes are corrected naturally in the process of comprehensive communication with native speakers. Thus, the study attempts to describe the difficulties of learning Russian as a foreign language to a Korean student audience. A comparison of phonetics, vocabulary, and grammar of Russian and Korean languages is given in examples. Recommendations of theoretical and practical significance for learning Russian will be discussed.

Keywords: Russian as a Foreign Language (RFL), Korean Language, Comparative Study of Languages, Language difficulties, Problem of Language Interference

Аннотация:

Статья посвящена описанию фонетических, интонационных, орфографических, лексико-семантических и грамматических ошибок, которые возникают в процессе изучения русского языка корейскими учащимися при сопоставлении изучаемого языка и языка носителя. Например, носители безударного корейского языка, как правило, игнорируют правильное произношение тех или иных гласных и согласных звуков в русском языке, которые не существуют в корейском языке, и недооценивают роль ударения как одного из важнейших факторов русской фонетической системы. В статье описываются различия в особенностях произношения между русским и корейским языками, которые влияют на частотность ошибок корейских учащихся. В случае обучения русскому языку вне языковой среды лексико-семантические и синтаксические ошибки учащихся корректируются тяжелее, чем фонетические и морфологические ошибки, т.к. фильтр родного языка остается доминирующим. В случае нахождения учащегося в русской языковой среде ошибки, связанные с произношением и интонацией, исправляются естественным образом в процессе интенсивной коммуникации с носителями языка. В статье осуществлена попытка описать трудности изучения русского языка как иностранного в корейской аудитории. Сопоставление фонетики, лексики, грамматики русского и корейского языков даётся в примерах. Даются рекомендации теоретического и практического значения.

Ключевые слова: Русский язык как иностранный (РКИ), корейский язык, сопоставительное изучение языков, языковые трудности, проблема интерференции языков

Введение

Данная работа посвящена очень важной в общетеоретическом и в практическом отношении методике преподавания русского языка как иностранного [15, с. 15] и представляет большой интерес, поскольку необходимость функционального подхода к отбору [11, сс. 7-8; 8, сс. 26-42], описанию и подаче языкового материала продиктована именно коммуникативной направленностью обучения.

Выделение и описание фонетического, орфографического, лексико-семантического, грамматического и пунктуационного материалов как объекта усвоения учащимся проводится с учетом целого комплекса факторов. Важнейшие из них – отрицательный языковой материал [16, с. 16], т.е. ошибки учащихся в процессе обучения русскому языку как иностранному [12, с. 38–57].

Практика обучения русскому языку носителей корейского языка показывает, что преподавателям не всегда удается сделать речь учащихся до конца разборчивой и натуральной. Это тем более странно, что подавляющее большинство корейцев могут произносить русские звуки и слова очень чисто. Причину недостаточной разборчивости речи мы видим в том, что учебные материалы содержат мало педагогически убедительных материалов, которые могли бы стимулировать учащихся обращать внимание не только на звуковой состав русского слова, но и на орфографию, лексику, грамматику. Это особенно важно для тех, кто изучает язык в основном самостоятельно или много занимается по собственному плану помимо обязательных часов в аудитории.

Главная задача нашего исследования заключается в развитии навыков устной и письменной речи. Для этого преподаватели должны выработать у себя навыки особого видения языковых явлений с точки зрения обучения русскому языку как иностранному с учетом родного языка учащихся, уметь обобщать и правильно толковать языковые явления и закономерности их употребления в речи и помочь учащимся найти ошибки, связанные с особенностью их родного языка, и тем самым предотвратить подобные ошибки в речевой деятельности.

Материалы и методы исследования

В выборе терминологии, посвященной методам исследования, мы опираемся на статью И. А. Стернина [21], так как полностью солидарны с классификацией методов, которую предлагает автор.

Для решения нашей конкретной цели мы избрали следующие лингвистические методы исследования: наблюдение и сбор ошибок иностранных учащихся, которые изучают русский язык как иностранный; лингвистическое интервьюирование, обобщение и формулирование выводов, верификация выводов на новом языковом материале. Хотя наши возможности в подборе примеров и анализе языкового материала были ограничены установленным объемом работы, нам удалось описать синонимические, антонимические отношения разнообразных словосочетаний в лексико-семантическом плане и рассмотреть падежную систему, выявить особенности глаголов НСВ и СВ, динамичных и статичных глаголов и глаголов движения, связанных с различными ситуациями в речевой практике [13, с. 19–23], а также выявить специфику порядка слов современного русского языка в грамматическом плане.

На первом этапе исследования мы практиковали лингвистическое наблюдение и сбор материала. Мы выбрали метод сплошной выборки отрицательного языкового материала в устной и письменной речи слушателей курса русского языка как иностранного, в котором неправильное произношение меняет значение слова (например, *был* вместо *бил*; *ужинать* вместо *узнать*; *полка* вместо *полька*). Фиксация таких случаев велась на материальном носителе. Итоговый перечень образцов (пар слов) представляет собой 19 страниц в приложении WORD. Этот материал лег в основу разработанной нами системы упражнений из трех этапов: наблюдение пар слов, которые меняют их значение, повторение этих пар за преподавателем (2), самопроверка произношения, интонации, орфографии, грамматики и пунктуации с помощью функции РЕЧЬ-ТЕКСТ [17, с. 9–12], которая есть во всех современных гаджетах, которыми пользуются учащиеся.

На втором этапе исследования мы практиковали лингвистическое интервьюирование: информантам (учащимся) задавались вопросы о парах языковых единиц. Цель – изменить языковое сознание носителей корейского языка, в котором нет звуков [ж], [з], [в], [ф], [ц], [щ] и ударения, но есть другие ИК и грамматические и пунктуационные правила, таким образом, чтобы при знакомстве с каждым новым словом внимание было направлено на место звуков [ж], [з], [в], [ф], [ц], [щ] и ударения. Мы задавали прямые вопросы: *Слышите ли вы разницу в звучании слов с разным ударением? Вы ощущаете разницу либо в интонационных, либо в грамматических, либо в пунктуационных правилах между русским и корейским языками?* Лингвистическое интервьюирование проводилось в период среднесеместрового и итогового экзамена.

На третьем этапе исследования мы обобщили полученный на первом и втором этапах материал и сделали вывод о том, что успех работы над фонетикой с представителями безударных языков не зависит от субъективных факторов. Успех работы над фонетическими, орфографическими, лексико-семантическими, грамматическими и пунктуационными особенностями зависит только от того, насколько убедительны примеры, которые используются в процессе обучения и насколько системна работа над лингвистическими наблюдениями и сопоставлениями двух языков [5, с. 144].

На последнем этапе мы обратились к такому методу исследования, как верификация результатов на новом материале. Он заключается в наблюдении преподавателя за тем, насколько сформирован навык учащихся при знакомстве не только с новым словом, и с новой конструкцией предложения, а также и с орфографическими, пунктуационными особенностями, в первую очередь, обращаться к двуязычному словарю и учебникам [14, 20, 23].

В пробном обучении участвовали: студенты разных курсов (с 1 по 3) Университета Сонмун (г. Асан, Южная Корея) – первый семестр 2021–2022 (28 человек), второй семестр 2021–2022 (24 человека).

Результаты исследования

Чем ниже этап обучения, тем проще должны быть сигнальные пары слов в соответствии с методическим принципом «от простого к сложному». Учащиеся нередко задают вопрос о том, сколько конкретно в языке таких сигнальных пар, насколько они частотны в текстах [14, с. 16]. Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели эксперимент: проанализировали большой текст в поисках слов. Проведенный нами эксперимент позволил сделать выводы в отношении лингвистических ошибок на уровнях фонетики, орфографии, лексики, грамматики и пунктуации.

Красота русского языка состоит в гармонии звуков. Однако этот увлекательный и выразительный язык настолько сложен, что корейским студентам трудно его выучить: бывают моменты, когда изучающие русский язык готовы опустить руки.

К сожалению, точно передать своеобразные нюансы русского языка на корейский практически невозможно. Изучение русского языка требует времени и усилий. Но время ограничено, поэтому контроль времени также важен.

Между русским языком и корейским языком есть принципиальные различия в особенностях произношения [22, с. 144]. Поэтому, когда корейские учащиеся изучают русский язык, в силу различных трудностей они делают ошибки в произношении.

Фонетические ошибки

1) Гласные заднего ряда и переднего ряда

а) Гласные [ы], [э], [у] (произносятся как гласные переднего ряда: [и] – [и])

Напр.: *был* – [бил], *сыр* – [сир], *красивый* – [красивий] и др.

б) двойные гласные «[я], [е], [ё], [ю]» (проблема в произношении [й])

Напр.: *ел* – ^{э/}[эл]

2) Глухие-звонкие согласные

Звонкие согласные	б	в	г	д	ж	з
Глухие согласные	п	ф	к	т	ш	с

Эти верхние и нижние буквы представляют собой пару звонких звуков и глухих звуков. Звонкие согласные становятся глухими (оглушение), а глухие согласные становятся звонкими (озвончение), что очень важно для правильного произношения русских слов.

У корейских студентов часто возникает полное (неполное) озвончение или оглушение.

Напр.: *бить* – [пить], *пил* – [бил], *год* – [кот], *зуб* – [суп], *жить* – [шить] и др.

3) Губные согласные – губно-зубные согласные

в-ф (не правильное положение губ и зубов, произносятся как губной щелевой, нечто среднее между «[в] и [б]», «[ф] и [п]»)

Напр.: *выход* – [пыход], *фото* – [пото], *вода* – [пота]

4) Из-за отсутствия в корейском языке звуков [ж] и [з], они произносятся одинаково (проблема в положении языка)

Напр.: *ужинать* и *узнать* звучат одинаково.

5) При прочтении словосочетаний или предложения они механически делят слова на отдельные сегменты, не могут читать слитно:

Напр.: *моя комната* – читают как «моя // комната».

В институте - читают как «вы // институте» вместо «вынституте» и др.

б) При произношении звуков [л]-[ль], [р]-[рь], [ь]-[и] корейским студентам очень трудно их дифференцировать.

Напр.: *угол* – [уголь], *полка* – [полька], *Лувр* – [рубль], *фильмы* – [фирмы], *словарь* – [словари], *ночь* – [ночи] и др.

7) Корейские учащиеся произносят *тся, ться, ца* как [ча].

Ошибки в ударении

1) В односложных словах редуцируют [о]:

Напр.: *тот* – [тат], *дом* – [дам], *Том* – [там]

2) В многосложных словах ставят несколько ударений:

Напр.: *преподаватель, воскресеньё*.

Многие фонетические ошибки корректируются на продвинутых этапах. Но ввиду некоторых индивидуальных особенностей, обучающихся они продолжают проявляться в речи (1).

Интонационные ошибки

1) Элементарное приветствие «здравствуйте!» читают с вопросительной интонацией, точно так как приветствие в корейском языке *안녕하세요?* (Аннёнхасэё?).

2) Не выделяют и не дифференцируют интонационный центр [9]: Напр.: *Мама дома (ИК-3)? – Да, дома.* 2) *Мама (ИК-3) дома? – Да, мама.*

3) В конце повествовательного предложения зачастую используют ИК-3, что придает предложению характер незаконченности. Напр.: *Сегодня я занимался спортом и читал книги (ИК-3) ...*

Орфографические ошибки

1) У студентов-корейцев часто повторяются следующие орфографические ошибки, связанные с произношением:

а – о (*малако*), е – и (*припадаватель*), ы – и (*жызьнь*), в – п (*быстапка, аптобус*) и др.

2) Плохо разбираются в орфографических правилах: *маленькый, хорошый, ручок, карандашов* и др.

3) С большим трудом студенты понимают, когда следует писать слитно, а когда отдельно, а также какую букву ставить при написании собственных имён существительных, большую или маленькую, поскольку в корейском языке нет орфографических правил в написании большой буквы в собственных именах существительных:

Напр.: *При написании в анкете ф.и.о пишут своё имя как «хонгилдон» (홍길동).*

4) предлог + притяжательное местоимение 3-го лица:

Напр.: *У (н)её/его/их брата есть телефон; Говорить о (н)её/его/их брате.; В (н)его руке сумка.; У (н)его в руке сумка.; У (н)его есть машина.*

Многие орфографические ошибки корректируются на продвинутых этапах.

Лексико-семантические ошибки

1) Студенты предпочитают делать дословный перевод:

Напр.: 러시아 국기는 세가지 색으로 이루어져 있다. → *Российский флаг состоит из трёх цветов* – Вместо: *В российском флаге три цвета*.

2) Не дифференцируют точное значение и их употребление следующих глаголов, например, *изучать, учить – выучить (научить), учиться – выучиться (научиться), заниматься и пользоваться, использовать, применять, употреблять* и др., студенты используют их произвольно.

3) У корейских студентов другое понятие диапазона голубого цвета, так как в корейском языке синий, голубой и зеленый цвета могут обозначаться одним словом (청색). Например, Бывшая президентская резиденция Республики Корея 청와대 переводится как *Синий дом* – вместо *Голубой дом*.

4) Трудно определить точное употребление наречий *долго – давно, потому что – поэтому* и использование союзов «и, а, но».

Многие лексико-семантические ошибки корректируются на продвинутых этапах.

Грамматические ошибки

1) На морфологическом уровне корейские студенты сталкиваются с большими трудностями, прежде всего, в склонении разных имён существительных и глагольном управлении, понятии и функции глагольного вида, и особенностях употребления глаголов движения (*ходить (НСВ)-идти (НСВ)-пойти (СВ); ездить-ехать-поехать; водить-вести-повести; возить-везти-повезти* и др.).

2) Студенты также затрудняются в определении категории рода иностранных слов (*такси, меню, хобби, кафе, кимчи* и др.) и русских и корейских географических названий (*소치 (Сочи), 김포 (Кимпо), 전주 (Чонджу), 강원도 (Канвондо)* и др.).

3) Не зная точно значение приставок у глаголов, учащиеся часто пишут базовый глагол без приставок. В русском языке существует два вида глаголов: совершенный вид (СВ) глагола и несовершенный вид (НСВ) глагола. В корейском языке, в отличие от русского, нет видовых пар глаголов. Поэтому корейским студентам бывает трудно употреблять глаголы совершенного и несовершенного вида должным образом. Глаголы несовершенного вида используются для описания повторяющихся действий и процессов, а глаголы совершенного вида не только указывают на действие, но также на завершение или результат действия. Корейские учащиеся часто классифицируют глаголы и используют их только в трёх временных линиях: в прошлом, настоящем и будущем. Изучающие русский язык должны правильно использовать их в зависимости от ситуации, чтобы уместно выражать точные значения СВ и НСВ. Глагол несовершенного вида представляет три временные рамки прошлого, настоящего и будущего. Глагол совершенного вида представляет две временные рамки – прошлое и будущее. Но здесь есть проблема, которая сбивает корейцев с толку. Форма будущего времени у глаголов НСВ аналитическая: *буду строить*, а у глаголов СВ - синтетическая: *построю*.

4) Не разграничивая особенности употребления относительных и качественных прилагательных в русском языке, они часто делают ошибки в порядке слов. Напр.: *русский современный город, шерстяной длинный шарф, русский весь народ, черная большая новая машина* и др.

5) Ошибки, связанные с употреблением родительного падежа:

а) Конструкции с непроизводными предлогами (18, с. 12–13) способны передавать **субъектное**: *у меня (есть) друзья, у меня есть карие глаза*

б) Категория одушевлённости/неодушевлённости (У + кого): *У нашего города есть стадион* – вместо: *В нашем городе* и т.д.

б) О порядке слов

Напр.: *Я не делал ничего особенного* – вместо *Я ничего особенного не делал*.

Пойдем с нами вместе – вместо *Пойдем вместе с нами*.

Я позвал на день рождения его. – вместо *Я позвал его на день рождения* и т.д.

Под влиянием интерференции родного языка на синтаксическом уровне студенты повторяют точно так же конструкцию в корейском языке при переводе с корейского языка на русский (24).

Пунктуационные ошибки

Довольно часто учащиеся плохо разбираются в пунктуационных правилах русского языка. Например, они не очень хорошо разбираются в том, когда поставить запятую (,), вопросительные и восклицательные знаки (? и !) в предложениях и кавычки («») в прямой и косвенной речи.

Выводы

На основе приведенного выше материала, можно сделать следующие выводы:

Начиная работать с носителями безударного корейского языка, преподаватель должен с самого начала обучения с помощью убедительных примеров пропустить через сознание учащихся, что звуковой состав, ударение, влияние интерференции родного языка в изучаемом языке имеет большое значение в овладении фонетической, орфографической, лексико-семантической, грамматической стороной языка. Сравним: противопоставление по глухости-звонкости и твердости-мягкости может выполнять только смысловозначительную роль (*бить* – *пить*, *фото* – *пото*, *Елена* – *Элена*, *ужинать* – *узнать*), а ударение, будучи единицей суперсегментного уровня, выполняет три функции: смысловозначительную (*за́мок* – *замо́к*), форморазличительную (*ру́ки* – *рукí*) и функцию словоопознавательную (*ва́ренный* – *варённый*) [14].

Заключение

Сбор информации о типичных ошибках учащихся в связи с фонетическими, орфографическими, лексико-семантическими, грамматическими и пунктуационными особенностями, которые имеют важное значение (то есть связаны с изменением значения слова), оказался весьма полезным для обучения, как мы и предполагали в начале исследования.

На основе собранных типичных ошибок был создан список пар для отработки фонетики, орфографии, лексики, грамматики и пунктуации. Отработка фонетических, орфографических, лексико-семантических, грамматических и пунктуационных особенностей на этом «живом» и педагогически убедительном материале помогает носителям языков пропустить через сознание мысль о важной роли *комплекса* фонетических, орфографических, лексико-семантических, грамматических и пунктуационных средств в коммуникации.

Этот частный методический приём привел к следующим результатам: учащиеся, которым с самого первого занятия были предоставлены пары слов и конструкции предложений, могут критически относиться к ошибкам на уровне фонетики, орфографии, лексики, грамматики и пунктуации в новом для них слове (или предложении).

Многие фонетические, орфографические, лексико-семантические и морфологические ошибки корректируются на продвинутых этапах. Однако лексико-семантические и синтаксические ошибки корректируются с трудом, т.к. фильтр родного языка остается доминирующим. В случае нахождения учащегося в русской языковой среде ошибки исправляются естественным образом, но ввиду некоторых индивидуальных особенностей, обучающихся продолжают проявляться в речи.

Практическое значение данной работы заключается в том, что наши наблюдения будут полезны при составлении учебников и учебных пособий, так как они могут

дополнить существующие упражнения, направленные на предупреждение вышеуказанных ошибок.

В заключение подчеркнем, что для улучшения методики преподавания РКИ требуется органически совместить ее с достижениями психологической лингвистики, тем самым обеспечить дальнейшее развитие эффективных методов для преодоления интерференции у корейских учащихся.

References:

1. Archibald, John. The acquisition of English stress by speakers of non-accentual languages: Lexical storage versus computation of stress. *Linguistics*. 35(1) (1997), pp. 167-181.
2. Brown, H. Douglas. *Principles of language learning and teaching* (5th ed.). White Plains, NY: Pearson Longman. 2007, 410 p.
3. Jung, Yeon-Joo, You-Jin Kim, and John Murphy. The role of task repetition in learning word-stress patterns through auditory priming tasks. *Studies in Second Language Acquisition*. 39(2) (2017), pp. 319-346.
4. Pyo, Sang-Yong and Olga Vladimirovna Muran. *Russian oral speech*. Seoul: Hankuk University of Foreign Studies Press. 2008, 165 p.
5. Yoo, Hak-Soo, Raisa Aleksandrovna Kulkova, and Andrea Rakushin Lee. Contrastive analysis of the Russian and Korean classifying nouns “type” and “kind.” *Journal of Pan-Pacific Association of Applied Linguistics*. 23(1) (2019), pp. 143-159.
6. Andrea Rakushin Lee. Direct instruction of word stress in Russian language classes in South Korea. *Linguistic Research*. 39(Special Edition) (2022), pp. 29-50.
7. Bozhka O.P. *Obuchenie russkomu yazy`ku kak inostrannomu v inoyazy`chnoj srede: na primer yuzhnokorejskix universitetov*. Doktorskaya dissertaciya. 2011, 350 p.
8. Bondarko A.V. *O nekotory`x aspektax funkcional`nogo analiza grammaticeskix yavlenij. Funkcional`ny`j analiz grammaticeskix kategorij*. Leningrad: Leningr. gos. ped. in-t im. A. I. Gercena, 1973, pp. 5-31.
9. Bry`zgunova E.A. *Zvuki i intonaciya russkoj rechi*. M., Russkij yazy`k, 1981, 279 p.
10. Gluxov B.A., Shhukin A.N. *Terminy` metodiki prepodavaniya russkogo yazy`ka kak inostrannogo*. M., Russkij yazy`k, 1993, 369 p.
11. Zolotova G.A. *Oчерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука, 1973, 352 p.
12. Kapitonova T.I., A.N. Shhukin. *Sovremenny`e metody` obucheniya russkomu yazy`ku inostrancev*. Москва: Russkij yazy`k, 1987, 230 p.
13. Leont`ev A.A. *O rechevoj situacii i principe rechevy`x dejstvij*. *Russkij yazy`k za rubezhom*. № 2 (1968), pp. 19-23.
14. *Orfograficheskiy slovar` russkogo yazy`ka* (Pod red. S.G. Barxudarova, I.F. Protchenko i L.I. Skvorczova). Москва: Russkij yazy`k, 1985, 462 p.
15. Rozhkova G.I. *K lingvisticheskim osnovam metodiki prepodavaniya russkogo yazy`ka inostranczam*. Москва: MGU, 1983, 128 p.
16. *O funkcional`nom aspekte v praktike prepodavaniya russkogo yazy`ka inostranczam. Aktual`ny`e voprosy` prepodavaniya russkogo yazy`ka kak inostrannogo*. Москва: MGU, 1978, pp. 6-21.
17. *Oчерки практической грамматики русского языка*. Москва: Vy`sshaya shkola, 1987, 158 p.
18. *Problemnost` v obuchenii russkomu yazy`ku nerusskix*. Москва: MGU, 1994, 59 p.
19. *Russkij yazy`k v nerusskoj auditorii*. Москва: MGU, 1986, 101 p.
20. Slesarevaja, I. P. (Ed.). *Slovar'-spravochnik po russkomu jazyku*. Москва: Russkij yazy`k, 2011, 592 p.
21. Sternin I.A. *O ponyatijax metod, metodika, priem*. *Voprosy` psixolingvistiki*, 7, Москва: Institut yazy`koznaniya Rossijskoj akademii nauk, 2008, pp. 24-25.

22. Su X.K. Tipichny`e trudnosti i oshibki pri izuchenii russkogo yazy`ka v korejskoj auditorii. Lingvokul`turologicheskiy aspekt izucheniya i prepodavaniya russkogo yazy`ka v usloviyax otsutstviya yazy`kovej srede`. Rossijskiy universitet druzhby` narodov (RUDN). 2018, pp. 144-146.
23. Uchebny`j slovar` sochetaemosti slov russkogo yazy`ka /pod red. P.N. Denisova i V.V. Morkovkina/. Moskva: Russkiy yazy`k, 1978, 686 p.
24. Chagina O. V. Kak skazat` inache? (Rabota nad sintaksicheskoy sinonimiej russkogo yazy`ka v inostrannoj auditorii). Moskva: Russkiy yazy`k, 1990, 176 p.
25. Shmeleva L. D. Analiz oshibok i sostavlenie rabocheho plana. Voprosy` metodiki prepodavaniya russkogo yazy`ka inostranczam. Leningrad: LGU, 1973, pp. 40-51.

Information about Author:

Yoo, Hak Soo (Asan, Republic of Korea) – PhD. in Philology, Professor of the Department of Russian Language of the Sunmoon University, Director of Institute of Eurasian Languages and Culture. Research fields: Contemporary Russian language, teaching Russian as a foreign language, Translation Studies; author of more than 40 publications, 26 monographs and textbooks.

Author's Contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-83-93

УДК (UDC) 81'23

Vassili V. Bouilov,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland

Буйлов В.В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия

*For citation: Bouilov Vassili V., (2023).
Andrei Platonov's Idiostyle in the Context of
His Scriptwriting Experience.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2 (2023), pp. 83-93 (in USA)*

Manuscript received 25/05/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ИДИОСТИЛЬ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО КИНОСЦЕНАРНОГО ОПЫТА

ANDREI PLATONOV'S IDIOSTYLE IN THE CONTEXT OF HIS SCRIPTWRITING EXPERIENCE

Abstract:

Andrey Platonov, consistently developing in his work an original authorial method, his own unique idiostyle, fundamentally tries to move away from simple and standard writing decisions. The characteristic features of his creative method are the systematic rejection of conventional grammatical forms, which manifests itself in the formation of purely Platonov's combinations, the mixing of different styles, the connotative nature of his texts, the implicativeness of the author's discourse with the conscious coding of hidden meanings. The author of this article assumes that Platonov's well-known interest in the language of experimental silent cinema of the 1920s, as well as his previous experience in scriptwriting, allows him to use his cinematic skills in writing his key prosaic texts. All this allows the writer, using his unique language, to create in the text such a conceptual, emotional, boundless content that most fully expresses all the multidimensionality of Platonov's artistic world, unique in its figurative diversity.

Keywords: Idiostyle of Andrey Platonov; genre codes; metonymy; metonymic transfer; hyponymic synecdoche; accent words; the problem of space and time; POV/ Point of View; "seeing eye" and "knowing eye", "external eye-lens", theory of "superhuman eye": machine-eye (movie-eye), "science eye", "unblinking eye of humanity"; perspective shift; change of angle; close-up shot; storyboard footage; sequential-temporal, parallel and associative editing; script commentary

Аннотация:

Андрей Платонов, последовательно разрабатывая в своём творчестве оригинальный авторский метод, свой уникальный идиостиль, принципиально старается уходить от простых и стандартных писательских решений. Характерными чертами его

творческого метода являются систематический отказ от конвенциональных грамматических форм, проявляющийся в образовании чисто платоновских сочетаний, смешение разных стилей, коннотативная природа его текстов, имплицативность авторского дискурса при сознательной закодированности скрытых смыслов. По нашему предположению, хорошо известный интерес Платонова к языку экспериментального немого кино 20-х годов, а также уже имеющийся у него опыт киносценарной работы позволяет ему использовать свои навыки, связанные с кинематографом, при написания его ключевых прозаических текстов. Всё это позволяет писателю с помощью своего уникального языка создать в тексте такое концептуальное, эмоциональное, беспредельное по охвату наполнение, которое наиболее полно выражает всю многомерность неповторимого в своём образном многообразии платоновского художественного мира.

Ключевые слова:

Идиостиль Андрея Платонова; жанровые коды; метонимия; метонимический перенос; гипонимическая синекдоха; акцентные слова; проблема пространства и времени; ПОВ, или POV/ Point of View; «глаз видящий» и «глаз знающий», «внешний глаз-объектив», теория «сверхчеловеческого глаза»: машина-глаз (кино-око, кино-глаз), «глаз науки», «неморгающий глаз человечества»; сдвиг перспективы; смена ракурса; крупный план: раскадровка видеоряда; последовательно-временной, параллельный и ассоциативный монтаж; сценарный комментарий

Введение

Неутомимая творческая активность Андрея Платонова распространялась на *многие жанровые коды*, сложившиеся в искусстве, включая прозу, поэзию, публицистику, кинематограф, театр. Он увлечённо занимался написанием пьес, эссе, статей, либретто, киносценариев. И хотя Платоновым был создан целый ряд *киносценариев*, их судьба при жизни писателя была такая же печальная, как и у платоновских *пьес*. Киноноватор и «природный технар», он как киносценарист был не востребован и не снимаем. При жизни Платонова был сделан только один фильм по его литературному сюжету – это снятый в 1930 году режиссёром Тихоновым немой фильм «Айна» [13]. Список из 12 киносценариев, написанных и законченных Платоновым-сценаристом, представлен в статье киноведа Е. Грачёвой [3, с. 17–18] и находится в Приложении к нашей статье (Приложение). Все это, по существу, писалось Платоновым «в стол». При этом первый и пока единственный опубликованный сборник драматургии Платонова «Ноев ковчег» из чудом сохранённых, но так и не поставленных при жизни Платонова пьес, вышел в свет только в 2006 году [9]. Несмотря на всё это, Платонов в силу своей феноменальной природной настойчивости и творческой увлечённости обернул эти играющие против него обстоятельства «неснимаемости» своих киносценариев в качественно новые перспективы особого художественно-эстетического и оптического «конструирования» своих прозаических текстов.

Обсуждение

По нашему предположению (которое можно считать гипотезой), хорошо известный интерес Платонова к языку экспериментального немого кино 20-х годов, а также уже имеющийся ко времени написания им ключевых прозаических текстов *опыт сценарно-кинематографической работы Платонова* позволяют ему обоснованно использовать не только эти свои навыки, связанные с кинематографом, но и невостребованный творческий потенциал своих нереализованных сценариев и непоставленных пьес.

Наш интерес к полностью обоснованной связи Андрея Платонова как писателя, драматурга и сценариста с принципами, методами и техникой современного ему

кинematографа был в значительной степени и неопределимо подкреплён и прямо или косвенно подтверждается глубоким текстологическим исследованием киносценарной деятельности Платонова и истории его работы со своими завершёнными и незаконченными киносценариями, которое в 2000 году представила ведущий российский платоновед Н.В. Корниенко в объёмной статье «Киносценарии в творческой истории «Котлована» [4, с. 323–363], вошедшей в академическое издание «Андрей Платонов. Котлован. Текст, материалы творческой истории». При этом написание данной статьи нас особо и безусловно вдохновил комментарий, сделанный Н. Корниенко в 2003 году в телевизионной программе А. Гордона «Миры Андрея Платонова» [7]:

«У Платонова богатейшее киносценарное наследие. Платонов писал киносценарии с 27-го года и до конца жизни. Читателю известны лишь фрагменты этого материка. <...> Можно, скажем, так формулировать вопрос: влиял ли язык кино на прозу Платонова? Конечно, влиял. Безусловно, немой кинематограф его интересовал. Мы можем эти связи обсуждать <...> Но мне всегда кажется, что и язык кинематографии Платонова ещё не открыт, а он поразителен. Как, например, он разрабатывал проблему пространства и времени в киносценариях, или его огромные философичные ремарки <...>» [7]

В пользу возможности и сознательной креативности такого его творческого подхода свидетельствуют высказывания самого Платонова. Так, требование учета актуализированной Платоновым как в своих киносценариях, так и в прозе именно такого взгляда и ракурса на действие и вещи, которые дифференцированы от повествования, ведущегося с точки зрения автора или персонажа-рассказчика (в современной терминологии обозначаемой аббревиатурой **ПОВ**, или **POV/ Point of View**), находит, по нашему мнению, свое подтверждение в высказываниях Платонова-сценариста. Эти высказывания писателя, которые В.А. Подорога [11, с. 269] выделил в ранней статье Платонова «Пролетарская поэзия» и в его философском эссе «О любви», позволяют лучше понять оптическую конструкцию таких произведений, как «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море»:

«Первая позиция для глаза: «Точка объективного внеотносительного наблюдения совпадает с центром совершенной организации, только отойдя от мира и от себя, можно увидеть, что есть всё это и чем хочет быть всё это.» [8, с. 163–164]
Что же это за точка наблюдения и кто располагается в ней? Эту позицию наблюдения занимает особый глаз, “глаз науки”, “неморгающий глаз человечества”, “свет чистый и до конца прозрачный, но ни тёплый, ни холодный”.» [6, с. 202]

Для образного представления нашего предположения мы условно могли бы прибегнуть к следующей метафорической аналогии, которая косвенно ассоциируется с авторским методом Платонова и, как нам кажется, хорошо работает в контексте платоновского сценарно-кинematографического взгляда на вещи и явления. Это пример из построения вокально-исполнительской техники одного из выдающихся джазовых трубачей XX-го века Чета Бейкера (Chet Baker). Речь идёт об уникальной взаимосвязи трубы как музыкального инструмента и вокального исполнительства Чета Бейкера по условной схеме «мастер-инструмент». Бейкер всемирно известен не только своей виртуозной техникой игры на трубе, но и своей неповторимой манерой голосового певческого исполнения, джазовой вокальной фразировкой и голосом, поражающим тембровым своеобразием. В основе этого своеобразия голоса Чета Бейкера лежало сознательное соединение техники игры на трубе с техникой собственного вокального исполнения. Будучи великим трубачом, он одновременно с этим постоянно выступал и как вокалист и в своих голосовых фразировках использовал приёмы и элементы техники

игры на трубе с присущими только этому музыкальному инструменту нюансами гармонического извлечения звука.

Исходя из такой метафорической аналогии с феноменом Бейкера, мы считаем, что сценарно-кинематографический подход Платонова проявляется в жанрово-интертекстуальном и в настолько же феноменальном включении писателем творческой техники написания киносценариев в процесс написания своих прозаических текстов. Так, Платонов экспериментирует с техникой написания киносценариев в семиотически многоуровневом тексте повести «Котлован», что достаточно хорошо согласуется с интертекстуальной природой текста этой повести. По аналогии с предложенной нами здесь *формуле «мастер-инструмент»*, Платонов использует во многих своих образно-композиционных решениях элементы своей сценарно-кинематографической практики, принципы киномонтажа и техники ассоциативного киноряда. Постановку и «движение» авторского взгляда Платонова в текстовом пространстве можно условно сравнить с постановкой кинематографической раскадровки и киномонтажной съемки.

Делая предположение о применении Платоновым в своих прозаических текстах элементов смешанной писательской и киносценарной стратегии, мы хотели бы обратиться к использованию писателем в «Котловане» стилистического приема *метонимии* и отдельных её разновидностей. В следующем эпизоде из повествования «Котлована» Платонов применяет метонимический перенос при описании внешности и характера одного из персонажей, а именно жены начальника котлованных работ, и осуществляет резкую смену плана изображения с общего плана персонажа на крупный план её *красных губ, жующих мясо*, что способствует перенесению смыслового акцента на такой ракурс художественного описания, при котором персонаж, его характер и личность раскрываются во всей своей сути (здесь и ниже текст повести «Котлован» с указанием страниц цитируется по источнику [5]):

В кабинет Пашкина вошла его супруга с красными губами, жующими мясо.
<...> [5, с. 34]

Такая постановка смыслового акцента, перенос его на губы женского персонажа, подача их крупного плана с включением детализированного натуралистического описания, когда эти *красные губы, жующие мясо* (здесь напрашивается естественное коннотативное уточнение – *красное мясо*) служит образному усилению, рождающему художественный конфликт. Эти слова становятся главными *акцентными словами* всего предложения. Такой образ персонажа, формируемый этими четырьмя экспрессивно окрашенными словами, вызывает чувство неприязни и психологического отторжения. Резко негативное восприятие персонажа еще более усиливается контекстом всего повествования, связанного с голодом времён коллективизации. Мы не видим ни её лица, ни выражения глаз, ни причёски, ни фигуры. Мы видим только *крупный план* ярко-красных, сытых и жадных *губ, жующих мясо* на виду у обессиленной вечным недоеданием и непосильной работой бригады землекопов.

Следующий фрагмент текста «Котлована» является примером стилистического введения Платоновым метонимического переноса с целью виртуализированной актуализации образов-объектов в их семиотической насыщенности. Художественно реализуя здесь механизм *гипонимической синекдохи*, Платонов посредством подобной образной буквализации передает страх, крайнюю забитость и обезличенность «НОРМАЛИЗОВАННОЙ МАССЫ»:

<...> *в дверь постучала чья-то негромкая рука, и в звуках той руки был ещё слышен страх-пережиток.* [5, с. 85]

Перед нами готовая «кинематографическая картинка», крупный план человеческой руки, дающейся Платоновым в таком жизненном ракурсе, что ни для чего другого в этом условном «кадре» просто не остается места. Опять в тексте Платонова

осуществляется «наезд» на образ-объект этой «переживающей и всего страшящейся» руки, схожий с кинематографическим «наездом камеры» в крупный план. **Метонимический перенос** психологических переживаний и беспокойства неизвестного обладателя дрожащей руки на эту руку рождает эффект широкого обобщения и, по сути, символически и эпифанически сакрализует в этом образе-объекте, в безымянной, лишённой индивидуальности и «безропотной» руке наивысшую степень всенародного страха перед властью.

Е. Грачёва в разделе «Монтаж и точка зрения» своей статьи «Воодушевление: Неснятое кино Андрея Платонова», опубликованной в журнале «Сеанс», 2006, 09/03/2006 [3], в качестве образца использования Платоновым **при написании сценария** возможностей композиции кадра и киномонтажа приводит отрывок киносценария Платонова к фильму «Воодушевление» [1, 10], так и не снятому впоследствии. В своей киноведческой статье [3] Грачёва излагает некоторые положения методов и техники работы Платонова со сценарным текстом. По её словам, «в отличие от других работ для кино, именно к этому тексту писатель возвращался, переделывая его то в рассказ, то снова в киносценарий, – вплоть до 1946 года» [3, с. 2]. И при этом киноведческом рассмотрении сценария автор статьи также обращает внимание на «соединение образов по принципу метонимии/синекдохи («одинокие ноги», «рука», «почтовый ящик»), по контрасту (высокая печаль и «низкий» житейский сор); классические «конфликты планов», «конфликты графических напряжений», внутрикадровый монтаж – и т. д.» [3, с. 12].

При этом мы хотим обратить особое внимание на то, что *метонимический перенос* как основополагающий элемент **писательского метода Платонова** занимает значительное место в формировании **платоновской киносценарной техники и поэтики**. Такие наблюдения Грачевой как кинокритика при обсуждении киносценария представляют для нас принципиальную важность в плане обоснования выдвигаемой нами гипотезы о влиянии, а точнее, взаимовлиянии двух писательских техник оформления текста Платоновым – сценарно-кинематографической и литературно-художественной. Так, в одном из эпизодов сценария героиня сюжета по имени Арфа, «проводив мужа, остаётся одна на пустом вокзале. Вместо того, чтобы дать крупный план героини с печатью скорби на лице, Платонов создает классический монтажный образ в духе немого кино» [3, с. 11]:

*«Открытый перрон вокзала, снятый низко, немного выше уровня перрона. Две одинокие полные женские ноги в бедных туфлях, нижний край дешёвого плаща. Сор подлетает к этим ногам.
Швабра, метущая этот сор прямо на неподвижные, спокойные ноги.
Ноги неуверенно отступают.
Почтовый ящик на стене вокзала: фасадом к зрителю.
Со стороны зрителя – спиной к нему – к почтовому ящику подходит женщина: Арфа.
Рука женщины гладит почтовый ящик.
Две ноги её.
Сор опять подбегает к этим ногам.
Швабра останавливается недалеко от ног. <...>
Ноги женщины и швабра около них. За шваброй – сапоги уборщика. Несколько крупных капель слёз падают в сухую мякоть пыли около швабры. <...>
Одна женская нога быстро откидывает от себя сор и разметывает его.
Швабра отступает.»* [3, с. 11–12]

Построение Платоновым этой сцены из сценария рассматривается Грачевой с точки зрения использования «всех возможностей монтажного кино». По её словам, «в монтажном кино точка зрения камеры и точка зрения повествования – не одно и то же;

положение камеры определяется прежде всего выгодой – с какой точки удобнее выделить ту или иную деталь, какой смысл даст вот именно такой переход от крупного плана к общему <...>» [3, с. 12]:

«<...> Смысл происходящего складывается из других источников – и прежде всего из композиции кадра (как указания на точку зрения) и звукозрительного монтажа. <...> – Посторонитесь, гражданка! – сказал носильщик двум одиноким полным ногам. <...> Это – точка зрения уборщика, смотрящего вниз, на перрон, который он убирает, – и, возможно, спину женщины в сценарии мы видим не только потому, что Платонов избегает давать слишком «прямой» по значению крупный план, но и потому, что так видит её уборщик. <...> Но если бы эта сцена была дана глазами уборщика, его собственные ноги в кадре бы не появились. Это и есть точка нахождения повествователя: образно говоря, взгляд из-за спины персонажа-реципиента. Автор видит сцену как бы глазами героя, но еле заметную дистанцию между ним и собой всё же сохраняет. Именно так построена точка зрения повествователя во всех текстах Платонова, написанных не от первого лица, и, похоже, в сценарии он пытается найти ей визуальный аналог, перенести на экран свой взгляд на вещи.» [3, с. 10, 12]

К методу платоновского письма и стиля очень близка, и философская концепция «аналитического искусства» Павла Филонова, разработанная и обоснованная им в своём живописном творчестве, в теоретических работах и переписке, и в частности, в его письме к Вере Шопло [14], написанном в 1928 году и ставшим признанным манифестом возглавляемого им художественного направления. Как у Филонова художественная композиция организуется из хаоса элементарных частиц по аналогии с рождением жизни, так и у Платонова образно-концептуальный макроконтент «Котлована» формируется из «микрочастиц», «атомов» его языкового микроконтекста, что приводит к образованию в его тексте новых действенных изобразительных средств и форм выражения. Особое художественное видение Платонова, уникальные особенности его языка, концептосферы его прозаических текстов и его вдохновенных публицистических выкладок в полной мере вписываются в выведенные Филоновым признаки «*глаза видящего*» и «*глаза знающего*», антагонистическое различие между которыми рассматривается в следующих его высказываниях из цитируемого письма:

«<...> “видящий глаз” видит только поверхность предметов (объектов), да и то видит только под известным углом и в его пределах, менее половины поверхности (периферии); всей периферии глаз охватить не может, но “знающий глаз” видит предмет объективно, т. е. исчерпывающе полно по периферии, безо всяких углов зрения. “Видящий глаз” не видит ничего, кроме цвета и формы, т. е. двух явлений на периферии объекта, т. е. двух свойств всякого объекта, а сама-то периферия (поверхность) есть производное целого ряда явлений и процессов, происходящих и обуславливающих в объекте его периферию и по цвету, и по форме. Эти процессы, эти явления присущи консистенции объекта и происходят в ней ежесекундно, напр<имер>, рост, биологические, физиологические, химические процессы, реакции, претворения обмена веществ, электро-радио-магнитные и т. д.» [14, с. 229]

Схожесть, пусть даже косвенное интертекстуальное пересечение художественных методов Платонова и Филонова, в частности, в повести «Котлован», вполне допустимо ввиду того, что они жили в одно время и имели многие общие онтологические корни, формируемые той конкретной культурной и исторической эпохой. В пользу подобного подхода, ассоциативно и концептуально связывающего творчество и эстетику этих двух художников, свидетельствует также высказывание Н. Гавриловой [2], согласно ко-

торому филоновское различие «глаза видящего» и «глаза знающего» наталкивает на мысль о Платонове. Она так поясняет свой взгляд на это:

«Филоновское различие “глаза видящего” и “глаза знающего” как раз и наталкивает на мысль о Платонове. Полотна Филонова, предъявляющие не внешний вид, а самую сущность вещей, вызывают в памяти картинку из повести «Котлован» <...> Каждая ячейка, каждый атом художественной ткани (будь то текст или картина) осознается не только как часть отдельного произведения, но как часть всего творчества в целом. Приверженность своему кругу идей, проработка одних и тех же тем (тотальная связь и взаимопроникновение живого и неживого мира, освоение человеком вселенной ради самого человека, бесконечность самопознания) позволяет говорить, что Андрей Платонов всю жизнь писал одно огромное, цельное по замыслу произведение, а Павел Филонов создавал всю жизнь одну картину.» [2, с. 164–165]

Другим косвенным подтверждением применения Платоновым в тексте «Котлована» своих сценарно-кинематографических набросков также может служить способ авторского описания персонажей, виртуально-конкретизированное выведение особенностей внешнего проявления их характеров, мимики и поведения. В описаниях лиц и действий ясно прослеживается авторский взгляд, по форме напоминающий скрупулезный *сценарный комментарий*. Не скупой перечень книжных страниц, а платоновские жизнеописания характеров и многомерных событий, безжалостно спрессованных в хронотопном времени и пространстве «Котлована», имеют очевидную субъективную авторскую оценку. Так, например, описание Платоновым лиц и поведения представителей административно-партийного аппарата, именуемых им в «Котловане» *«заместителями пролетариата»*, обнаруживает очевидные признаки деформации их личности. Мимика, движения активистов носят неестественный характер, выражение их лиц деланное, выстроенное по принципу плохой актёрской игры. Мысли и эмоции умело имитируются на лице, превращая поведение этих персонажей в гротескный фарс:

Сафронов сделал на своём лице определённое выражение превосходства, прошёл мимо ног спящих лёгкой, руководящей походкой. [5, с. 37]

Спустившись с автомобиля, Козлов с видом ума прошёл на поприще строительства. [5, с. 56]

<...> на лице его получилась морщинистая мысль жалости к отсталому человеку. [5, с. 43]

Сафронов, делая интеллигентную походку и задумчивое лицо, приблизился к Чиклину. [5, с. 40]

Профуполномоченный потерял готовность лица <...> [5, с. 23]

<...> Сафронов остановился перед всеми в положении вождя ликбеза просвещения, а затем прошёл убеждённой походкой и сделал активно мыслящее лицо. [5, с. 43]

Применительно к авторскому взгляду и к восприятию платоновского текста читателем, а также согласно условной кинотерминологии платоновский *последовательно-временной монтаж* повествования в «Котловане» повсеместно сменяется *параллельным монтажом*, при котором отдельные монтажные кадры-эпизоды одного действия чередуются с кадрами-эпизодами другого: «Этот приём вызывает у зрителя впечатление одновременного развития двух параллельных действий. Он помогает сосредоточить внимание зрителя на одном действии и вместе с тем эмоционально подготовить его к восприятию другого.» [12, с. 3–4].

Вот один из примеров подобной «киномонтажной» работы Платонова с текстом. В этом довольно коротком эпизоде происходит последовательная смена углов и перспектив авторского взгляда и композиционно-монтажных планов авторских ракурсов, смена регистров информации, расширение в «обобщение» вплоть до общефилософского и сужение «в личное» передаваемых смыслов, смена временной и пространственной перспективы, смена чувств, эмоций и настроений персонажей:

Ночь продолжалась в саду, вдалеке скрипела тележка Жачева – по этому скрипящему признаку все мелкие жители города хорошо знали, что сливочного масла нет, ибо Жачев всегда смазывал свою повозку именно сливочным маслом <...> В последние два дня Жачев почему-то почувствовал желание увидеть Никиту Чиклина и направил движение своей тележки на земляной котлован.

– Никит! – позвал он у ночлежного барака. После звука ещё более стала заметна ночь, тишина и общая грусть слабой жизни во тьме. Из барака не раздалось ответа Жачеву, лишь слышалось жалкое дыхание.

– Без сна рабочий человек давно бы кончился, – подумал Жачев и без шума поехал дальше. Но из оврага вышли двое людей с фонарями, так что Жачев стал им виден. [5, с. 35]

По ходу этой по-писательски условной «съёмки камерой», осуществляемой с авторской внешней зрительной позиции через некий платоновский «внешний глаз-объектив», сначала дается общий план спящего ночного города со звуками тележки инвалида Жачева «где-то вдалеке». По времени ограниченное коротким моментом ночи действие быстро развивается от упоминания о звуках тележки Жачева, слышимых со стороны – через описание его личных обстоятельств и размышлений – к прямому плану изображения с внутренней зрительной позиции Жачева, то есть согласно его видению собственного существования, действий, передвижения и ощущений в этом пространстве. И вот наступает развязка этого эпизода – почти мгновенный переход платоновской авторской «камеры» во внешнюю зрительную позицию на внезапно появившихся из оврага двух людей с фонарями, глазами которых уже теперь виден Жачев.

Здесь Жачев показан последовательно с трех позиций как *объект*, как *субъект* и *опять как объект* авторского изображения. Построение последнего предложения этого фрагмента выглядит по-платоновски необычным, с нарушением обычного порядка и логики повествования. Происходит *сдвиг перспективы*, переход от одной точки зрения к другой со *сменой ракурса* и взаимной подменой таких компонентов перспективы, как субъект и объект. Возникает ситуация сдвига перспективы, характерная скорее для театра и кинематографа.

В другом эпизоде из «Котлована» также наблюдается резкая и последовательная смена планов и ракурсов. При описании Чиклина, одного из главных героев повести, авторский взгляд, авторский план изображения, этот «внешний глаз-объектив» сначала находится во внешней зрительной позиции, где-то извне. Последовавшая за этим неожиданная смена плана изображения концентрирует наше внимание уже на фигуре неизвестного не только для Чиклина, но и для стороннего наблюдателя человека:

Надев свой ватный, жёлто-тифозного цвета пиджак, который у Чиклина был единственным со времён покорения буржуазии, обосновавшись на ночь, как на зиму, он собрался пойти походить по дороге и, совершив что-нибудь, уснуть затем в утренней росе. Неизвестный вначале человек вошёл в ночлежное помещение и стал в темноте входа.

– Вы ещё не спите, товарищ Чиклин! – сказал Прушевский. – Я тоже хожу и никак не усну: всё мне кажется, что я кого-то утратил и никак не могу встретить <...> [5, с. 38]

Мы видим силуэт этого человека уже глазами, не узнающего его Чиклина – с его **внутренней зрительной позиции**. Чиклин видит только кого-то, вставшего в *темноте входа* в ракурсе, видимом именно с позиции Чиклина. Резкая смена плана изображения – и авторский «глаз-объектив» опять уходит во внешнюю зрительную позицию «где-то из темноты», со стороны неизвестного человека, ещё не узнаваемого Чиклиным, фиксируя при этом слова неизвестного и уже потом называя его по фамилии инженера Прушевского. Во многих местах текста «Котлована» Платонов композиционно применяет третий основной приём киномонтажа – **ассоциативный монтаж**, проявляя писательский психологизм и развивая образно-коннотативную цепочку. Рейсц [12] определяет ассоциативный монтаж таким образом:

«На практике ассоциативный монтаж часто используется вместе с параллельным. При этом чередование отдельных кусков различных действий, разных по месту, а иногда даже и по времени, но связанных единой мыслью или каким-либо внешним признаком, вызывает у зрителя новое, ассоциативное восприятие <...> Ассоциативный монтаж нередко помогает доносить до зрителя содержание сцены, эпизода или характеристику действующего лица в более заострённой художественной форме <...> Часто монтаж заставляет самого зрителя “довоображать”. При этом у зрителя может создаться впечатление о показе того, чего вообще на экране не было. Монтаж использует инерцию впечатления зрителя, ассоциативную память мозга, способность зрителя о многом «догадываться» на основе жизненного опыта и логически увязывать всё это в единую картину.» [12, с. 4]

При наблюдении за формированием образного ряда повествования во многих эпизодах «Котлована» возникает аналогия с последовательной **раскадровкой видеоряда**. Этот видеоряд предстает у Платонова в виде смены виртуализованных образов и иконических концептов в их художественном передвижении и в развитии драматургии сюжета. Они задуманы и сведены в тексте воедино в процессе наиболее точной корректировки идеи сюжета по подобию кинематографической съёмки с набором присущих ей планов, мизансцен, построения ракурса, угла зрения и изобразительных акцентов на сюжетно важной части смыслообразующих «монтажных кадров» повествования. По мнению В.А. Подороги [11], идеал платоновского художественного видения солидарен с поисками культового режиссёра-кинодокументалиста 1920–30-х годов Дзиги Вертова:

«Вертов создаёт теорию «сверхчеловеческого глаза»: этой машины-глаза (кино-око, кино-глаз), чудодейственный образец оптической механики: «Кино-глаз живёт и движется во времени и в пространстве, воспринимает и фиксирует впечатления совсем не как человеческий, а по-другому <...> Лишь благодаря этому механическому глазу человек оказывается приобщённым к новому видению, способному видеть “без границ и расстояний”. И для этого у киноглаза есть множество возможностей: одни определяются спецификой кинокамеры как механико-оптического устройства (её способностью порождать новые точки зрения на мир); другие - монтажом, благодаря которому достигается совмещение различных позиций кинокамеры во времени и пространстве, соединение несоединимого: далёкого и ближайшего, великого и не приметного, случайного и ожидаемого.» [11, с. 273]

Заключение

Таким образом, исходя из факта богатого профессионального киносценарного опыта Андрея Платонова, мы выдвигаем такую трактовку композиционного авторского решения текста повести «Котлован» в отдельных его эпизодах, согласно которой степень его образно-семиотической и поэтической наполненности во многом обусловлена тем, что он отчасти организован в эстетике и поэтике кинематографа, поэтике экспериментального кино 20-х годов, по образности близкой к образности поэзии. Наша гипотеза о сценарно-кинематографической природе платоновского взгляда на вещи находит свое косвенное подтверждение в высказываниях Платонова-публициста, созвучных понятиям «глаз знающий» Павла Филонова и «кино-глаз» Дзиги Вертова. Суть нашего подхода состоит в том, что Платонов сознательно применяет в «Котловане» особую литературно-сценарную технику подобного «внешнего глаза», пользуясь многочисленными наработками из своих «полочных» киносценариев и театральные пьес.

На протяжении всего повествования «Котлована» можно повсеместно наблюдать постоянную смену угла и перспективы авторского взгляда, строящуюся на быстрой и неожиданной смене условных композиционно-монтажных планов. Платонов путём смелой стилистической обработки текста и волнообразной смены его структуры чередует планы содержания и планы выражения и благодаря этому сужает или расширяет авторские планы изображения от узкого конкретно-жизненного до широкого образно-понятийного. Безграничный творческий ресурс Платонова в его художественном и философском видении мира проецируется в «Котловане» посредством включения писательского «глаза знающего» и реализуется через его особый авторский взгляд на психологическое поведение его персонажей и на суть описываемых в тексте явлений.

Приложение

Платонов-сценарист и его киносценарии [3, с. 17–18]

Конец 1920-х:

Песчаная учительница. Либретто. Опубликовано: Киносценарии. 1988, №2.

1931. **Машинист.** Либретто. Опубликовано: «Новый мир». 1991, №1.

Начало 1930-х гг. **Отец-мать.** Опубликовано: «Искусство кино». 1967, №3.

1936. **Воодушевление.** Опубликовано: «Здесь и теперь». 1992, №1. [1]

Конец 1930-х–1940-х:

Неродная дочь. Кинематографический рассказ. Сценарий по рассказу «На заре туманной юности» Опубликовано: «Вокруг света». 1940, №12.

1941: **Сестра красноармейца**

1942: **Бессмертный солдат**

1943. **Русское поле**

1945–1946. **Семья Иванова.** Сценарий. Опубликовано: «Советская литература». 1990, №10.

1946. **Солдат-труженик, или После войны.** Сценарий. Опубликовано: «Искусство кино». 1967, №3.

1946. **Настоящее и будущее**

1947. **Добрый Тит**

References:

1. Voodushevlenie (1936). Kinoscenarij. Opublikovan: «Zdes' i teper'», 1992. #1.
2. Gavrilova E.N. (1990). Andrej Platonov i Pavel Filonov. O pojetike povesti «Kotlovan». Literaturnaja ucheba, 1990. #1, 164–173.

3. Gracheva E. (2006). «Voodushevlenie»: Nesnjatoe kino Andreja Platonova. Zhurnal «Seans», 09/03/2006. Internet-resurs 23.06.2023: <https://seance.ru/articles/nesnyatoe-kino-andreya-platonova/>.
4. Kornienko N.V. (2000). Kinoscenarii v tvorcheskoj istorii «Kotlovana». Stat'ja v akademicheskom izdanii «Andrej Platonov. Kotlovan. Tekst, materialy tvorcheskoj istorii». Institut ruskoj literatury RAN (Pushkinskij dom). Sankt-Peterburg: Nauka, 2000, 323–363.
5. Platonov A.P. (1988). Kotlovan. Izbrannaja proza. Moskva: Knizhnaja palata.
6. Platonov A.P. (1998). A. Platonov. Sobranie sochinenij: Toma 1–3. Moskva: Izd-vo «Informpechat» ITRK RSP, 1998. T. I, 202.
7. Platonov A.P. (2003). Miry Andreja Platonova. Teleprogramma ot 24.07.2003. Uchastniki: Aleksandr Gordon – vedushhij programmy, N.V. Kornienko, E.A. Jablovok.
8. Platonov A.P. (2004). A. Platonov. Sochinenija. Nauchnoe izdanie, pod red. N.V. Kornienko. Moskva: IMLI RAN, 2004. Tom I, Knigi 1-2, 163–164.
9. Platonov A.P. (2006). Noev kovcheg: p'esy. Dramaturgija. Publikuetsja v pervye. Moskva: Vagrius.
10. Platonov A.P. (2007). Andrej Platonov. Scenarii. Proizvedenija dlja kino. Pamjatniki literatury. Mjunhen: Im Werden Verlag, Internet-resurs 23.06.2023: https://imwerden.de/pdf/platonov_kinoscenarii.pdf
11. Podoroga V.A. (2011). Ideja proizvedenija. Experimentum crucis v literature XX veka. Kniga tret'ja. Literatura kak samosoznanie. Opyt Andreja Belogo, 11–238. Kniga chetvertaja. Evnuh dushi. «Revoljucionnye mashiny» i literatura A. Platonova. 239–422. Mimesis. Materialy po analiticheskoj antropologii literatury v dvuh tomah. Moskva: Kul'turnaja revoljucija, 2011. T. 2, Chast' I.
12. Rejsc K. (1960). Montazh fil'ma (iz knigi «Tehnika kinomontazha»). 1960, 3–4. Internet-resurs 18.01.2014: <http://www.tokman.ru/tx15.html>.
13. Tihonov N. (1930). «Ajna», Nemoj fil'm rezhissera Nikolaja Tihonova po rasskazu Andreja Platonova «Peschanaja uchitel'nica».
14. Filonov P.N. (1979). Pis'mo P.N. Filonova k Vere Shoplo, 1928, ijun'. Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977. Institut ruskoj literatury AN SSSR (Pushkinskij dom). 1979, 229.

Information about the Author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) – Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies,
E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704

The author permanently lives in Helsinki.

Vassili Bouilov's 16-digit ORCID identifier: 0000-0003-2326-1513

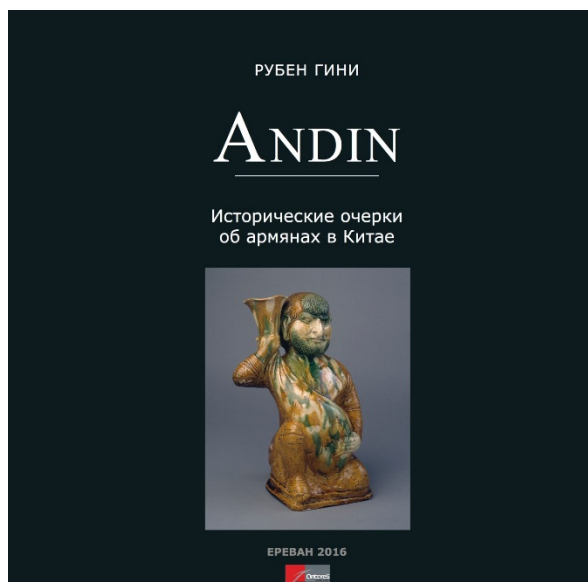
ORCID iD and the link to public record: <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Published scientific works and reports – about 100 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in research of Andrei Platonov's Idiostyle (Platonovovedenie), i.e. Lingua-Stylistic and Translatological Research of his Language, Ontology, Semiotics, Conceptology, etc.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-94-97

Ruben Giney. Andin. Historical essays on Armenians in China - Рубен Гиней. Андин. Исторические очерки об армянах в Китае, Издательство Министерство культуры Армении, "Антарес", Ереван, (2016), С.-128, ISBN: 978-9939-51-897-8

Книга "Андин. Исторические очерки об армянах в Китае" обязан своим созданием трехлетней экспедиции в рамках подготовки документального фильма "Андин. Хроники армянский путешествий. Книга представляет собой попытку переосмыслить взаимнокультурный аспект [cross cultural] взаимоотношений между Китаем и Арменией, привнести новые, ранее не известные факты в понимании взаимоотношения двух стран.

Из-за различных причин, сложилось так, что часть истории Китая так и Армении не была должным образом исследована ни в течении 20 века, ни после. Существующие до сих пор отрывочные сведения о доисторических, средневековых контактах и контактах новейшей истории представлены в мировой историографии фрагментарно, зачастую ошибочны или устарели.

В виду того, что это первая попытка автора написать книгу, ориентируясь непосредственно на первоисточниках и открытиях, сделанных им во время нескольких экспедиций в 2012-2014 годах, книга на первый взгляд может показаться неоднородной. Однако именно эта неоднородность и есть главное достижение книги, потому что таким образом она показывает те границы, на которые следует обратить внимание историкам в наши дни. Вместе с тем, важно понимать, что исследование кросс-культурных связей Армении и Китая позволит по-новому взглянуть на историю этих стран, познакомить китайских и армянских исследователей с новыми обоюдными источниками.

Первый очерк, представленный в книге "Андин. Исторические очерки об армянах в Китае" являет собой подробный анализ путешествия в Китай португальского миссионера Бенито де Гоиша в сопровождении армянина по имени Исаак, имевший место в начале 17 века. Во время съемок фильма, группа сама физически прошла указанный маршрут, преодолев 2,200 миль от Пекина до Урумчи на верблюдах, лошадях и пешком. Путешествие по северной ветви Шелкового пути считается одним

из самых трудных, потому что приходится преодолевать северные окраины пустыни Такла-Макан. Именно по этим путям прошли Бенито де Гоиш и армянин Исаак четыреста лет назад. Армяне пользовались популярностью среди европейских путешественников, не только потому что давно практиковали торговлю с Китаем, но также потому что являлись христианами, тем самым выступали связующим звеном между Западом и Востоком. Все это подробно описано Бенито де Гоишем, и подтверждается другими источниками, которые приведены в книге. Путешествие Бенито де Гоиша также важно, потому что именно благодаря ему Европа смогла наконец сопоставить данные о Катае [Cathay] и Китае [China], которые до этого считались разными странами. Глава снабжена картой, который автор проанализировал, опираясь на многочисленные китайские, тюркские, европейские, латинские, русские топонимы.

Помимо этого произведена попытка собрать, сравнить все известные на сегодняшний день первоисточники и поздние переводы путешествия Бенито де Гоиша и Исаака. Для этого в течение трех лет проводилась работа по изучению материалов из Германии, Англии, Китая и России. Полный перечень приводится в качестве приложения [index] к первой главе.

Второй очерк "Китайская чаша Сюандэ из Гюмри" академическое описание редкой на территории Армении находки китайского предмета. Как выяснилось, в фондах Регионального музея Ширака хранится традиционная китайская бронзовая чаша с характерной печатью [dà míng xiān dé], соответственно на первый взгляд речь идет о произведении искусства времен царствования императора Чжу Чжаньцзи [] 1425-1435 гг., однако сравнительный анализ, сделанный автором, показал, что это спорный момент. В главе приводится ряд аргументов, говорящих в пользу того, что речь идет об изготовленной кустарным методом поздней копии. Об этом свидетельствуют вес, форма и отсутствие типа чаши из Регионального музея Ширака в императорском каталоге Сюандэ, выпущенном в 1426 году, а также визуальный анализ аналогичной чаши из Императорского дворца в Пекине. Не менее интересным остается вопрос, как и когда данное изделие попало на территорию современной Армении. В книге сделана попытка разобраться и в этом аспекте, следуя китайским источникам более позднего периода, а также учитывая исторический бэкграунд, когда Китай вновь стал активно торговать с западными странами, включая ближних соседей - Индию и Персию, где на протяжении 17-19 веков особенно активна была армянская межконтинентальная торговая сеть с центром в Новой Джульфе. Становится более очевидным, что чаша Сюандэ была привезена в гораздо более позднее время, указанной на ней даты - определенно после или даже во время правления императора Канси [Kangxi] (1661-1722). Тем не менее факт находки говорит о том, что контакты между Арменией и Китаем в сфере торговли заслуживают более интенсивного внимания со стороны международных ученых.

Xuande Bronze Bowl from Shirak Regional Museum
Photo courtesy of Hamazasp Khachatryan/Ruben Giney

Третья глава приводит полную на сегодняшний день биографию Джоаннеса Лассара [Johannes Lassar], переводчика первой Библии на китайский язык. История начинается в городе Серампор, недалеко от Калькутты (совр. Колкаты), где в 1803 году английскими миссионерами У. Кэри, Дж. Маршманом иницируется проект по переводу Библии на китайский язык для успешного распространения христианства в указанной стране. Среди подходящих кандидатов для выполнения этой работы привлекается молодой армянин по имени Джоаннес (Ованнес) Лассар (Газарян) с окладом труда в 450 фунтов годовых. Глава книги напоминает скорее увлекательную историю, подкрепленную многочисленными письмами, документами, отчетами времен колониальной Индии, где на протяжении почти пятнадцати лет идет работа над переводом.

В общей сложности для наиболее полного описания этих лет автором книги были изучены тысячи страниц архивных материалов, разбросанных в Шанхае, Лондоне, Колкате и самом Серампоре, где в библиотеке Серампорского колледжа также удалось отыскать библию на армянском языке с пометками пока что не установленной личности (возможно самого Лассара). Как утверждает в одной из своих писем Дж. Маршман, перевод китайской библии опирался на армянскую версию, которую Джоаннес Лассар принес с собой. В отдельной части статьи указываются ближайшие родственники Джоаннеса Лассара, широко известные в научных кругах теми, кто интересуется вопросами межконтинентальных торговых сетей раннего колониального периода.

Глава снабжена большим количеством отсылок на первоисточники, а также изображениями для полного восприятия эпохи. В ближайшем будущем планируется провести дополнительные исследования, для определения дальнейшей участи Джоаннеса Лассара, в частности очередная экспедиция в Колкату и Серампор. Автор надеется отыскать в регистрационных книгах сведения о смерти и месте захоронения Джоаннеса Лассара. Экспедицию планируется осуществить в 2025-м году.

И, наконец четвертый, последний очерк книги "Данные о местонахождении Кайрака с армяно-сирийской надписью" - рассказывает о находке, сделанной русским востоковедом Николаем Пантусовым [Nikolay Pantusov] (1849-1909) в 1893 г. в окрестностях Пишпека (совр. Бишкека). В 1893 году им было исследовано древнее кладбище. Среди находок особенно важна одна, в контексте изучаемой в данной книге истории, а именно надгробный камень (кайрак) с армяно-сирийскими надписями, изучением которых в свое время занялся известный арменовед Николай Марр. Благодаря его стараниям удалось расшифровать надпись, которая относится к 1323 году н.э. а также имя усопшего - епископа Ованнеса.

Дальнейшая судьба кайрака Пантусова многие годы оставалась не известной. Были опасения, что находка была потеряна в ходе второй мировой войны. Единственным источником являлся черно-белый оттиск, выполненный самим Николаем Марром, который фигурировал в дореволюционной, а позже в советской историографии. В ходе съемок документального фильма в 2012-м году, удалось отыскать местонахождение кайрака Пантусова и определить его фондовый номер.

Вопрос установления армянского епископатства в Центральной Азии остро обсуждался на рубеже девятнадцатого и двадцатых веков, учитывая тот любопытный факт, что информация с кайрака перекликается с данными, полученными из другого не менее интересного источника - Каталанской карты [Catalan Atlas] из Национальной библиотеки Парижа, оригинальный манускрипт которого автор также имел возможность изучить, где утверждается, что на берегу озера Иссы-Куль был возведен армянский монастырь.

Данная статья призвана воскресить интерес к указанному периоду и вопросу, несомненно заслуживающему внимания современных исследователей.

Рубен Гиней [Ruben Giney]
Independent Researcher, Film director, Producer
National Geographic China Photographer, Norq Magazine Chief-Editor
President Prize Award winner for documentary film “Andin Armenian Journey
Chronicles” (2015)
Beijing, China
chinhayo@hotmail.com
+86 13051277909

Characteristics of the journal: international, peer-reviewed, scientometric databases,

Published three times a year, open access articles.

Type setting DTP: L. Shmict

Printing risography.

Format 60x84 1/16. Offset paper N1. A printed sheet 31.

Circulation 100.

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont, USA

E-mail: infoccs.edu@gmail.ru